

Э.М. Рянская

Р.В. Федорова

**КАТЕГОРИЯ ПРОСПЕКТИВНОСТИ:
СПЕЦИФИКА, ВЕРБАЛИЗАЦИЯ**

Монография

**Издательство
Нижевартовского
государственного
университета
2015**

УДК 81
ББК 81.2
Р 98

Печатается по постановлению редакционно-издательского совета
Нижевартовского государственного университета

Рецензенты:

доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры романо-германской
филологии и межкультурной коммуникации Института межкультурной
коммуникации и международных отношений Белгородского государственного
университета *Е.Н.Михайлова*;

кандидат филологических наук, профессор,
профессор кафедры теории и практики французского языка Нижегородского
государственного лингвистического университета
им. Н.А.Добролюбова *В.Н.Бурчинский*

Рянская Э.М., Федорова Р.В.

Р 98 Категория перспективности: специфика, вербализация:
Монография. — Нижевартовск: Изд-во Нижеварт. гос. ун-та, 2015. —
166 с.

ISBN 978-5-00047-289-7

Монография посвящена описанию аспектуальной категории перспективности и особенностям ее языковой объективации в русском, английском и французском языках. Работа выполнена с позиции репрезентации понятийного содержания языковых единиц, позволяющей по-новому осмыслить категорию способа действия, составить представление о перспективности как категории, отражающей определенный опыт познавательной деятельности человека. Использование ономаσιологического подхода иллюстрирует возможности решения аспектологических проблем на примере разноструктурных языков.

Для специалистов по общему и сравнительному языкознанию, когнитивной лингвистике, филологов, занимающихся проблемами аспектологии, преподавателей вузов, аспирантов и магистрантов.

ISBN 978-5-00047-289-7

© Рянская Э.М., Федорова Р.В., 2015
© Издательство НВГУ, 2015

ВВЕДЕНИЕ

Настоящее издание посвящено проблеме языковой объективации категории проспективности на примере русского, английского и французского языков.

Вопросы аспектологии, на протяжении долгого времени привлекающие внимание лингвистов, сохраняют свою актуальность. Не полностью изученной остается понятийная сфера аспектуальности, представляющая большой интерес с точки зрения исследования специфики процессов концептуализации и языковой категоризации совершаемого действия.

В современной отечественной и зарубежной лингвистике аспектуальность получила всестороннее изучение в работах Н.С.Авиловой, М.Я.Гловинской, А.В.Исаченко, Ю.С.Маслова, В.А.Плунгяна, Е.В.Падучевой, Н.Б.Телина, В.С.Храковского, М.А.Шелякина, И.Б.Шатуновского, Б.Комри, М.Флайера, Г.Гийома, М.Гиро-Вебер, Д.Пайара, Ж.-П.Семона, Л.Теньера и др.

В последние десятилетия общетеоретические вопросы аспектологии, в том числе близкие к тематике настоящего исследования, рассматриваются в работах Анны А.Зализняк, А.Д.Шмелева [Зализняк, Шмелев 2000], А.В.Бондарко [Бондарко 2001], Л.П.Пицковой [Пицкова 2002], Э.М.Рянской [Рянская 2002], Т.В.Белошапковой [Белошапкова 2007].

Одной из важных идей в современных аспектологических исследованиях является использование концептуальных оснований в изучении межъязыковых соответствий аспектуальных характеристик действия. В отличие от существующих в этой области работ данное исследование не ограничивается рамками выявления универсальных и специфических способов языковой репрезентации характера протекания действия и направлено на описание несистемных образований, к которым следует отнести способы действия, рассматриваемые как широкое понятие (в отличие от способов *глагольного* действия) применительно к разноструктурным языкам. В выражении аспектуальных характеристик действия могут участвовать разноуровневые языковые средства, в большей степени в языках аналитического строя, где возможности

использования глагольных словоформ существенно ограничены. Опора на ономазиологический анализ позволяет обнаружить наиболее константные параметры концептуализации и категоризации совершаемости действия и их частные проявления в разных языках.

Среди малоизученных способов действия выделяется *проспективность*, характеризующая протекание процесса в его доначальной фазе. Незаработанность вопроса о статусе категории проспективности, а также отсутствие теоретических положений о ее структуре и языковой репрезентации обусловили актуальность и необходимость данного издания.

Исходя из того, что понятийные категории могут характеризоваться структурой, в качестве «ядра» которой выступает соответствующая ей грамматическая категория [ЛЭС 1990: 385], проспективность соотносится с лексико-грамматической категорией способа действия (морфологической категории для передачи проспективности нет ни в одном из рассматриваемых в данной работе языков).

Проспективный способ действия обладает в составе категории аспектуальности самостоятельным статусом. В качестве объекта рассмотрения выступают аспектуальные ситуации категории проспективности. Впервые предпринята попытка детализации проспективного способа действия с когнитивных позиций и на основе использования новых языковых данных. Фактором новизны данной работы является целостный взгляд на структуру и понятийное содержание проспективности как самостоятельной категории, обозначающей доначальную стадию аспектуальной характеристики действия. Полученные результаты углубляют представление о категории аспектуальности как результате концептуализации путем отбора значимых для определенной языковой культуры понятий о характере и объеме процесса.

Теоретической базой послужили труды отечественных и зарубежных исследователей в области общетеоретических вопросов аспектологии (Т.В.Белашапкина, А.В.Бондарко, Г.Гийом, Е.В.Горбова, В.В.Колесов, Э.Кошмидер, Ю.С.Маслов, В.П.Недялков, Л.П.Пицкова, В.А.Плунгян, Э.М.Рянская, Л.Теньер, Е.Я.Титаренко, М.А.Шелякин, В.Comrie, A.Klum,

В.Pottier) в рамках проблематизации понятий «аспектуальность», «аспект», «вид», «способ действия»; по теории и философии языка (Г.Гийом, О.Есперсен, А.Е.Кибрик, И.И.Мещанинов), затрагивающие вопросы теории понятийных категорий и проблему ономазиологического подхода к описанию категорий; по когнитивной лингвистике (Е.С.Кубрякова, Д.Б.Никуличева, С.А.Чугунова, Р.Charaudeau, С.Noyau), включающие проблематику выявления когнитивных основ концептуализации времени и построения временных моделей; по истории языка (О.О.Борискина, О.Браше, К.Бруннер, А.Доза, В.М.Жирмунский, Вяч.Вс.Иванов, Т.А.Майсак, О.И.Москальская, А.И.Смирницкий, Н.И.Филичева, С.В.Шустова, С.Barbet, J.L.Bybee, S.Fleischman, В.Heine, G.Moignet, Н.J.Verkuyl, С.Vet), в частности, касающиеся эволюционного аспекта формирования грамматических категорий, проблемы взаимодействия категорий аспектуальности, темпоральности и модальности; в области психологии и психолингвистики (Т.Н.Березина, В.И.Ковалев, А.А.Мельникова, В.А.Москвин, Н.В.Москвина) по проблеме восприятия времени индивидом.

В качестве фактического материала использовались примеры из произведений художественной литературы на современном русском, английском и французском языках. Текстовые выборки дали более 5000 примеров употребления репрезентантов категории проспективности в художественных текстах. Были также привлечены данные лексикографических источников и ресурсов корпусной лингвистики: Корпуса русского литературного языка (КРЛЯ) [<http://www.narusco.ru>], Национального корпуса русского языка (НКРЯ) [<http://www.ruscorpora.ru>], Британского национального корпуса (BNC) [<http://corpus.byu.edu/bnc/>], Корпуса французского языка (ABU) [<http://www.abu.cnam.fr>].

Методология исследования определяется когнитивным подходом, одной из целей которого является объяснение фактов языка в связи с отражением в них результатов познавательной деятельности человека. Когнитивный анализ позволяет установить, как категоризуется рассматриваемый этап совершаемости, какие представления о процессе приводят к порождению

языковых построений или к использованию резервных языковых средств.

В работе использован антропоцентрический подход, отличающийся, как справедливо отмечает В.Э.Морозов, от лингвоцентрического в первую очередь не особыми методами, а целями, которые состоят в объяснении языка и речи как находящихся в «неразрывной связи с сознанием и мышлением человека, порождающего мысль и речь и воспринимающего мысль и речь» [Морозов 2003: 29].

В результате детализации проспективных ситуаций и изучения способов их вербализации становятся очевидными следующие особенности категории проспективности:

1. Проспективность обладает самостоятельным статусом в составе категории аспектуальности, соответствуя, с точки зрения когнитивных позиций, представлению о «совершаемости», «стадии реализации процесса», в традиционной терминологии — способам действия.

2. Как способ действия проспективность обладает статусом «свободных несистемных образований» (согласно определению Г.Гийома) и характеризуется принадлежностью к лексико-грамматической сфере как межуровневому явлению.

3. Проспективность как составная часть аспектуальности входит в сферу взаимодействия с категориями модальности и темпоральности на основании ряда факторов (функциональная многозначность языковых форм, семантический потенциал слов, их способность к развитию лексико-семантических вариантов значения и др.).

4. Универсально-константная составляющая структуры категории выявляется путем анализа разноуровневых средств языковой репрезентации. Базовыми когнитивными параметрами, наиболее эксплицитно характеризующими данную категорию, являются: целенаправленность (намеренность), динамичность и поэтапность совершаемости действия.

5. Неоднородность структуры категории проспективности обусловлена отражением субъективных представлений о совершаемости действия. Категория проспективности соотносится с пространственно-временными представлениями о процессе

и видением действия как проявления направленности сознания, воли, чувств субъекта, т.е. с психологической составляющей в восприятии готовности к смене ситуации.

6. Выявленные языковые формы способны выражать диапазон перспективных ситуаций, отражающих степень вероятности совершения действия субъектом: наименьшую (намерение и более отдаленная перспектива), большую (приближение или близость вступления в действие, свидетельства о реализации которого имеются в настоящем или выражаются достаточной уверенностью субъекта в близкой реализации действия) и наибольшую — неизбежности, предопределенности.

Данная работа состоит из введения, двух глав и списка использованной литературы. В первой главе определяется место перспективности в аспектуальной характеристике действия; рассматриваются вопросы взаимодействия аспектуальности с категориями модальности и темпоральности, истоки формирования категории перспективности; обосновывается специфика категории перспективности; рассматриваются ее когнитивные основы; дается структурно-понятийная характеристика исследуемой категории. Вторая глава содержит анализ языкового материала. Дается характеристика понятийных ситуаций перспективности, полученные данные сведены в таблицы, иллюстрирующие особенности выявленных параметров категории перспективности.

Глава 1

ПРОСПЕКТИВНОСТЬ В СФЕРЕ АСПЕКТУАЛЬНОСТИ

1.1. Место перспективности в аспектуальной характеристике действия

Аспектуальность является направлением лингвистических исследований, которое продолжает активно развиваться в русле современных направлений и школ, пополняя данную область результатами изучения новых языковых фактов. Перспективность относится к аспектуальной характеристике действия, соответствующей, с точки зрения когнитивных позиций, представлению о «совершаемости», «стадии реализации процесса» [Рянская 2002 б], в традиционной терминологии — к способам действия. В связи с этим уточним ряд понятий.

Аспектуальность (от лат. *aspectus* — внешний вид, облик) относится к наиболее распространенным в языках мира категориям [Бондарко 2005; Маслов 1994]. По мнению М.А.Шелякина, аспектуальность — это категория, которая «характеризует способы распределения действия во “внутреннем” времени с точки зрения наличия (отсутствия) в проявлении действия временной перспективы» [Шелякин 2001: 74].

Понятие аспектуальности связано с термином *аспект*, употребляемым «для описания любых грамматических противопоставлений, принадлежащих данной семантической зоне» [Плунгян 2000: 293]. Согласно В.В.Колесову, аспект обозначает протекание действия во времени независимо от точки зрения субъекта-наблюдателя и выражается не только с помощью глагольных форм — в разные времена аспект в языке передавался различными способами [Колесов 2005: 512].

Л.Теньер использует термин «*aspect*», связанный с семантическим содержанием, отрицая при этом существование вида во французском языке. По словам французского лингвиста, аспект — это такая категория, которая соотносится со степенью

законченности процесса, а также длительностью его различных фаз [Теньер 1988: 570].

Во французской лингвистической традиции используется термин *aspectuels*, которым обозначаются глаголы или словосочетания, выражающие процесс в его осуществлении, отличая, таким образом, способы глагольного действия от собственно *aspect*, т.е. аспекта (вида). В лингвистическом словаре под редакцией J.Dubois аспект (*l'aspect*) трактуется как грамматическая категория, выражающая репрезентацию процесса говорящим субъектом с помощью глагола (или имени действия) — его продолжительность, развитие или завершение. Что касается времени и модальности, то они отражают характеристики самого процесса, обозначенного глаголом, независимо от представления действия говорящим [DL 1994: 53—54]. Ж.Фейе различает вид (*aspect*) и аспективность (*aspectivité*), которая в основном соответствует *Aktionsart*, т.е. способам действия. Более подробное описание взглядов французских лингвистов по данной проблеме дается в работе Э.М.Рянской [Рянская 2002 б: 7—19].

Относительно английского языка высказывается точка зрения, согласно которой категория аспектуальности может проявляться как грамматическая (простые и длительные видовые формы) или лексико-грамматическая (временные выражения, характеризующие характер протекания действия во времени), т.е. в зависимости от способа языкового выражения. Кроме того, как ориентированная на позицию, «точку зрения» наблюдателя по отношению к описываемой им ситуации она может выступать и как прагматическая, обнаруживая определенное сходство с категорией модальности, которая представляет собой отношение говорящего к содержанию высказывания [Соколова, Гридина 2008: 120].

В теории функциональной грамматики, разработанной под руководством А.В.Бондарко, аспектуальность определяется как функционально-семантическая категория, характеризующая протекание и распределение действия во времени и представляющая собой полевую организацию разноуровневых языковых средств — морфологических, синтаксических, словообразовательных, лексико-грамматических, лексических и т.д. [Бондарко 2005]. Аспектуальность как функционально-

семантическая категория шире глагольного вида. Как пишет Е.А.Кокарева, несмотря на то, что аспектуальные значения сосредоточены в сфере действия (в сфере глагольного предиката), аспектуальность выходит за пределы действия-предиката и речь может идти об аспектуальной характеристике высказывания в целом [Кокарева 2003].

Очевидно, что понятие аспектуальности достаточно широкое и, как справедливо отмечает Т.В.Белошапкина, произошедший с течением времени этот процесс расширения отражен в динамике развития терминологии: *аспектуальность, aspect, Actionsart, вид, совершаемость (способ глагольного действия)*, т.е., полагает автор, из узкоморфологической категории аспектуальность перешла в разряд межуровневых [Белошапкина 2007: 9].

Несовпадение позиций по трактовке базовых терминов в области аспектологии, вариативность терминов, наличие омонимов и синонимов, расхождения в употреблении терминов в славистике и зарубежной лингвистике — все это определяет стремление исследователей уточнить содержание используемых понятий. Согласимся с мнением Е.Я.Титаренко, что наличие национально-интернациональных терминологических дублетов, в частности, вид/аспект, способ действия/акционсарт, вполне допустимо [Титаренко 2013].

Отметим также высказывание Р.З.Мурясова относительно иерархии аспектологических понятий: «Иерархию основных аспектологических понятий можно представить в виде нисходящей линии по степени обобщенности: аспектуальность (межуровневое понятие) — вид (морфологическое понятие) — предельность — неопредельность (лексико-грамматические разряды) — характеризованные и нехарактеризованные способы действия (они, особенно последние, ориентированы на лексическую семантику глаголов, т.е. лексикоцентричны» [Мурясов 2001: 89].

В целом термин «аспект», используемый как в отечественной, так и в зарубежной лингвистике, чаще применяется по отношению к неславянским языкам, а «вид» имеет отношение к «виду славянского типа» [Горбова 2011: 9]. В сопоставительной лингвистике учитывается тот факт, что в «безвидовых» языках

аспектуальные значения, соответствующие противопоставлению совершенный/несовершенный вид, выражаются различными средствами, включая контекст [Гак 1983; Хандамова 1994; Бондарко 2001]. Согласно Л.П.Пицковой, понятие способов глагольного действия было введено применительно к тем языкам, в которых категория вида как таковая отсутствует [Пицкова 2002: 57].

Проблема разграничения вида и способа действия в языкознании достаточно широко освещена, начиная с работ А.А.Потебни [ЛЭС 1990: 48], хотя различения этих понятий в грамматиках различных языков по-прежнему встречаются [Поленова 2003: 94].

Основные различия сводятся к тому, что вид указывает на протекание действия во времени с точки зрения его внутренней темпоральности, которое оценивается говорящим, следовательно, принадлежит к субъективно-объективным интерпретационным категориям [Маслов 1994: 6; Comrie 1996: 3], кроме того, представлен противопоставлением морфологических форм глагола [Klum 1991: 106], т.е. имеет строгий парадигматический характер [Бондарко 1996: 12].

Способ действия характеризуют как объективную категорию, отраженную в семантике слова в виде имплицитно содержащихся «грамматических сигналов» [Кацнельсон 1992: 78]. По мнению Л.П.Пицковой, категория вида и способы действия отличаются средствами их выражения, а сходство заключается в том, что обе категории «характеризуются аспектуальной семантикой» [Пицкова 2002: 154]. Проблема отличия этих двух понятий заключается в проявлении взаимодействия этих явлений в плане выражения, а также в самой их природе [Рянская 2002 б: 9].

Таким образом, в целом в решении вопроса о взаимоотношении категории вида и способов глагольного действия можно обозначить наметившееся четкое разграничение: категория вида — это явление морфологии, способы глагольного действия принадлежат лексико-грамматической сфере. Считаем также целесообразным подчеркнуть важность такого критерия как открытость/закрытость. Идею открытых и закрытых языковых структур предложил Г.Гийом, указав на то, что систематизация языка реализуется в направлении закрытой или

открытой цепи образования понятий. В первом случае речь идет о выборе из конечного набора форм («несвободные системные образования»), в нашем случае двух видов — совершенного или несовершенного. Вторые («свободные несистемные образования») не соотносятся с языковыми парадигмами, к ним можно отнести способы глагольного действия, которые ученый обозначает как «аспекты» глагола [Гийом 1992: 108—109; Рянская 2008: 45].

Использование термина «способ глагольного действия» подразумевает, что изучению подлежат именно глаголы, их внутриглагольные лексические и лексико-грамматические особенности [Пицкова 2003: 33]. Однако в выражении аспектуальной характеристики протекания действия участвуют и другие языковые средства, прежде всего, в языках аналитического строя, имеющих минимальные возможности использования глагольных словоформ. В настоящей работе мы опираемся на позицию тех лингвистов, которые считают, что способы действия не могут отождествляться только с лексико-грамматическими группами глаголов. Речь должна идти о межуровневых языковых средствах. Таким образом, сохраняя традиционный термин «способы действия», мы выходим за рамки исследования глагольных форм и рассматриваем способы действия как соотносимые с понятием репрезентации совершаемости действия (процесса) разноуровневыми единицами языка.

Выбранный нами для изучения языковой материал предполагает описание характеристики действия на примере разноструктурных языков, что требует применения такого подхода, который бы позволил преодолеть связанные с языковыми особенностями трудности классификации разновидностей репрезентируемых оттенков проспективности. Данное обстоятельство определило выбор когнитивного подхода, в рамках которого используются такие понятия, как ономаσιологический анализ и понятийная категория.

Общеизвестно, что когнитивный подход позволяет выявить взаимосвязи между мыслительными категориями и языковыми способами их выражения. Согласно точке зрения

Е.С.Кубряковой, в задачи когнитивной лингвистики входит изучение не только ментальных процессов, но и когнитивных аспектов самих языковых явлений. Исследуется то, в каком виде вербализуются формируемые человеком структуры знания [Кубрякова 1996]. Выбор единиц анализа (концепт, фрейм, картина мира, категория и т.д.) зависит, очевидно, от объекта или материала исследования. Понятийные категории, понимаемые как универсальные, свойственные всем или большинству языков, выступают как «основа сводимости описаний разнообразных и разносистемных языков» [ЛЭС, 1990: 385]. Поэтому концептуальный анализ в настоящей работе составляет основу интерпретации и систематизации содержательного наполнения языковых единиц.

Что касается использования ономаσιологического анализа, то его главный принцип «от содержания» применим к когнитивному подходу, предполагающему изучение содержания знания, отражающего опыт восприятия и осмысления мира, членения фрагментов или явлений окружающей человека действительности. На то, что ономаσιологическое описание является по своей сути когнитивным, указала Е.С.Кубрякова [КСКТ 1996]. С опорой на данный подход выполнено исследование Т.В.Белошапковой «Когнитивно-дискурсивное описание категории аспектуальности в современном русском языке» [2007].

Л.П.Пицкова, анализируя работу А.Клюма, отмечает важность того, что ученый, рассматривая способы глагольного действия как категорию, проявляющуюся в значении глагола в его контекстуальном окружении, использовал в качестве основы анализа ономаσιологический принцип, состоящий «в построении понятийной системы независимо от лингвистических данных и в наложении на эту систему средств, которыми обладает конкретный язык» [Пицкова 2002: 51].

Обращение к понятийной сфере при изучении категории проспективности, как и аспектуальности в целом, обусловлено, таким образом, необходимостью нахождения универсально-константной структуры категории с опорой на анализ различных средств языковой репрезентации.

В Лингвистическом энциклопедическом словаре под понятийной категорией понимается «замкнутая система значений некоторого универсального семантического признака или же отдельное значение этого признака безотносительно к степени их грамматикализации и способу выражения в конкретном языке» [ЛЭС 1990: 216]. По данным словаря лингвистических терминов, «понятийная категория» — это отвлеченное обобщенное значение, имеющее соответствующее языковое выражение [Розенталь, Теленкова 1995].

Согласно исследованиям, посвященным проблеме возникновения понятия «понятийные категории», данный термин, введенный в научный обиход О.Есперсеном, соответствует «универсальным категориям», которые соотносимы с онтологическими категориями [Федяева 2010]. Проследив историю вопроса о понятийных категориях, А.А.Худяков изложил лингвистические позиции ряда известных ученых, развивавших идею универсальных категорий, — В. фон Гумбольдта, Г.Пауля, О.Есперсена, Г.Гийома, И.И.Мещанинова и других [<http://www.pomorsu.ru>]. Значимым представляется замечание о том, что в языковедческой литературе еще до О.Есперсена высказывались предположения о существовании «ментальной сущности, предвещающей языковые (в особенности грамматические) построения и лежащей в их основе». Понятия как дискретные элементы сознания группируются в сложные структуры, называемые понятийными категориями [там же].

К трактовке понятийных категорий приближался еще Аристотель, который, установив десять категорий, опирался в своей классификации на определение понятий [Кузнецов 2004: 46]. Важным для нашего исследования является выявление античным философом возможности сосуществования категорий пространства («место») и времени [там же].

В настоящей работе, вслед за А.В.Бондарко [Бондарко 2001], Т.В.Белашапковой [Белашапкова 2007], термин «категория» используется как по отношению к универсальным понятийным категориям, так и по отношению к частным понятийным составляющим этих категорий. Следовательно, категория перспективности, с одной стороны, входит в понятийное поле

категории аспектуальности, с другой — соотносится со способом действия как языковой категорией, отражая на понятийном уровне широкий спектр представлений о доначальной фазе процесса.

Вопрос об отношении понятийных категорий к языковым является одним из сложных. Отметим в этой связи идеи, высказанные И.И.Мещаниновым, внесшим наибольший вклад в изучение понятийных категорий. Для ученого понятийные категории выступают «непосредственными выразителями норм сознания в самом языковом строе. Они служат тем соединяющим элементом, который связывает, в конечном итоге, языковой материал с общим строем человеческого мышления, следовательно, и с категориями логики и психологии» [Мещанинов 1985: 15]. Известные понятия, которые являются продуктом исторического процесса развития человеческого общества, в разных языках получают многообразное выражение, они выявляются в языке, в его лексико-грамматическом строе. Ученый считал, что понятийные категории, получив языковое оформление, становятся грамматическими понятиями, а в грамматических категориях отображаются только те понятия, которые получают в языке формальное выражение [Мещанинов 1988: 237—238]. Таким образом, можно заключить, что в разных языках может получить отражение не все понятийное содержание, а лишь отдельные его аспекты.

Нередко цитируется высказывание О.Есперсена о том, что грамматические категории являются тенями понятийных категорий, которые не зависят от вида конкретного языка [Есперсен 1988]. В связи с этим уместно заметить, что языковые факты свидетельствуют об определенных различиях в восприятии действительности, что позволяет детализировать когнитивную структуру категории и определять межязыковую эквивалентность, в нашем случае — при описании процесса совершаемости действия или события во времени.

Традиционное описание способов действия связано в первую очередь с выявлением глагольных классов определенного «аспектуального поведения», что применимо для языков,

имеющих более или менее регулярные способы выражения характеристики действия в рамках глагола. Такой подход дал значительные теоретические и практические результаты в многочисленных аспектологических исследованиях. Однако обращение к разноструктурным языкам в описании способов действия на основе данного принципа теряет свою актуальность. Новизна когнитивного направления в изучении аспектологических проблем на примере нескольких языков заключается в возможности выявить универсальные и специфические понятийные категории, связанные с реконструкцией подсистемы знаний и представлений, и проследить особенности их языкового выражения. Преимущество такого подхода заключается в том, что через понятийную основу могут быть установлены сходные пути концептуализации различных аспектуальных ситуаций, представленных различными языковыми средствами. Это значительно облегчает задачу осмысления явления аспектуальности, а также практического использования языков в межкультурной коммуникации.

На этом основании обращение к русскому, английскому и французскому языкам с целью изучения не только специфических, но и универсальных средств объективации категории проспективности требует рассмотрения данного способа действия последовательно с позиции его понятийного содержания, а затем — его языкового выражения. В соответствии с указанной методикой исследования аспектуальные характеристики процесса соотносятся со способами действия таким образом: *представления* → *понятийные категории* → *аспектуальные ситуации* [Рянская 2002 б: 3—4]. Подобный анализ позволяет реализовать принцип системности в описании способов действия и принцип значимости смыслов или понятийных основ в актуализации аспектуальных ситуаций.

В подтверждение актуальности выбора направления исследования приведем точку зрения В.Н.Базылева, который, анализируя тенденции изучения языка в современной российской лингвистике, отмечает важность антропоцентрического подхода, позволяющего по-новому подходить к результатам осмысления мира, оценить роль языка как обеспечивающего доступ

к процессам ментального, познавательного характера, т.е. концептуализации и категоризации. Автор высказывает предположение, что целый ряд онтологических категорий и основных концептов бытия предшествуют языку, но только язык способен объективировать концепты и концептуальные структуры, придавая им определенную завершенность [Базылев 2009: 22—23].

Совершенно очевидно, что невозможно представить универсальный набор способов действия для всех языков, который гипотетически может существовать на понятийном уровне. Предпринятая в настоящей работе попытка «разложить» проспективные характеристики действия на отдельные компоненты доказывает, что они входят в открытый класс («свободные несистемные образования», согласно определению Г.Гийома). Процесс детализации категории носит условный характер и является приемом исследования.

Подводя итог, отметим, что традиционное описание способов действия осуществляется «от формы к содержанию», т.е. семасиологическим путем. При обращении к материалу разных языков данный подход утрачивает свою значимость и требует поиска таких методов, которые позволяют видеть как общие, так и специфические черты реконструируемых знаний и представлений о совершаемости действий или процессов. В связи с этим представляется целесообразным использовать при изучении способов действия ономазиологический подход — «от содержания к форме». Анализ проспективности как понятийной категории позволяет определить круг аспектуальных понятийных ситуаций и затем сопоставить языковые возможности их выражения в русском, английском и французском языках.

Выбранная стратегия не исключает обращения к методу «от формы к содержанию» в тех случаях, когда необходима более полная верификация данных. Как отмечает А.Е.Кибрик, «исходными объектами лингвистического описания следует считать значения <...> и им ставить в соответствие выражающие их языковые формы» [Кибрик 2002: 24]. Согласно точке зрения автора, этот постулат предполагает, что процесс исследования должен быть цикличным, т.е. необходимо сочетание индуктивного и дедуктивного методов.

1.2. Перспективность в контексте взаимодействия категорий аспектуальности, модальности и темпоральности

Понятийные категории, связанные с характеристикой действия (процесса), являются сложным комплексом, в котором они взаимосвязаны и часто переплетены на уровне способов их выражения.

О пересечении полей аспектуальности, темпоральности и модальности упоминается в работах Т.В.Телецкой [Телецкая 2005], Н.А.Козинцевой [Козинцева 1991]. Вопросы взаимодействия категории времени и аспектуальности решаются в диссертационных исследованиях В.И.Миколайчика (на материале языка дари) [Миколайчик 2002], М.Н.Бочаровой (на материале русского и французского языков) [Бочарова 2004], Е.В.Воробьевой [Воробьева 2011: 7] и в ряде работ зарубежных авторов [Vet 1994; Verkuyl 1996; Leith, Cunningham 2001], что позволяет говорить о важности данной проблемы. Поиск универсальных категорий и принципов, которые лежат в основе пересечения категорий времени и аспекта, а также изучение языкового разнообразия их проявления нашли отражение в более ранних трудах, посвященных вопросам отношения между логической семантикой и прагматикой дискурса, поскольку эти две функциональные области взаимодействуют в пределах систем темпоральности и аспектуальности [Mourelaitos 1981; Norper 1982; Wallace 1982]. Ряд зарубежных работ, посвященных взаимосвязи двух категорий, связан с изучением конкретных языков — финноугорских [Kangasmaa-Minn 1984] и болгарского [Lindstedt 1985].

Вопросы взаимосвязи аспектуальности и модальности также вызывают интерес у исследователей: в связи с изучением аспектуальной, модально-аспектуальной и модальной семантики видового противопоставления [Грекова 1998], семантико-грамматической связи аналитических средств выражения модальности и будущности (на материале английского, французского и русского языков) [Ипатова 2003], немодальных значений модальных предикатов (на материале славянских и германских языков) [Петрова 2007].

Опираясь на синтагматико-парадигматический анализ, Л.П.Пицкова рассматривает системные связи глагольных форм, выражающих модальные, временные и аспектуальные отношения. В центре внимания находится проблема нечеткости границ в природе грамматических категорий французского глагола [Пицкова 2002: 6]. Важным представляется вывод о функциональной многозначности глагольных форм в языках аналитического типа. В этой связи обратимся к предмету нашего исследования. По мнению Л.П.Пицковой, если различие между *futur simple* (простое будущее) и ближайшим будущим перевести на строгий язык грамматики, то его следует назвать модальным: первое указывает на неопределенное будущее, второе — на неизбежность будущего процесса [Пицкова 2002: 110]. *Futur immédiat* представляет собой сочетание глагола движения *aller* с инфинитивом. Использование глагола движения определяет отличие ближайшего будущего от *futur simple*: «я иду что-то делать, я непременно совершу это действие» [там же: 107].

Постижение сущности проспективности в контексте взаимодействия категорий аспектуальности, модальности и темпоральности может осуществляться на основе привлечения в лингвистическое описание информации о том, как в языке отражается восприятие человеком времени, как он классифицирует свой опыт.

Прежде всего, тесно связаны между собой аспектуальные и временные характеристики глагольного действия. Аспектуально-темпоральный комплекс включает категории аспектуальности, темпоральности, таксиса, временной локализованности действия. Единым интеграционным основанием для взаимодействия указанных категорий является идея времени в самом широком понимании [Смирнов 2011].

По мнению некоторых языковедов, аспектуальность является более универсальной категорией, чем категория времени [Бондарко 1987; Маслов 2004; Lyons 1987], причем обе категории выступают обычно в виде сопряженного аспектуально-темпорального комплекса [Мурясов 2001: 86]. Это явление может быть объяснено исторической связью категорий времени и вида: на базе аспектуальных могут развиваться временные значения и

наоборот [Кочергина 1991: 110—111]. С другой стороны, как справедливо отмечает В.А.Кочергина, можно говорить о пересечении категорий времени и модальности: «будущее время противопоставляется настоящему и прошедшему не только по соотносительности с моментом речи, но и по модальности» [там же].

Обращение к сфере взаимодействия аспектуальных характеристик действия с временными показывает, что проспективная характеристика действия входит в качестве периферийной зоны в поле понятийной категории будущего. Об этом свидетельствует употребление формы ближайшего будущего (*futur immédiat*) во французском языке. Контекстуальный анализ указывает на возможность проявления временного значения, например: *Mais si, je te crois! Et je vais te croire encore plus quand tu auras fait un scanner* (M.Levy. Et si c'était vrai...). — *Да нет же, я верю тебе. И я тебе еще больше поверю, если ты пройдешь обследование.* В подобных случаях нет проявления оттенка ближайшего вступления в новую ситуацию, речь идет о неопределенном будущем. Аспектуальный оттенок более четко выражен в случае доминирования идеи движения к осуществлению действия: *...j'ai vraiment peu dormi, je vais aller me reposer* (M.Levy. Et si c'était vrai...). — *Я правда мало спал, я иду сейчас отдохнуть.*

Будущее, по сравнению с настоящим или прошедшим, обладает меньшей определенностью, поскольку имеет отношение к событиям, о которых «нет опытных данных» [Ипатова 2003: 24]. Поэтому выражение будущего связано с идеями гипотетического предположения о возможном характере действия, неопределенности, потенциальности, возможности, т.е. часто представляет собой субъективную градацию действия [там же]. Возможность взаимодействия аспектуальных и модальных категорий также подтверждается примерами с *futur immédiat*: контекст указывает на проявление значения «намереваться», «собираться»: *Tu n'est pas obligé de répondre. — Mais je ne vais pas le faire* (M.Levy. Vous revoir). — *Ты не обязан отвечать. — Но я и не собираюсь это делать.* Наличие подобных межкатегориальных связей наблюдается также в английском языке. Примером может служить употребление глаголов

движения и, прежде всего, конструкции *to be going* + инфинитив в значении «ближайшего будущего», или перспектива [Майсак 2002: 6] и в значении «собираться, намереваться»: *He had found it at last. He was going to rip up the canvas* (O.Wilde. The Picture of Dorian Gray). — *Он собирался разорвать холст.*

Выявляется участие «резервных» языковых средств для выражения отдельных компонентов перспективности. Эту функцию выполняют не только пространственно-временные указатели (включая глаголы движения), глаголы с начинательным оттенком, но и модальные глаголы, способные выражать «долг», «волю», «желание» осуществить действие. Неслучайно А.Вежбицкая включает в перечень универсальных такие базовые элементы, как — *хотеть, чувствовать, думать, представлять себе* и др. [Вежбицкая 1999: 8].

Значений, которые передает модальность, достаточно много, среди них отмечаются реальность, желательность, необходимость, предположительность, информативность, уверенность, побуждение, намерение и др. [Ипатова 2003: 24]. Среди модальных значений, которые могут быть сопряжены с перспективностью, выделим потенциальность и интенциональность действия. Потенциальность предполагает возможность, в которой угадываются черты будущей действительности, необходимость, желательность, ситуацию со скрытой динамикой — «вызревание, готовность к реализации», развитие ситуации во времени, ситуацию «скоро» [Федорова 2000]. Интенциональная модальность связана с ситуацией намерения.

Возможность как разновидность потенциальности рассматривается как ситуация со скрытой динамикой и одновременно как готовность к реализации, т.е. в возможности просматриваются черты будущей действительности [там же].

Кроме модального значения возможности семантической разновидностью потенциальности считается и долженствование, этот оттенок предполагает выполнение потенциального действия субъектом как долг. Проявлением крайней степени необходимости (при отсутствии возможности альтернативных действий) является неизбежность [Гапонова 2005; 2007].

Что касается желательности, то, наряду с возможностью и необходимостью, это модальное значение можно отнести к понятию потенциальности на основе следующих фактов. Отмечается, что в ряде языков можно проследить определенные диахронические связи глаголов поля желания и поля необходимости, в частности, способность глаголов желания развивать как значение будущего времени, так и значение «эпистемической необходимости», что иллюстрирует, например, английский глагол *will* [Петрова 2007: 9].

Употребление инфинитивного сочетания с глаголом *will* связывают также с проявлением значения намерения: «...в его основе лежит желание определенного действия, и субъект как бы находится на пути к его реализации» [Ипатова 2003: 179]. Однако разграничить модальный оттенок и собственно временное значение будущего достаточно сложно, требуется тщательный концептуальный анализ [там же].

В скандинавских языках до сих пор категории футуральности и модальности не полностью разграничены. Как отмечает Д.Б.Никуличева, форма с *will* имеет значение достоверности будущего при неопределенных глаголах с неволитивным неодушевленным субъектом. Если субъект волитивный, то будущее модализировано, т.е. *он будет менеджером = он хочет стать менеджером; начальник обещает, что все получат (= все должны получить) прибавку к зарплате*. Таким образом, дистанцирование от настоящего в будущее помещает футуральное событие на стык реального и гипотетического прогноза [Никуличева 2010: 307—308].

В немецком языке футур и футуральный презенс, согласно исследованиям Е.В.Бондарук, при употреблении в речи в равной мере могут реализовать некоторые оттенки модального значения: «намерения», «обещания», «предположения», «приказа», обусловленные спецификой понятия «футуральность», в том числе, уверенного/неуверенного предположения о будущем [Бондарук 2001].

Тройственность функций языковых форм является отражением субъективного восприятия ситуации. Сложной когнитивной структурой представлений о совершаемости

действия объясняется большая нюансированность (детализация) категории аспектуальности.

Разграничивают внутреннюю и внешнюю модальность футурума как гипотетичность, предположительность предстоящего действия, отмечая, что выражаемая сочетанием *will/shall* + *infinitiv* категория может быть обозначена как «модальное время» [Сухомлина 2007: 5—7]. Содержание этой категории определяется как «отношение процесса, выраженного в знаменательном глаголе, к какому-то временному центру в ситуации плюс возможный, но не обязательный модальный оттенок» [там же].

Для нашего исследования интерес представляет точка зрения Т.А.Сухомлиной, которая относит к периферии микрополя будущего времени такие концепты, как «желание», «согласие», «оценка степени вероятности осуществления действия», «вынужденность совершения действия субъектом», «закономерность совершения действия/возникновения ситуации» [Сухомлина 2007: 7]. Что касается «нейтральной проспективности», лишенной модальной оценки, то она, как считает автор, предстает как «предположительное», «потенциальное», «ожидаемое», «проблематичное» действие или состояние, или логический вывод [там же].

Характеристику грамматического значения будущего в разных языках осложняет сохранение лексических значений компонентов футуральных сочетаний. Футуральность, имеющая нулевую степень фактивности, предполагает свободу для использования различных оттенков отношения к будущему: желательность/нежелательность, оценка вероятности наступления события, личное долженствование и т.д. [Логунов 2007: 5].

Совершенно справедливо отмечено, что для достоверности (точности) интерпретации взаимодействия модального и темпорального (добавим, и аспектуального) компонентов грамматических форм целесообразно изучение расширенного контекста высказывания с учетом анализа коммуникативных ситуаций, их прагматических и экстралингвистических компонентов [там же].

Аспектологическим потенциалом обладает и каузация: прогностический характер каузативных ситуаций открывает возможности проявления дополнительных оттенков, в том числе аспектуальных и модальных. Так, в исследовании С.В.Шустовой показаны возможности актуализации подобных значений [Шустова 2011]. Принадлежность каузативного глагола к аспектуальному классу определяется наличием лексических индикаторов, таких как наречия времени или меры, союзов, определенных синтаксических конструкций, фазисных глаголов и т.д. Выражение модальности также осуществляется при помощи специальных указателей (*несомненно, естественно*). В ситуациях со значением «объективной эпистемической модальности» отмечается взаимодополнение с аспектуальностью благодаря отсутствию указания на предел действия, вневременному характеру (*Дело не малина, в лето не опадет*) [Шустова 2011: 8, 23—26].

Рассмотрев основные значения, составляющие содержание категории модальности, приходим к выводу, что в ее потенциальном и интенциональном слагаемых имеется возможность обретения дополнительных немодальных смыслов. Можно согласиться с мнением М.А.Петровой, что наблюдается не столько утрата модального значения, сколько грамматический характер немодального использования [Петрова 2007: 19].

Таким образом, приходим к заключению, что основанием для взаимодействия категорий аспектуальности, модальности и темпоральности являются: функциональная многозначность языковых форм, семантический потенциал слов, их способность к развитию лексико-семантических вариантов значения. Имеются все основания для включения в состав проспективности аспектуальных ситуаций «намерение», «готовность к вступлению в действие» и компонента «ближайшее будущее» аспектуальной ситуации «движение к совершению действия», входящих в область пересечения периферийных зон аспектуальности, модальности и темпоральности. Схема 1 наглядно иллюстрирует межкатегориальное взаимодействие: в периферийные зоны модальности и темпоральности входят компоненты аспектуальных ситуаций *намерения, готовности к вступлению*

в действие и компонент *ближайшее будущее* (аспектуальной ситуации *движение к совершению действия*).

Схема 1

**Пересечение полей
аспектуальности, темпоральности и модальности**

В связи с постановкой проблемы неоднородности структуры проспективности и ее пересечения с другими категориями считаем необходимым обратиться к вопросу об истоках ее становления.

1.3. Истоки формирования категории проспективности

Формирование категории проспективности имеет, на наш взгляд, свои исторические особенности. Уместно в этой связи сослаться на мнение Е.В.Рахилиной, которая отмечает, что при восстановлении истории значения, того, как и в какой последовательности возникали различные новые подзначения, диахроническая картина выступает «как своего рода аргумент в пользу того или другого варианта синхронного описания» [Рахилина 2000: 363].

Аспектуальная категория проспективности, или проспекции, исторически формировалась в германских и романских языках на фоне процессов взаимодействия категорий аспектуальности, модальности и темпоральности.

Обратимся к языковым фактам, отражающим некоторые аспекты эволюции рассматриваемых грамматических категорий.

В германских языках, как и в других древних индоевропейских языках, не имевших системы объективных времен, будущее как категория времени развивается из аспектуальных или модальных отношений. В древневерхненемецком языке преобладало модальное (субъективное) будущее, которое выражалось с помощью глаголов *sollen* и *wollen*, при этом чаще обозначался оттенок необходимости действия [Жирмунский 1986: 285]. О.И.Москальская отмечает, что в истории немецкого языка сочетания с модальными глаголами *sollen* и *wollen*, используемые для выражения ожидаемого действия в будущем, не грамматикализировались [Москальская 2003: 120]. Так, глагол *sculan* обозначал необходимость, долженствование, зависящее от чужой воли, а глагол *wellen* выражал собственную волю субъекта [Филичева 2003: 99]. Отмечается использование в истории немецкого языка наряду с *sculan* и *wellen* глаголов *tugan* и *tuozen* в футуральном значении, что «связано с семантикой данных глаголов, употребляемых при действиях, которые должны наступить в будущем» [там же].

Про модальные глаголы мы говорим в связи с тем, что именно на начальной стадии развития языков такие оттенки, как «предвидимое» действие, неизбежное, ближайшее и т.д., которые составляют часть проспективности, обозначали с помощью различных лексических средств [Смирницкий 2000: 123; Иванова, Чахоян 1999: 162]. Из модального будущего в большинстве современных германских языков (в английском, голландском, шведском, в нижненемецких диалектах) развилась грамматическая форма объективного будущего. Не грамматикализированы эти формы в немецком литературном языке. В.М.Жирмунский приводит следующие примеры: *will euch noch heut'in ihr Zimmer füren* («еще сегодня я сведу вас к ней», точнее «собираюсь свести»); *das Feuer will ausgehen* («огонь собирается потухнуть», т.е. «сейчас потухнет»); *es will regnen* («сейчас пойдет дождь») [Жирмунский 1986: 285]. Это яркое

свидетельство того, что модальный глагол используется в проспективных значениях намерения и ближайшего будущего.

В древнеанглийском языке будущее время, не имея специального обозначения, выражалось формой настоящего времени изъявительного или иногда желательного наклонения. Такой способ частично сохраняется в современных английском и немецком языках, когда значение выявляется за счет контекста [Бруннер 2008: 276]. Отмечается, что в древнеанглийском нашло отражение человеческое восприятие будущего как находящегося в ведении Богов. Отсюда инфинитивная конструкция с *he sceal* интерпретируется как имеющая значение неизбежности будущего, уготованного судьбой. Именно глагол *shall* употреблялся чаще на начальном этапе развития языка [Ипатова 2003: 48].

Как отмечает К.Бруннер, в древнеанглийской переводной литературе латинские формы будущего времени могли передаваться и с помощью инфинитивных сочетаний с глаголами *sceal* (должен) или *will* (хочу). Самостоятельное модальное значение этих глаголов сохраняется вплоть до среднеанглийского периода, когда происходит их ослабление.

В среднеанглийском языке постепенно создается аналитическая форма будущего времени. Глаголы *shullen* и *willen* утрачивают лексическое значение и становятся лишь формальным показателем будущего времени [Смирницкий 2000: 123]. Для выражения будущего действия чаще используется *shall*. Глагол *will* сохраняет дополнительный оттенок воли и желания, но к ранненовоанглийскому периоду первоначальное значение глагола заметно стирается [Бруннер 2008: 277—278]. Так, среднеанглийский период характеризуется использованием для выражения будущего действия сочетания с глаголами модальных значений (и не только с *shall*, *will*, но и с *wish*, *want*) или начинательных (*start*, *begin*, *continue*) [Ипатова 2003: 46].

Известно, что многие глаголы, прошедшие процесс грамматикализации, в том числе и модальные, первоначально имели конкретные вещественные значения. Так, базовым значением глагола *will* было «решимость в настоящем выполнить действие», что, возможно, определило способность выражать

оттенок ближайшего будущего, развившегося из значения «желания» [Ипатова 2003: 168—169].

История существования глаголов *shall* и *will* рассматривается как процесс исчезновения (ослабления) первоначальных значений «должен» и «хочу», процесс эволюции функций от полнозначных к вспомогательным. «Свободные сочетания модальных глаголов *shall* и *will* с инфинитивом расщепились на две ветви, одна из которых сохранила свой исторический статус, а другая грамматикализовалась» [Ипатова 2003: 40]. Исследователями подчеркивается, что в формах будущего времени современного английского языка глаголы *shall* и *will* сохранили некоторые следы первоначального значения: физического или морального долженствования, необходимости, принуждения (глагол *shall*) и желания, воли (*will*) [Бруннер 2008: 279]. Л.В.Ипатова обращает внимание на то, что употребление данных глаголов может быть связано с выражением не только будущего времени, но и оттенков модальности или будущности [Ипатова 2003: 106].

Проявление проекции в будущее через волеизъявление субъекта действия наблюдается в истории германских и романских языков. В истории французского языка в обозначении представлений о ближайшей перспективе или неизбежности событий также использовался модальный глагол *vouloir* [Moignet 1983: 191]. В английском языке источниками форм будущего времени *will* и *shall* явились конструкции с модальными глаголами со значением «хотеть» и «быть должным» [Майсак 2000: 11].

Однако в традиционной грамматике английского языка глаголы *shall* и *will* относят к модальным, всегда в той или иной степени сохраняющим свое модальное значение. В связи с этим большинство современных грамматистов, в первую очередь зарубежных, отказываются трактовать данную конструкцию как форму будущего времени и рассматривают ее на синтаксическом уровне как один из типов модального сказуемого [Бархударов 2000: 64].

Из описательной конструкции будущего времени с глаголами *shall* и *will* развиваются другие значения, например готовность, совершить действие. В среднеанглийский период функцию

будущего выполняет сочетание *to be about* с инфинитивом (или *to be about for* + герундий). Уже в этот период также были зарегистрированы сочетания глагола *wurthen* с инфинитивом, которые передавали значение будущего времени. Однако эти сочетания употреблялись очень редко и вскоре исчезли из языка совсем в связи с исчезновением этого глагола [Иванова, Чахоян 1999: 164—165; Арсеньева, Балашова 2000: 201].

Другой путь эволюции будущего времени связан с начинательностью. Так, в немецком языке объективное будущее развивается из сочетания с глаголом *werden*, имевшего первоначально начинательное значение [Москальская 2003: 224—225]. Относительно немецкого *warden* + инфинитив утверждают, что это «абстрактное будущее в модусе ожидания», но не все германисты признают эту форму формой будущего времени [Колесов 2005: 492]. Использование глагола *werden* (*werdan*) в сочетании с причастием означало вступление в действие, которое часто относится к настоящему моменту: *wirdist swigenti* («станешь нем») [Филичева 2003: 92].

Долгое время оба способа обозначения будущего времени (с глаголами *warden* или *wollen*) сосуществуют. Один из авторов грамматики немецкого языка XVI в. переводит латинскую форму будущего времени *veniam* как *ich werde* или *will kommen*. Окончательное формирование будущего времени завершается в XVII в. [Москальская 2003: 225].

Как отмечает В.М.Жирмунский, распространение начинательного будущего намечается только в памятниках XIV—XV вв., а окончательная грамматизация осуществляется к XVI—XVII вв. [Жирмунский 1986: 286—287]. Сложные времена, считает автор, закрепляются, «по-преимуществу, в письменном употреблении, там, где есть необходимость в дифференцированном выражении более сложной отвлеченной мысли» [там же].

В английском языке, считает К.Бруннер, описательные формы для выражения ближайшего будущего развились не из начинательного, а из усилительного значения, которое сформировалось на основе выражения заинтересованности говорящего в действии, в том числе будущем. С этим значением связано также употребление сочетания *I am going to* + инфинитив

(«я собираюсь»), которое стало употребительным, начиная с XVII в. [Бруннер 2008: 351—352]. История развития германских языков наглядно демонстрирует усложнение грамматической категории времени на протяжении языковой эволюции от усложнения значения к усложнению формы [Никуличева 2010: 302].

Многие лингвисты указывают на «вторичность» образования категории будущего в языке, поскольку эмпирически будущее в отличие от прошлого и настоящего не доступно. Будущее не только характеризуется признаком «неактуальности», но и, как показывает развитие грамматических форм его выражения, соотносится с потенциальностью, модальностью действия.

В зависимости от языка вспомогательные компоненты форм будущего времени являются результатом отбора конкурирующих лексем на определенных этапах языкового развития и отражают процесс концептуализации определенного коллективного опыта, связанного с восприятием и языковым отражением представлений о будущем. При этом у ряда футуральных аналитических форм может сохраняться связь с первичными значениями или вырабатываются значения или функции, изначально им не свойственные [Логунов 2007: 5—7, 11].

В процессе формирования и развития романских языков наблюдаются аналогичные процессы. А.Доза обратил внимание на то, что язык, чтобы передать временные, видовые и модальные оттенки, которые невозможно выразить обычным спряжением глагола, использует перифрастические обороты [Доза 2006: 359]. Уже в латинском языке для выражения желания сделать что-либо в будущем прибегали к инфинитивному обороту с глаголом *habeo*. О.Браше пишет, что у Цицерона часто встречаются формы *habeo etiam dicere, habeo ad te scribere* [Браше 2005: 124]. Просуществовав параллельно с обычными формами будущего, перифразы заменяют их в дальнейшем.

В вульгарной латыни для ближайшего будущего, как пишет А.Доза, «был испробован» глагол *venire*. В старофранцузском языке в этой функции выступает *vouloir*, сохранившийся только на востоке страны и, предполагает автор, связанный с германским влиянием [Доза 2006: 359; Moignet 1983: 192]. Кроме того, *vouloir* в некоторых случаях мог выражать значение

неизбежности близкого к наступлению события или действия. Однако чаще для выражения ближайшего будущего в этот период использовалась перифраза *estre près de* + инфинитив [Moignet 1983: 191].

Л.П.Пицкова отмечает, что в старофранцузском языке наблюдается различный характер модальности, пересекающейся с темпоральностью. Унаследованная из латинского языка форма будущего времени имела оттенок долженствования, перифраза *aller* + инфинитив передает значение «уверенности в неперенности совершения действия в будущем» [Пицкова 2002: 6]. Использование глагола движения в выражении ближайшего будущего оправдано тем, что в старофранцузском языке одним из доминирующих значений было «направленность» — *se rendre quelque part* [DL 1994: 86].

Согласно А.Доза, распространение глагола *aller*, с помощью которого сформируется современное ближайшее будущее — *futur immédiat*, наблюдается к XIV в. Язык прибегает к этим вспомогательным глаголам для того, чтобы выразить временные и видовые оттенки, нюансы модальности, которые нельзя передать с помощью обычного спряжения; для этой цели используются перифрастические обороты, еще более выразительные, чем вспомогательные глаголы [Доза 2006: 359].

По сведениям Ж.Муанье, в старофранцузском языке некоторые аспектуальные оттенки действия, в том числе и неизбежность, могли быть выражены с помощью модального глагола *devoir* (долженствовать, быть должным) с инфинитивом [Moignet 1983: 191]. По данным словаря J.Dubois модальный глагол *devoir* в старофранцузском языке передавал значение «необходимости, обязательности», а к XI в. наблюдается ослабление первоначального значения в сторону обозначения будущего как возможности, желания или намерения [DL 1994: 1068]. Согласно С.Барбе [Barbet 2008], в исследованном ею корпусе примеров на материале среднефранцузского языка не выявлено случаев, когда глагол *devoir* выражал бы значение внутренней необходимости субъекта совершить действие, которое существует в современном языке. Отмечается, что в соответствии с существующими гипотезами ряда ученых глагол в этот период

находился на пути грамматикализации, являясь одновременно маркером «модального и аспектуального будущего» и выполняя фактически функцию проспективной перифразы *aller + infinitif*, которая закрепляется за ней с XV в. Таким образом, по мнению ученого, в среднефранцузских текстах перифраза *devoir + infinitif* аналогична значениям конструкций *aller + infinitif* и *être sur le point de + infinitif* современного французского языка [там же].

В XVI в. наблюдалось ослабевание модального значения глагола *devoir*, который мог выражать будущее действие в результате развития оттенков ‘обязанность’ > ‘приказание’ > ‘решимость’ > ‘будущее’ [Доза 2006: 360]. Со временем модальные значения глаголов *devoir* и *vouloir* были значительно смягчены, в результате чего перифразы становились эквивалентными аспектуальным. В современном французском языке подобные употребления практически не сохранились, исключение составляет выражение *il veut pleuvoir* [Рянская 2002 б: 97].

С утерей оттенка долженствования формой *futur simple* происходит процесс замены сочетаниями *devoir + инфинитив* и *avoir + à + инфинитив*, а для выражения перспективности желаемого действия в будущем используется сочетание *vouloir + инфинитив* (иногда *désirer + инфинитив*). По заключению автора, отнесенность рассмотренных форм *futur simple* и *futur immédiat* к плану будущего и присутствие в них модального значения, отличного от значений форм настоящего и прошедшего времени, лингвистами практически не оспаривается [Пицкова 2002: 6].

По данным исторического словаря французского языка глагол *vouloir*, первоначально имевший общее значение «иметь намерение», в XII—XV вв. приобретает в сочетании с инфинитивом оттенок «être sur le point de», т.е. ближайшего будущего [ДН 1994: 4128].

Как отмечает Ж.Муанье, в обозначении представлений о проспективном времени событий или осуществления действия в начальном периоде существования французского языка используются модальность и пространственные ориентиры. Поскольку грамматические средства не могли сами по себе выразить разнообразные временные формы, оттенки приближения события или намерения совершить действие, в

старофранцузском языке эту роль выполняли лексические средства [Moignet 1983: 191].

Модальные глаголы исторически широко использовались в формировании различных оттенков будущего времени и в ряде других языков, например в старославянском. Так, описательные формы древнерусского будущего времени формировались с помощью глаголов *хотеть*, *начать*, *иметь* [Ипатова 2003: 46]. В древнерусском языке форма сложного будущего только начинала складываться. В первых памятниках русской письменности отмечены образования будущего времени с помощью инфинитивных конструкций с глаголами *хотѣти*, *почати*, *начати*, *имѣти* [Иванов 1983; Колесов 2005: 495]. Глагол *быть* в этой функции в источниках не отмечен [Ипатова 2003: 58].

В западнославянских языках формула *буду* + инфинитив известна с XII в., а в русском закрепилась под влиянием польских переводов XVII в. В XV—XVI вв. русские глаголы *начну*, *стану*, *хочу*, *буду* использовались с инфинитивом для выражения значений приступа к действию, намерения, желания его выполнить [Колесов 2005: 500—504; Ипатова 2003: 216].

Русское простое будущее выражает результативное будущее, связанное с настоящим, а аналитическая форма означает действие, которое получит развитие в плане будущего [Ипатова 2003: 57]. Следует отметить, что возможно сопряжение аспектуального смысла с модальным: *быть* означает находиться в состоянии фазы действия, тогда как *иметь* предполагает его результативность. В этой связи отметим, что во французском языке будущее время *futur simple* исторически восходит к латинской конструкции с глаголом *иметь*: *habeo epistulam scriptam, j'écirai*. Аналитическая конструкция *futur immédiat*, которая формируется при помощи глагола движения *aller*, предполагает проспективность, т.е. развитие в будущем.

Как отмечает Т.А.Майсак, формы будущего времени, восходящие к конструкциям с глаголами движения, имеют своеобразное обозначение — «GO-futures» и «COME-futures». Ученый пишет, что на ранних этапах своего развития эти формы выражают особый вид, а именно «проспектив» (prospective aspect) [Майсак 2000: 20; Майсак 2002: 9]. Проспектив, в свою

очередь, создает представление о событии, которое содержит в себе «предпосылки» для последующей ситуации [Comrie 1996: 64—65; Fleischman 1982: 17—20, 78; Майсак 2002: 9].

Заметим, что в современном русском языке отсутствуют специальные формы, выражающие предбудущее и ближайшее будущее. Значение ближайшего будущего может выражаться сочетанием значения настоящего времени со значением совершенного вида. В качестве главенствующего способа выражения ближайшего будущего в русском языке называют форму простого будущего и различные варианты настоящего времени [Вейхман 2001; Штелинг 1996; Ипатова 2003; Колесов 2005]. В свою очередь, русское будущее может выражать все модальные значения, которые присущи английской конструкции *shall/will* + инфинитив [Ипатова 2003: 7—8; Штелинг 1996].

Таким образом, приведенные факты являются свидетельством исторически сложного процесса взаимодействия глагольных категорий, остаточные элементы которого сохраняются в современных языках и помогают объяснить отдельные языковые явления, в частности, истоки языкового оформления проспективности. Из вышеизложенного материала следует, прежде всего, что ряд базовых смыслов определяют способность языковых единиц выражать отдельные оттенки, развившиеся из значений модальных глаголов (решимость, готовность, физическое и моральное долженствование, необходимость, воля, желание, неизбежность, близость к наступлению события или действия) или глаголов движения (направленность). Выявляются причины участия «резервных» языковых средств для выражения проспективности. Как отмечает О.О.Борискина, глубинные (скрытые) механизмы связи элементов языковой системы регулируют их функционирование. Категориальные признаки, «закодированные» как релевантные в системах разных языков, отражают информацию о том, как использовалось слово на разных стадиях его «жизненного цикла» [Борискина 2011]. В связи с этим мы можем говорить об определенных общеязыковых тенденциях, во всяком случае, о сходных закономерностях исторически контактировавших языков.

1.4. Специфика категории проспективности и ее когнитивные основы

Прспективность является частью категории аспектуальности и соотносится с характеристикой протекания процесса, представляющего собой доначальную фазу (наряду с традиционно выделяемыми началом, серединой и концом действия), неоднородную по своей структуре.

В лингвистической литературе ситуации проспективного действия соответствуют разнообразным обозначениям: «временная референция к будущему» [Майсак, Мерданова 2003: 102], «интенциональность (проксимативность)», или «будущее намерения» [Майсак, Мерданова 2003: 88—89], «проксимативность» [Сичинава 2003: 43; Heine 1994: 37], «предстоящее событие» [Зеленецкий 2004: 10], «предначинательность», «намеренность начинательности» [Недялков 1987: 182], «проспектива» [Fleischman 1982; Emanatian 1992; Dahl 2000], «ближайшее, предварительное» [Сепир 1993: 107], «будущее интенциональное», «предстоятельность» [Майсак, Мерданова 2002: 28], «прогноз из прошлого» [Никуличева 2010: 307] и т.д. Это свидетельствует о том, что проспективность предполагает наличие намерения или перспективы, определенных сложившихся условий в настоящем, в которых прослеживаются явные признаки «подготовки» к некоторой будущей ситуации.

Как видим, термины, предлагаемые разными учеными, по существу очень близки, хотя между ними есть и различия. Разнообразие терминов свидетельствует о том, что категория проспективности неоднородна, поэтому существует необходимость ее структурного осмысления и выделения понятийных компонентов (ситуаций). «Проспекция» включает понятие о действии, которое должно совершиться в ближайшем будущем, и отражение представления о неизбежности наступающей ситуации. Первое понятие представляет собой ожидаемое вступление в определенную ситуацию, второе указывает на границу двух состояний. Оба понятия в хроногенетическом представлении могут быть объединены в фазу предшествования вступлению в процесс [Рянская 2002 б: 61—62].

Если обратиться к современным естественнонаучным представлениям о времени, то существует понятие «открытости времени». Согласно В.П.Казарян, это свойство времени проявляется в том, что, в отличие от прошлого и наполненного событиями настоящего, будущее открыто для созидания. «Будущее, по крайней мере, ближайшее будущее, как модус времени, предстает как то, что можно творить, создавать, используя план действий, полученных на основе научных исследований, как что-то подвластное человеку, не безразличное его интересам» [Казарян: www.chronos.msu.ru].

Термин *prospective aspect* впервые использовал Б.Комри в своей работе, посвященной виду [Майсак, Мерданова 2003: 89]. По сведениям Лингвистического словаря Dubois французский лингвист Э.Бенвенист использовал термин *prospectif* для обозначения будущего, выражаемого перифразами (*il va partir, il devait venir*), в отличие от обычного, грамматического будущего времени (*il partira*) [DL 1994: 388].

В отечественной науке проспективность связывают с различными аспектами категории футуральности. Так, Т.А.Логунов указывает на проспективность как ведущий признак формы будущего времени наряду с гипотетичностью [Логунов 2007]. Как текстовая категория проспекция обозначает смысловую перспективу с помощью высказываний, ориентированных на будущее относительно момента восприятия текста [Матвеева 2010: 348]. Проспекция представляет собой один из приемов повествования, который дает читателю возможность яснее представить себе связь и обусловленность событий и эпизодов, глубже проникнуть в содержательно-концептуальную информацию [Сухомлина 2007: 17]. Другими словами, описывается определенное положение дел, сложившаяся ситуация в настоящем, в которой прослеживаются явные признаки «подготовки» (т.е. все идет к тому, что...) к некоторой будущей ситуации, которая должна осуществиться после момента речи.

Как категория текста проспекция объединяет различные языковые формы. В рамках текстологических исследований проспективность изучается, как правило, на примере

хронологических маркеров, которые «продвигают» повествование вперед, в будущее [Жукова 2010: 15].

Следует, с нашей точки зрения, учитывать факт, на который обращает внимание Т.А.Сухомлина: существуют объективные и субъективные условия представления проекции в будущее. Субъективность восприятия ориентированных в будущее событий и явлений определяется самим говорящим и зависит от его выбора, намерения представить будущее событие как реальность, предполагаемое или желаемое действие, спонтанное решение или запланированное, а также как побуждение к действию. Внешними факторами, определяющими характер действия, могут служить: следование системе норм и правил, предварительная договоренность, следование навязываемым или объективно сложившимся обстоятельствам, логическая необходимость [Сухомлина 2007: 7]. Справедливо также замечание о том, что при анализе проспективных пропозиций (в «панораме возможных миров») находится множество вероятностных вариантов развития событий [Кадоло 2004].

Проспективность исследуется и с точки зрения актуализации аспектуально значимого семантического потенциала языковых единиц. Это может быть субстантивная лексика, выражающая направленность в будущее, если перейти на понятийный уровень [Воробьева 2011]. Доначальная фаза определяется Е.В.Горбовой как «подготовительная стадия (состояние такое, что имеются признаки начала ситуации)». Исследовательница анализирует случаи, когда в аспектуально значимом семантическом потенциале глаголов могут актуализироваться различные оттенки, включая проспективный компонент «быть таким, что вот-вот начнется» [Горбова 2011: 9].

Значение ряда глаголов позволяет с той или иной степенью детализации обозначить «контуры ситуации», которая может сложиться в результате совершения действия. Такие глаголы, в семантике которых прослеживается «устремленность в будущее», Ф.С.Бацевич и Т.А.Космеда предлагают называть проспективными [Бацевич, Космеда 1997: 81—82]. Авторы рассматривают степень наличия проспективного компонента в семантике глагола в диапазоне от «ядерного» — «направленность

на будущую ситуацию» (*затевают, готовиться, назначать, надеяться*) до «периферийного» (*кричать, «чтобы услышали»*). Отличие состоит в том, что в первом случае значение проспекции заложено до употребления в контексте, а во втором — реализация может и не получить текстового выражения. Проспективные глаголы функционально объединены отражением футуральной ситуации (активности, цели и, в ряде случаев, каузативности), а также обладают характерным набором субъектов, способных производить целенаправленные действия [там же: 87]. Высказывается мнение, что проспективные глаголы инцидентны, т.е. выражают внутренне нестабильные (в широком смысле) состояния и предполагают переход к стабильному (неинцидентному) состоянию [там же: 84].

Этот далеко не полный перечень сфер использования понятия «проспективность» свидетельствует о необходимости выбора методологической основы для изучения различных языковых единиц, способных реализовать идею направленности действия на вступление в новую ситуацию. Такой основой может послужить *когнитивный подход*, позволяющий проанализировать и объяснить источники формирования представлений о данной фазе совершаемости действия [Рянская 2002 а; 2002 б]. Обратимся к некоторым аспектам характеристики категории проспективности, иллюстрирующим ее когнитивную структуру.

Размытость временного периода, соответствующего проспекции, обусловлена субъективными представлениями о совершаемости действия. Важным для анализа категории оказывается характер распределения действия во времени и по способу формирования субъективного отношения к потенциально новой ситуации. Деление процесса на фрагменты в рамках временного опыта, считает К.Нуайо [Noyau 2003: 805], более независимо от чувственного восприятия, чем идентификация целого. Отмечается, что действия являются не временными сегментами, выделенными в потоке события в чистом виде, а компонентами, способными ассоциировать состояния (или переходы из одного состояния к другому), причинность, намеренность и т.д. Отсюда большое типологическое многообразие схем лексикализации различных объемов процесса в

зависимости от языка. И в отличие от лексикализации предметов действительности с помощью имен существительных языковое обозначение действия (процесса) иллюстрирует вариативность объективации понятий от языка к языку [Noyau 2003: 800]. При рассмотрении модели языковой репрезентации с точки зрения динамики (*relationnel, global*) или статики (*référentiel, partiel*) [http://www.youscribe.com/sciences_de_l-homme_et_societe] проспективность представляется в виде динамической структуры, компоненты которой являются проекцией нескольких этапов, предшествующих моменту вступления в действие.

Обратимся вновь к некоторым положениям, высказанным К.Нуайо относительно когнитивных основ концептуализации времени. Временная сегментация связана с включением в представление о действии цели или конечного состояния и также намерения его достигнуть. Это указывает на то, что идентификация процесса затрагивает не только перцептивные, но и прагматические параметры [Noyau 2003: 801]. Поэтому вполне обоснованным представляется выделение в качестве начальной фазы в событийной структуре проспективности ситуации намеренности. Намерение субъекта действия является одной из разновидностей «подготовки» к последующей ситуации [Майсак, Мерданова 2003: 89]. Ученые поясняют, что это значение характеризует не временную референцию ситуации, а одну из фаз развития ситуации — подготовительную [Майсак, Мерданова 2003: 89].

Модель времени нередко выражается в языке пространственно через движение, о чем свидетельствуют примеры из ряда языков. При этом зачастую бытийная прямая представляет движение во времени из прошлого к будущему, где прошлое — это источник движения («приходить от»), а будущее — цель (путь развития: «идти/приходить к» — проспектив/будущее время) [Майсак 2002: 18]. Глаголы движения, которые имплицитно моделируют будущую ситуацию, относятся к базовым глаголам. Характерная для базовой глагольной лексики семантическая гибкость объясняется их способностью отражать различные процессы категоризации действительности. Многие авторы отмечают, что «ядерные

глаголы» — это наиболее частотные и формирующие основу фундаментальных семантических полей, служащих минимальным потребностям коммуникации.

Таким образом, пример рассмотренных понятийных ситуаций проспективности позволяет судить о базовых когнитивных параметрах, характеризующих данную категорию наиболее эксплицитно, — это целенаправленность (намеренность), поэтапность и динамичность совершаемости действия.

1.5. Структурно-понятийная характеристика категории проспективности

Концептуализация проспективных значений — это отбор значимых для данной языковой культуры понятий о доначальной фазе действия, отраженных в языке. В содержание категории проспективности, как было рассмотрено выше, вкладываются понятия отнесенности к ближайшему будущему, «предстоятельность», интенциональность (проксимативность), или намеренность начинательности, готовность к вступлению в действие, приближение к вступлению в действие, неизбежность.

На наш взгляд, такое толкование проспективности недостаточно. Несмотря на широкое применение вышеперечисленных понятий, термины истолковываются лингвистами неоднозначно, наблюдается отсутствие унифицированной терминологии. Термины, предлагаемые разными учеными, по существу очень близки, хотя есть и различия. Их разнообразие свидетельствует о том, что категория проспективности неоднородна, поэтому существует необходимость ее структурного осмысления и выделения составляющих компонентов (ситуаций). Считаем правомерным предложить свои обозначения понятийных ситуаций и представить свою структурную схему проспективности.

В современной науке существуют две основные модели — циклического и линейного времени [Михеева 2006: 30—33]. Исторически формировавшееся представление о круговом, или цикличном, времени складывалось из воспоминания и предвидения, т.е. совмещения прошлого и будущего с настоящим

[Топорова 2000]. Линейное видение времени задает направленность в будущее. Немецкий лингвист Э.Кошмидер связывает линейный образ времени с позицией говорящего, рассматривающего «все временные местоположения, которые удаляются от него или от которых он удаляется, как прошедшие, все те, которые приближаются к нему или к которым он приближается, — как будущие, а факты, местоположение которых на линии совпадает с моментом речи, — как настоящие» [Кошмидер 1962: 133].

Существует также точка зрения, что прошлое и настоящее регистрируются в нашей памяти линейно, будущее же — всего лишь возможность, реализация которой зависит от отдельных условий или обстоятельств. Поэтому модель будущего может быть представлена в форме дерева, ветви которого символизируют возможные варианты события. Настоящее и прошлое составляют, таким образом, сферу «безвозвратности», а будущее относится к модальности возможного [Alvarez-Castro 2007: 8—10].

Как справедливо отмечает Н.Д.Арутюнова, «время проявляет себя через материальное наполнение мира, без которого оно не могло бы войти в поле наблюдения» [Арутюнова 1997 б: 9]. С нашей точки зрения, использование наглядно-образных графических моделей дает возможность проиллюстрировать мысленные образы и облегчает систематизацию их репрезентаций в виде конкретных объективированных в языке представлений.

В теоретической литературе мы находим ряд высказываний, соответствующих нашим представлениям о развитии временных ситуаций, выражающих перспективное действие. постижение сущности аспектуальной характеристики действия невозможно без оценки языковой объективации проецируемых понятийных ситуаций на воображаемой временной оси, которая должна иметь, с нашей точки зрения, линейное расположение. Линейное восприятие времени демонстрирует идею проживания человеком жизни от рождения через детство, молодость и зрелость к старости и смерти [Воробьева 2011: 12]. Это дает представление о временной модели — оси, на которой расположены векторы, повторяющие естественную возобновляющуюся цепь — от

зарождения до завершения жизненного цикла [Рянская 2002 б]. Замечено, что в русском языке линейная и однонаправленная событийная модель времени связана с характером протекания действия во времени — с представлениями о начале и конце процессов и действий, а также о временной границе между ними [Петрухина 2005: 111—128].

Приведем в связи с этим точку зрения, согласно которой процесс реализуется в интервале «между закрытым слева и открытым справа», т.е. соответствует представлению о начавшемся развитии, ориентированном к конечной точке, которая еще не достигнута. Таким образом, фиксируется «зона подготовки», соответствующая различным аспектуальным ситуациям [Gwiazdecka 2009: 243—247].

Как полагает Д.Б.Никуличева, наличие в языке временных форм создает своеобразное представление о векторной последовательности событий, которое сочетается с метафоризацией линии времени как обозримо расположенной в поле зрения наблюдателя. Автор считает, что «это представление о времени, связанное с современной индустриальной цивилизацией, о времени, которое можно и нужно планировать и организовывать» [Никуличева 2010: 302].

В.А.Москвин и Н.В.Москвина указывают на два вида представлений о временных планах — «рядом со временем» (так называемый «англо-европейский тип») и «сквозь время» [Москвин, Москвина 2011: 134]. В первом случае прошлое и будущее находятся в поле зрения человека: слева — прошлое, справа — будущее, т.е. речь идет о последовательном, линейном представлении о времени. В данном случае можно говорить о движении (мысленном путешествии) во времени, в том числе связанном с конструированием возможных событий в будущем. Во втором случае человек как бы находится постоянно в настоящем времени, при этом прошлое расположено сзади. Сквозное видение прошлого и будущего из настоящего получило название «индивидуальной временной транспективы» [Ковалев 1988; Березина 1996].

Как активный действующий субъект человек обращен к будущему, поэтому в модель жизни входит целеполагание, а «движение к цели есть движение в будущее» [Арутюнова 1997 а: 59].

Т.О.Парсонс отмечает, что понятие «цель» всегда предполагает соотносительность с будущим состоянием, которое либо в настоящий момент не существует, если что-то не будет предпринято, либо, наоборот, желаемое состояние уже существует, но может измениться, если не будут предприняты какие-либо действия [Парсонс 2000: 96].

С.А.Чугунова, исследуя проблему концептуализации времени в разных культурах, подчеркивает, что в соответствии с идеей И.Канта время неотделимо от понятий движения и изменения, при этом оно присуще не самим предметам, а только созерцающему их субъекту. «Носителем трансцендентального времени становится трансцендентальная схема, благодаря которой понятия рассудка, или категории, получают возможность перевода на язык чувственных образов» [Чугунова 2009: 10].

По Дж.Лакоффу движение может быть представлено в виде образной схемы, состоящей из таких структурных элементов, как «начальная точка», «источник», «путь», «конечная точка, цель» [Лакофф 1995: 174]. Сходное представление дается А.Клюмом, который определяет время с помощью трех измерений: точка отсчета (*point d'origine*), направление (*direction*), дистанция (*distance*) [Klum 1991: 106].

В метафорическом представлении временных этапов Б.Потье субъективное ощущение времени связано со следующими понятиями: то, что произошло, размещено в памяти и соответствует «знанию» (*savoir*); нахождение внутри совершаемого действия соответствует «видению, ощущению» (*sentir, voir*); наступающее время связано с «намерением или желанием» (*prévoir, vouloir*) [Pottier 1992: 199—200].

П.Шародо и Д.Менгено, сравнивая понятия «событие» и «действие», отмечают, что «действие» характеризуется присутствием одушевленного исполнителя, в то время как «событие» происходит в результате причины, без намеренного вмешательства действующего лица. У осуществляющего «действие», по мнению авторов, всегда существует мотив. При

этом речь не идет о мотивации в чистом виде: границы между причиной и мотивацией весьма нечетки [DAD 2002: 26].

Итак, модель категории проспективности должна соответствовать представлениям о времени как линейно расположенном, повторяющем естественный жизненный цикл, имеющий начало и конец; о векторной последовательности событий и причинно-следственных связях между ними, которые предполагают направленность, источник (мотив) направленности действия (процесса), интенциональное движение к цели. Эти критерии вполне соответствуют базовым когнитивным параметрам проспективности — целенаправленность (намеренность), поэтапность и динамичность совершаемости действия (раздел 1.4).

Графическая сфера изображения времени имеет показатели, раскрывающие сложность понимания данного явления. Ситуации, объединенные в фазу предшествования вступлению в процесс, могут быть рассмотрены в хроногенетическом порядке. Понятие «хроногенеза» используется в теории психосистематики Г.Гийома и означает феномен формирования образа времени [Гийом 1992: 136]. Языковой материал показывает, что проспекция включает ряд понятий об ожидаемом вступлении в действие и отражение представлений о наступающих ситуациях, в том числе указывающих на границу двух состояний. Принимая за основу наиболее типичные из них, мы можем последовательно фокусировать наше воображение на всех возможных траекториях «пространственно-временного следа», а также точках смены проспективных ситуаций.

Если представить временную ось в виде подобной траектории, то порядок следования проспективных ситуаций будет формироваться от возникновения намерения вступить в действие до достижения точки, границы, за которой начинается новая ситуация. Исходя из этого предлагаемая нами схема структуры аспектуальной категории проспективности может выглядеть следующим образом:

Модель аспектуальной категории перспективности

Представленная схема визуализации категории перспективности демонстрирует последовательность составляющих ее аспектуальных ситуаций. Отрезок на линии обозначает пребывание в процессе/состоянии действия, метка на линии соответствует вхождению в состояние или моменту вступления в действие.

Временные этапы подготовки к вступлению в новую ситуацию связаны с намерением или желанием, воспринимаются как направленность к будущему, как целеполагание, являющееся движением в будущее, или временное местоположение приближения к конечной точке, цели. Можно констатировать, что рассматриваемая категория интерпретируется не только под углом пространственно-временных представлений, но и с учетом проявления направленности сознания, воли, чувств субъекта к последующей ситуации.

Перечисленные параметры вполне укладываются в предложенную структурную схему и подтверждаются языковыми данными, которые получены в результате изучения способов языковой объективации понятийных ситуаций на примере русского, английского и французского языков. Предлагаемая модель позволяет, на наш взгляд, реализовать принцип системности в описании категории и осуществить дальнейшую детализацию значимости смыслов или понятийных основ аспектуальных ситуаций перспективности.

Рассмотрим обозначенные перспективные ситуации с точки зрения их понятийного содержания. Важным для обоснования процедуры нашего исследования представляется высказывание

А.Е.Кибрика о том, что «семантические представления суть тени лежащих в их основе мыслительных структур и что в свою очередь смыслы связаны мотивирующим отношением с грамматическими формами (под которыми имеются в виду любые средства языкового выражения смысла <...>)» [Кибрик 2002: 25].

Для описания аспектуальных ситуаций и их компонентов мы воспользовались данными толковых словарей, словарей синонимов, а также теоретических источников по исследуемой проблематике. В ходе исследования наряду с приемом дефиниционного анализа лексем были использованы элементы концептуального анализа для уточнения содержания изучаемой категории.

На первом этапе исследования перспективности были проанализированы словарные дефиниции языковых единиц — номинантов ее ключевых признаков, выявленных в результате анализа примеров из художественной литературы на современном русском, английском и французском языках, а также на основании данных, содержащихся в специальной научной литературе. Так, кроме таких характеристик перспективного действия или состояния, как потенциальность, ожидаемость, планирование, желание, необходимость [Сухомлина 2007], решимость, решительное намерение [Логунов 2007], ближайшее будущее [Майсак 2002; Круговец 2007], отмечается готовность к совершению действия [Рянская 2002]. Анализ лексикографических источников, включающих толковые и двуязычные словари (Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка, Ефремова Т.Ф. Современный толковый словарь русского языка; Новый большой англо-русский словарь, Оксфордский толковый иллюстрированный словарь английского языка, Cambridge International Dictionary of English; Новейший французско-русский, русско-французский словарь, Dictionnaire de linguistique et des sciences du langage, Micro Robert и др.), показал, что средствами передачи «готовности» в русском языке являются глаголы *готовить(ся)*, *приготовиться* и прилагательное *готовый*; в английском языке — прилагательное *ready*, ряд конструкций, таких как *to be set* + инфинитив, *to be ripe* + инфинитив, *to be primed* + инфинитив, *to prepare* + инфинитив и

др.; во французском языке — конструкция *prêt à* + инфинитив, *se préparer à* + инфинитив. Очевидно, что словом-номинантом исследуемой ситуации становится *готовность*. При сравнении дефиниций выявленных языковых единиц были констатированы такие семантические составляющие, как: рус. собираться сделать, замышлять, приготовить себя, быть согласным сделать; англ. быть согласным, приготовленным, склонным что-либо сделать, подготовленным к немедленному действию, решать, решаться, «созреть»; фр. быть способным сделать что-либо благодаря материальной или моральной подготовке, склонным идти до конца, быть полным решимости. На основе данных признаков были обозначены следующие компоненты аспектуальной ситуации «готовность к совершению действия»: *согласие сделать что-нибудь, желание содействовать чему-либо; установка, принятие решения, направленного на выполнение того или иного действия*. Использование перекрестных словарных ссылок, а также обращение к словарям синонимов позволило дополнить список языковых средств, репрезентирующих компоненты ситуации готовности, включив: рус. *согласен* + инфинитив, *решишь(ся)* + инфинитив; англ. *to decide* + инфинитив, *to be determined* + инфинитив, *to determine* + инфинитив и т.д.; фр. *être disposé à* + инфинитив, *décider de* + инфинитив, *se décider à* + инфинитив, *se résoudre à* + инфинитив, *être résolu à (de)* + инфинитив и т.д.

Для того чтобы представить структуру категории перспективности в более детализированном виде, а также проследить за языковым наполнением аспектуальных ситуаций, был осуществлен контекстуальный анализ литературных текстов. При исследовании способов языковой объективации перспективности в художественной литературе были также использованы ресурсы корпусной лингвистики. В корпусах текстов поиск задавался по ключевой лексеме. Выборка примеров из произведений авторов XIX—XXI вв. и последующий анализ употреблений выявленных языковых единиц в конкретном контексте позволили обнаружить способность языковых репрезентантов к актуализации дополнительных смысловых оттенков. Так, следующий пример иллюстрирует выражение

внутренней готовности как психологического настроя субъекта на выполнение действий: фр. *Il était tellement appliqué et content, tellement prêt à s'occuper d'elle, lui ouvrir les portes, allumer ses cigarettes, courir au devant de ses moindres désirs qu'il finissait par y penser avant elle* (F.Sagan. Aimez-vous Brahms?). — Он был так услужлив и доволен, так **полон готовности заниматься** ею, открывать ей двери, давать закуривать, выполнять ее малейшие желания, что даже стал предугадывать ее мысли. В следующем случае описана ситуация, в которой готовность выступает результатом пережитых эмоций: англ. *His feeling of terror had passed away, and curiosity had taken its place. He was determined to find out Basil Hallward's mystery* (O.Wilde. The Picture of Dorian Gray). — Страх его прошел и сменился любопытством. Он твердо **решил узнать** тайну Бэйзила Холлуорда. Физическое состояние как причина готовности к действию наблюдается в следующем примере: *Порою он так широко открывал свои большие серые глаза, как будто ему было невыносимо больно и он готов крикнуть* громким криком бессильной злобы на эту боль (М.Горький. Мать). В результате в состав ситуации «готовность к совершению действия» были включены компоненты *психологическая настроенность (готовность), физическая подготовленность и эмоциональное состояние готовности*.

Следующим шагом явилась систематизация отобранных в ходе лексикографического и контекстуального анализа языковых единиц по типам актуализации значимых компонентов аспектуальных ситуаций проспективности. Применение описанной методики позволило обозначить содержательный минимум исследуемой категории: намерение совершения действия, готовность к совершению действия, движение к совершению действия, близость к вступлению в действие, неизбежность совершения действия.

Последующая проверка на наличие выделенных компонентов в базе языковых данных позволила уточнить содержание каждого понятийного фрагмента проспективности. Соблюдение этого условия необходимо, поскольку «многие семантические компоненты слова, не фиксируемые словарными дефинициями

толковых словарей, регулярно проявляются в определенных контекстах употребления слова» [Стернин 2012: 15—16]. Подобные компоненты могут выявляться в художественных текстах, в метафорических переносах и т.д., что позволяет признавать наличие «периферийных», «потенциальных» значений, их «оттенков», не нашедших отражения в словаре [там же]. С точки зрения Е.В.Рахилиной, толковые словари традиционно предлагают инвариантное описание. С когнитивной позиции инвариант «не покрывает всего разнообразия употреблений языковой единицы — это только некоторая абстрактная идея, связанная с данным значением» [Рахилина 1998: 297—298]. Не покрывает их, по мнению автора, и прототипическое значение, но все употребления не являются случайными или произвольными, каждое значение может «породить» новое. Концептуальные компоненты как носители определенной информации способствуют обнаружению скрытого потенциала слова и тем самым развитию многозначности и полифункциональности языковых единиц [там же].

Рассмотрим далее понятийное содержание аспектуальных ситуаций (АС) проспективности и определим компоненты, входящие в их состав.

АС намерения совершить действие

В качестве начальной фазы проспективности мы выделяем намерение, или интенциональность. Данные понятия можно рассматривать как синонимичные на основании того, что эти термины взаимно используются в дефинициях. Согласно данным Большого психологического словаря [2004], термин «интенциональность» заимствован изначально из философии и означал особенность некоторых внутренних психических или когнитивных состояний, при которых наблюдается сосредоточенность на внешних объектах, событиях и состояниях дел в реальном мире. Интенциональными состояниями являются убеждения, намерения, желания, цели. В более узком и близком этимологии смысле интенциональность — это «направленность на цель», т.е. намерение, целевой замысел действия [там же].

В толковых словарях *намерение* трактуется как «предположение сделать что-либо, желание, замысел» (желание, решимость; внутреннее состояние готовности физической, психологической и т.д.) [Ожегов 1994]; «как умысел, замысел, предположение к какому-либо действию; хотенье, желанье исполнить что-либо» [Даль 2002: 403]. Следовательно, рассматриваемая аспектуальная ситуация соответствует представлению о желании субъекта к вступлению в последующее действие.

Намерение, или намеренность, понимается так же, как интенция. Интенция — это «намерение, цель, направление или направленность сознания, воли, чувства на какой-либо предмет» [ИЭС 1995: 272].

Интенциональность, т.е. значение намерения, как отмечают Т.А.Майсак и С.Р.Мерданова, можно считать частным (и диахронически исходным) случаем более широкого проспективного значения, намерение субъекта действия является одной из разновидностей «подготовки» к последующей ситуации [Майсак, Мерданова 2003: 89]. Представляется важной точка зрения, согласно которой интенциональное значение является в строгом смысле аспектуальным, а не временным, на этот факт неоднократно указывали отечественные и зарубежные лингвисты [Comrie 1996: 64—6; Heine 1994: 36; Плунгян 2000: 297—298]. Ученые поясняют, что это значение характеризует не временную референцию ситуации, а одну из фаз развития ситуации — подготовительную [Майсак, Мерданова 2003: 89]. Именно аспектуальный, а не временной характер «предстоятельности» подчеркивается и в работах по русской аспектологии [Падучева 1996: 116; Булыгина, Шмелев 1997: 168; Зализняк, Шмелев 2000: 30].

Анализ понятий «намерение» и «интенциональность», которые мы рассматриваем как аналогичные, позволяет выделить ряд компонентов, более детально характеризующих рассматриваемую аспектуальную ситуацию: *подготовка, стремление к последующей ситуации; (цели)направленность сознания, воли, чувства; предположение сделать что-либо; замысел; желание; решимость; внутреннее состояние*

физической готовности; внутреннее состояние психологической готовности.

АС готовности к совершению действия

Следующей фазой перспективности является *готовность* к вступлению в действие. Согласно толковым словарям данное понятие рассматривается как «согласие сделать что-нибудь, желание содействовать чему-нибудь» [Ушаков 2009]; «установка, направленная на выполнение действия» [<http://magazine.mospsy.ru/dictionary/>]; «психологическая настроенность на что-либо; желание угодить, услужливость» [Ефремова 2006]; «состояние, при котором все сделано, все готово для чего-нибудь» [Ожегов, Шведова 2003; Ожегов 1994].

В Современном толковом словаре русского языка Т.Ф.Ефремовой дается следующее определение: *решать* — «находить требующийся ответ; определять искомое; выносить постановление, принимать решение; находить объяснение чему-либо, приходить к заключению по поводу чего-либо, находить способ осуществления, исполнения чего-либо; являться определяющим в чем-либо; предопределять; подумав, останавливаться на каком-либо намерении, намечать к осуществлению» [Ефремова 2006]. *Готовый к чему-нибудь* в Толковом словаре Д.Н.Ушакова означает — «подготовленный к чему-нибудь; сделавший все необходимые приготовления». *Готовый на что-нибудь* — «согласный на что-нибудь, склонный, расположенный сделать что-нибудь; такой, что в состоянии, может что-нибудь сделать» [Ушаков 2010].

На основе приведенных определений можно заключить, что *готовность* к совершению действия следует за *решением* совершить действие, так как сначала субъект находит способ осуществления действия, подумав, останавливается на конкретном намерении, а затем наступает состояние *готовности* к его осуществлению.

В психологическом толковом словаре *готовность к действию* предполагает наличие определенных знаний, умений, навыков; *готовность к противодействию* возникающим в процессе выполнения действия препятствиям;

приписывание какого-либо личностного смысла выполняемому действию [<http://magazine.mospsy.ru/dictionary/>]. Это также «состояние мобилизации всех психофизиологических систем человека, обеспечивающих эффективное выполнение определенных действий. Конкретное состояние готовности к действию определяется сочетанием факторов, характеризующих разные уровни, стороны готовности: физическую подготовленность, необходимую нейродинамическую обеспеченность действия, психологические условия готовности» [<http://www.anypsy.ru/glossary/gotovnost-k-deistviyu>].

Готовность к действию — понятие, введенное голландским психологом Н.Фрайда в 1986 г. и продолжающее Спинозистскую логику определения эмоций. Эмоции определяются как изменения в готовности к действию, изменения в готовности к модификации или установлению отношений с окружающей средой. Эмоциональное переживание состоит из осознания готовности к действию, например, осознания таких импульсов, как «бежать, нападать или обнимать и целовать», саму же готовность к действию относят к поведенческому компоненту эмоций [<http://www.anypsy.ru/glossary/gotovnost-k-deistviyu>].

Таким образом, «готовность» включает ряд компонентов, которые детализируют данное понятие: *согласие сделать что-нибудь, желание содействовать чему-либо; установка, принятие решения, направленного на выполнение того или иного действия; психологическая готовность; физическая подготовленность; эмоциональное состояние готовности к вступлению в новый процесс.*

АС движения к совершению действия

Наиболее общую характеристику понятия *движение* дает древнегреческий философ и ученый Аристотель, указывая, что движение — это реализация, осуществление сущего; т.е. движение выступает переходом возможности в действительность [<http://www.openreality.ru>].

Как отмечает С.Л.Рубинштейн, движение является способом осуществления действия и определяется характером или содержанием той задачи, на разрешение которой это действие

направлено [Рубинштейн 2000: 275]. Д.Б.Никуличева рассматривает движение как изменение: физическое движение способно изменить состояние [Никуличева 2010: 299].

Как отмечалось ранее, модель времени часто выражается в языке пространственно через движение, о чем свидетельствуют примеры из ряда языков. Т.А.Майсак отмечает, что неслучайно в основе форм с проспективным значением лежит исходная пространственная конструкция со значением «приближения к цели», т.е. в проспективной конструкции всегда используется «целевая форма» — инфинитив, а обозначение движения субъекта к некоторой точке в пространстве используется для обозначения его нахождения на пути к некоторой новой ситуации [Майсак 2000: 21]. Человек воспринимает движение как интенциональное направление к цели [Фурашова 2007: 236]. В толковом словаре глагол *пойти* трактуется как «начать идти; начать делать что-нибудь» [Ожегов 1994: 474].

Суммируя характеристики, данные понятию «движение», обозначим следующий состав рассматриваемой ситуации: *движение как намерение, т.е. интенциональное направление к цели; нахождение на пути к некоторой ситуации и приближение к осуществлению действия.*

АС близости к вступлению в действие

Перейдем к описанию следующей фазы проспективности, отмеченной нами на пространственно-временной схеме, — близость к вступлению в действие. Обозначение ситуации как «близость к вступлению в действие» обусловлено тем, что в определении слов *близко*, *близость* включены синонимы, соотносимые с понятиями «неотдаленность», «смежность», «соседство», т.е. практически весь диапазон компонентов, которые нами определены в составе этой аспектуальной ситуации. Анализ толковых словарей свидетельствует, что это понятие весьма многозначно.

Близкий (близкая, близкое, близок, близка и т.д.) — находящийся на небольшом расстоянии, недалеко от чего-нибудь [Ожегов 1994: 46]. По определению В.И.Даля, *близкий* — недалкий, недалекый, неотдаленный; находящийся в небольшом,

в малом расстоянии пространства или времени; *близко* — нареч. недалеко, недалече; сумежно, около, подле, возле; *близость* — состояние близкого, недалечность, неотдаленность; смежность, соседство [Даль 2002]. В толковом словаре Т.Ф.Ефремовой *близость* интерпретируется как «расположение, нахождение на близком расстоянии от кого-либо, чего-либо; незначительная отдаленность во времени от чего-либо, приближение чего-либо» [Ефремова 2006]. Расположение на близком расстоянии — это «рядоположение». В Толковом словаре Д.Н.Ушакова *рядом* означает «один подле другого», «по соседству, около чего-нибудь» [Ушаков 2009], в Словаре русского языка С.И.Ожегова находим схожую интерпретацию данного понятия — «один подле другого», «по соседству, близко», «вблизи, около чего-нибудь» [Ожегов 1994].

Исходя из определений понятия «близость», можно заключить, что речь идет о пространственном представлении или расстоянии, имеющем неопределенные параметры. Тем не менее, как показал языковой материал, пространственные ориентиры в отображении момента приближения к совершению действия могут быть конкретизированы. Поэтому рассматриваемая аспектуальная ситуация может быть представлена двумя компонентами: *неопределенная близость* и *близость как конкретный пространственный образ*.

АС неизбежности совершения действия

Конечной фазой проспективности является достижение точки, границы, за которой начинается новая ситуация.

Неизбежность вступления в действие может быть интерпретирована как позиция наибольшей приближенности к новой ситуации [Рянская 2002 б: 94]. По данным словарей, *неизбежность* определяется как то, чего невозможно избежать [Баранов 1995]; то, «что невозможно избежать, предотвратить» [Ожегов 1994]. Согласно Словарю русских синонимов и сходных по смыслу выражений *неизбежно* означает — «неотменно, несомненно, неуклонно (в просторечии: обязательно); во что бы то ни стало, во всяком случае, невзирая (не глядя, несмотря) ни на что; волей-неволей; хочешь, не хочешь» [Абрамов 1999].

Термин «неизбежность» (*imminence*) во французской лингвистике используется в связи с обозначением действия, которое находится в точке реализации и должно осуществиться в самый короткий отрезок времени (непосредственно, немедленно). «Неизбежное» (*imminent*) связано с незамедлительностью наступления ситуации, в данный момент [MR 2006: 543—544; DF 2002: 240].

Таким образом, понятие неизбежности связано, прежде всего, с отражением ситуации «положение дел, сложившееся независимо от воли и желания человека». Однако анализ языкового материала дает основание для детализации представлений о неизбежности вступления в действие. В связи с этим следует включить в состав компонентов, характеризующих данную аспектуальную ситуацию, следующие: *ситуация, сложившаяся независимо от воли и желания субъекта действия; ситуация наименьшей временной удаленности от момента вступления в действие; пограничное состояние вступления в новую ситуацию.*

На основе проведенного обзора можно заключить, что все рассмотренные понятия относятся к ментальной сфере. Данные виды ментальной деятельности содержат представление о будущем событии, о желательности, решимости, стремлении, о внутреннем состоянии готовности или неизбежности. Прослеживается, на наш взгляд, и определенная последовательность мыслительной обработки этапов действия: вначале мотивационно-личностный (оценивание возможностей), затем стратегический (формирование внутреннего состояния физической и психологической готовности) и, наконец, объективно заданный фактор близости или неизбежности вступления в действие.

Восприятие времени имеет два уровня: непосредственно переживаемое время и оцениваемое [Москвин, Москвина 2011: 118]. Для оценки длительности (совершаемости) событий используется свой субъективный временной эталон, который формируется на основе человеческого опыта и получает языковое выражение.

Важной чертой когнитивного подхода является изучение категоризации того, как происходит «структуризация» человеческой деятельности, каковы способы этой структуризации [Кубрякова 2004: 490]. Содержание языковых единиц фиксирует

опыт общения человека с окружающей действительностью. Из всей информации о реальности, накопленной человеческим сознанием, берется лишь ее часть, закрепляясь за определенной языковой формой. Поэтому объем знания о сходных объектах, состояниях или процессах, отраженный в том или ином языке, может отличаться.

С точки зрения психолингвистического подхода представления о сходствах и различиях не заданы изначально, они формируются в результате сложных познавательных операций, инструментом которых служит язык [Фрумкина 2007: 94]. При этом в реальной жизни человек оперирует «как с отдельными, неповторимыми в своей специфичности объектами и свойствами, так и с достаточно общими категориями объектов» [там же: 61—62].

Мы исходим из того, что все указанные познавательные процессы и их результаты — и неравнозначность объема фиксируемой в языке информации, и ее спецификация или универсализация — находят отражение в языковой объективации характера совершаемости действия. Как было отмечено выше, наиболее общими составляющими категории проспективности являются целенаправленность, поэтапность и динамичность. Вариативность параметров выявляется при детализации аспектуальных ситуаций в процедуре «содержание → языковая форма».

Подводя итоги, можно сделать ряд заключений.

Проспективность относится к аспектуальной характеристике действия, соответствующей, с точки зрения когнитивных позиций, представлению о «совершаемости», «стадии реализации процесса», в традиционной терминологии — к способам действия. Понятие способа действия в широком смысле предполагает выход за рамки исследования глагольных форм и соотносимость с репрезентацией совершаемости действия (процесса) разноуровневыми единицами языка. Будучи способом действия, проспективность обладает статусом «свободных несистемных образований» и характеризуется принадлежностью к лексико-грамматической сфере как межуровневому явлению.

Описание характеристики действия на материале разноструктурных языков определяет выбор когнитивного

подхода, в рамках которого используются понятия ономаσιологического анализа и понятийной категории. Исходя из того, что термин «категория» используется по отношению к универсальным понятийным категориям и к частным понятийным составляющим этих категорий, перспективность может рассматриваться как часть понятийного поля категории аспектуальности. Понятийная категория перспективности соотносится со способом действия как языковой категорией, отражая на концептуальном уровне широкий спектр представлений о доначальной фазе действия.

Обращение к ономаσιологическому подходу при изучении категории перспективности обусловлено необходимостью нахождения универсально-константной структуры категории с опорой на анализ разноуровневых средств языковой репрезентации. Анализ перспективности как понятийной категории позволяет определить круг аспектуальных понятийных ситуаций, отражающих совокупность параметров совершаемости действия, и затем сопоставить языковые возможности их выражения в русском, английском и французском языках.

Категории, связанные с характеристикой действия (процесса), являются сложным комплексом, в котором они взаимосвязаны и часто переплетены на уровне способов их выражения. Для перспективности проблема совмещения в рамках одной языковой единицы значений различных категорий является весьма значимой. Основанием для взаимодействия категорий аспектуальности, модальности и темпоральности являются: функциональная многозначность языковых форм, семантический потенциал слов, их способность к развитию лексико-семантических вариантов значения.

Обращение к фактам исторического процесса взаимодействия категорий аспектуальности, модальности и темпоральности, остаточные элементы которого сохраняются в современных языках, позволяют судить об определенных истоках языкового оформления перспективности. Выявляется ряд базовых смыслов, определяющих способность языковых единиц выражать отдельные оттенки, развившиеся из значений модальных глаголов (решимость, готовность, физическое и моральное

долженствование, необходимость, воля, желание, неизбежность, близость к наступлению события или действия) или глаголов движения (направленность). Отмечается участие «резервных» языковых средств для выражения аспектуальных значений.

Категория проспективности характеризуется неоднородностью своей структуры. Размытость временного периода, соответствующего перспекции, обусловлена субъективными представлениями о совершаемости действия. Базовыми когнитивными параметрами, наиболее эксплицитно характеризующими данную категорию, являются целенаправленность (намеренность), поэтапность и динамичность совершаемости действия.

Модель категории проспективности соответствует представлениям о времени как линейно расположенном, повторяющем естественный жизненный цикл, имеющий начало и конец; о векторной последовательности событий и причинно-следственных связях между ними, которые предполагают направленность, источник (мотив) направленности действия (процесса), интенциональное движение к цели.

Категория проспективности интерпретируется под углом пространственно-временных представлений, а также с учетом проявления направленности сознания, воли, чувств субъекта к совершению последующего действия. Временные этапы подготовки к вступлению в новую ситуацию связаны с намерением или желанием и отражают представления о направленности к будущему, целеполагании, являющемся движением в будущее и временном местоположении приближения к конечной точке, цели. В качестве аспектуальных ситуаций, подлежащих анализу языковой объективации, выступают: *намерение совершения действия, готовность к совершению действия, движение к совершению действия, близость к вступлению в действие, неизбежность совершения действия.*

Рассмотрение обозначенных нами понятийных ситуаций осуществляется на примере анализа языковых возможностей их выражения в русском, английском и французском языках.

Глава 2

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА ОБЪЕКТИВАЦИИ КАТЕГОРИИ ПРОСПЕКТИВНОСТИ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО, АНГЛИЙСКОГО И ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКОВ)

2.1. Ситуация намерения совершения действия

Результаты анализа и систематизации языковых средств репрезентации перспективности позволяют выделить смысловые константы, которые, выступая в качестве базовых в каждой аспектуальной ситуации, группируют вокруг себя языковые единицы, уточняющие или содержащие дополнительные параметры исследуемой категории.

С точки зрения вариантов представления идеи намерения совершить действие выделяется наибольшее количество параметров, сложный состав которых связан, на наш взгляд, с особенностями восприятия времени индивидом. В психологии для обозначения актуальных представлений субъекта о своем будущем и прошлом используется понятие «временная перспектива». К.Левин, предложивший этот термин, подчеркивал, что переживаемое состояние человека нередко связано с ожиданиями, надеждами или воспоминаниями [БПС 2004], т.е. с представлениями о будущем или прошлом. По мнению В.А.Москвина и Н.В.Москвиной, понятие временной перспективы близко к таким психическим реалиям, как планирование, перспективное целеполагание, построение модели потребного будущего, принятие и реализация намерений и т.д. [Москвин, Москвина 2011: 127—128].

В современном русском, английском и французском языках наблюдается развернутая система вариативных средств выражения оттенков понятия «интенциональность», или «намерение».

Перейдем к более подробному рассмотрению компонентов аспектуальной ситуации (КАС) *намерения* и способов их выражения в русском, английском и французском языках.

КАС — подготовка, стремление к последующей ситуации

Данный параметр характеризует этап подготовки субъекта к последующей ситуации. Анализ контекстов из художественных произведений русских писателей, а также из справочной литературы свидетельствует о том, что наиболее функциональным средством выражения этой идеи является глагол *стремиться* в сочетании со смысловым глаголом в неопределенной форме.

Данные толковых словарей [Ефремова 2006; Даль 2002: 629] позволяют выделить такие семантические составляющие данного глагола, как «настойчиво добиваться чего-либо», «иметь определенную направленность в развитии, достижении чего-либо», «влечся духом», «хотеть», «желать», «стараться достичь», «порываться». Подобные оттенки обнаруживаются при контекстуальном анализе, например:

*Он все **стремился** начать жизнь, все рисовал в уме узор своей будущности* (И.А.Гончаров. Обломов).

Как следует из контекста, герой прилагал некоторые усилия для вступления в желаемую (предполагаемую) ситуацию — в новую жизнь, однако речь не идет о настойчивости субъекта, скорее, о «влечении духом». В следующем случае при использовании конструкции с глаголом *стремиться* контекстуально выражен оттенок настойчивости, старания достичь необходимого результата:

*Мы все **стремились** затянуться потуже, точно каждое мгновение нас ожидал строй, точно от одного нашего вида зависела готовность этого общего строя к боям и победам* (Б.Васильев. Завтра была война).

В английском языке рассматриваемая ситуация передается несколькими конструкциями: *to long* + инфинитив (а также *to long for* + герундий) — «стремиться, страстно желать, жаждать», *to aspire* + инфинитив — «стремиться (добиваться)», *to strive* + инфинитив — «стремиться (добиваться)». Иллюстративный материал свидетельствует о том, что в приведенных контекстах при использовании перечисленных языковых средств доминирует параметр настойчивости в стремлении осуществить действие: *Mr. Roh has kindled expectations that he must now **strive to live** up to.* — *В господине Ро теплилась надежда, что теперь он должен*

стремиться выжить [CID 2001: 1445]; *She longed to set out for Europe, to see England, her father's country.* — Она **страстно желала** отправиться в Европу, увидеть Англию, страну ее отца [АРСИФГ 2003: 231]. В исследованных литературных источниках представлены следующие языковые единицы:

His love became a prison from which he longed to escape (W.S.Maugham. Red). — Его любовь стала тюрьмой, из которой он **мечтал** (жаждал) **сбежать**.

These artists aspire to self-sufficiency, complete control, self-exploitation [<http://www.natcorp.ox.ac.uk>]. — Эти художники **стремятся к самодостаточности**, полному контролю, самоэксплуатации.

Во французском языке подготовка к последующей ситуации со значением намерения вступления в действие передается с помощью конструкций: *avoir le dessein de* + инфинитив — «иметь намерение сделать что-либо», *aspirer à* + инфинитив — «желать, стремиться к чему-либо»: *Je n'aspire plus qu'à me reposer.* — Я **желаю лишь отдохнуть** [MR 2006: 62], *tendre à* + инфинитив — «стремиться». Сравнение словарных дефиниций и использование перекрестных ссылок позволило выявить, что перечисленные языковые средства способны к репрезентации таких параметров, как «желать», «стремиться», «иметь целью», «стараться», «делать все возможное». Однако перечисленные конструкции малофункциональны и в нашей выборке не встречаются. По данным словаря *Micro Robert* [MR 2006: 297] конструкция *avoir le dessein de* передает, кроме значений «намерения, в том числе заранее обдуманного» и «стремления», оттенки «желания», «цели», «планирования», «решения», т.е. включает в себя максимальный потенциал языковой репрезентации ситуаций *намерения совершения действия*. Обращение к литературным источникам указывает на использование авторами XIX и начала XX вв. конструкции *le dessein est de* + инфинитив, которая передает, прежде всего, целенаправленность действия:

Son dessein était de profiter, autant qu'il le pourrait, des avantages que la connaissance de Candide pouvait lui procurer (Voltaire. *Candide*). — Его **намерением было воспользоваться**,

насколько он сможет, преимуществами, которые ему могло дать знакомство с Кандидом.

Son dessein était de commencer la correspondance par sept à huit lettres d'amour passionné; elle voulait préparer ainsi les suivantes, où l'amour semblerait s'éteindre peu à peu (Stendhal. Chroniques italiennes). — **Ее целью было начать с переписки семью или восьмью страстными любовными письмами; она хотела таким образом подготовить последующие, в которых любовь казалась бы понемногу угасающей.**

В первом случае ситуация мыслится как предполагаемая, желаемая, во втором — осуществляется планирование субъектом определенных действий и выбор средств для достижения цели, поэтому данный пример ближе к характеристике следующей ситуации.

КАС — (целе)направленность сознания, воли, чувства

Ключевыми параметрами обозначенной ситуации является постановка цели и проявление внутренних ресурсов субъекта, направленных на реализацию действия.

Конструкции из русского языка свидетельствуют о возможности языкового выражения данной аспектуальной ситуации с помощью глаголов *намереваться, настроиться, надеяться, рассчитывать* в сочетании со смысловым глаголом в неопределенной форме:

*Всегда после таких пробуждений Нехлюдов составлял себе правила, которым **намеревался следовать** уже навсегда: писал дневник и начинал новую жизнь, которую он **надеялся** никогда уже **не изменять**, — *turning a new leaf*, как он говорил себе (Л.Н.Толстой. Воскресение).*

Конструкция *намеревался следовать* отражает ситуацию, когда сам субъект планирует будущее, делая определенные шаги к осуществлению своего намерения: *писал дневник, начинал новую жизнь*. Из контекста следует, что намерения повторяются, но не осуществляются до конца и неизвестно, хватит ли герою воли осуществить задуманное.

Представлены сочетания, описывающие ситуацию, в которой намерение реализуется как оценка степени вероятности осуществления действия:

*На другой день за завтраком Григорий Иванович спросил у дочери, все ли **намерена** она **спрятаться** от Берестовых (А.С.Пушкин. Барышня-крестьянка).*

В английском языке к языковым средствам, выражающим значение *намерения* с оттенком направленности сознания, воли и чувств субъекта к совершению действия, можно отнести следующие конструкции: *to intend* + инфинитив — «намереваться что-либо сделать», «собираться что-либо сделать», *to have an intention* + инфинитив — «иметь намерение что-либо сделать», *to hope* + инфинитив — «надеяться; ожидать, предвкушать», что подтверждается данными словарей: *I've no intention of changing my plans just to fit in with his.* — Я не намерен менять свои планы только для того, чтобы они были согласованы с его планами [CID 2001: 740]; *He intends to leave.* — Он намерен уехать [РА-АРС 2002: 233].

Иллюстративный материал позволяет говорить о ситуациях, когда намерениям субъекта сопутствуют внешние обстоятельства:

*You **intend** deliberately **to make** me out a tout for a restaurant (O.Henry. Selected Stories).* — Вы **преднамеренно хотите превратить** мой рассказ в рекламу ресторана.

*He **intended to take** an opportunity this afternoon of speaking to Irene (J.Galsworthy. The Man of Property).* — Джеймс **решил воспользоваться** случаем и поговорить с Ирэн.

Глагол *to hope* — «надеяться» — подчеркивает направленность желания субъекта на достижение определенного результата:

*Murder! Murder! — he kept repeating, as though iteration could dim the horror of the word. The sound of his own voice made him shudder, yet he almost **hoped that** Echo **might hear him, and wake** the slumbering city from its dreams (O.Wilde. Lord Arthur Savile's Crime).* — Убийство! Убийство! — повторял он, словно надеясь притупить чудовищный смысл пророчества. От звука собственного голоса он содрогался, но в то же время ему **хотелось, чтобы** громогласное эхо, услышав его, **пробудило** весь огромный спящий город.

Во французском языке рассматриваемая понятийная ситуация передается с помощью конструкций, семантический потенциал которых позволяет выразить различные оттенки намерения как сознательного, целенаправленного: *avoir l'intention de* + инфинитив — «намереваться»; *se disposer à* + инфинитив — «настроиться на что-либо» или «намереваться, быть в состоянии»; *être disposé à* + инфинитив — «намереваться, быть готовым»; *espérer* + инфинитив — «надеяться, ожидать», «надеяться, рассчитывать, думать». Анализ словарных дефиниций и перекрестных ссылок позволил уточнить параметры данной ситуации намерения, передаваемой средствами французского языка, и включить в их список следующие: желать осуществления действия, иметь или видеть цель, предполагать, надеяться, готовиться. В литературных произведениях представлены конструкции, иллюстрирующие актуализацию некоторых из них.

Vous avez l'intention de m'accompagner? (G.Simenon. La Première Enquête de Maigret). — **Вы намерены меня сопровождать?**

On raconte qu'un Anglais vint un jour à Genève avec l'intention de visiter le lac;... (J.Verne. Cinq semaines en ballon). — Рассказывают, что один англичанин приехал однажды в Женеву с намерением посетить озеро.

При сравнении ситуаций, выражаемых конструкциями с существительным *l'intention*, выявляются различия в актуализации параметров намерения: в первом случае проявляется оттенок желания, во втором — цели. Использование глагола *espérer* позволяет выразить оттенок «надеяться увидеть реализацию желаемой ситуации»:

— *Mais j'espère que vous nous ferez l'honneur de nous le dire, ajouta Aramis de son ton le plus poli et avec la plus gracieuse révérence* (A.Dumas. Les trois mousquetaires). — **Но мы надеемся, что вы окажете нам честь сообщить об этом, — добавил Арамис в высшей степени учтиво и отвесил изящный поклон.**

C'était quelque chose qui dépassait non seulement tout ce qu'avait vu, mais encore tout ce qu'il espérait voir (A.Dumas. La femme au

collier de velours). — Это было нечто такое, что превзошло все, что я видел и даже то, что я надеялся увидеть.

КАС — планирование совершения действия

Данная аспектуальная ситуация отражает предположение субъекта сделать что-либо, совершить какое-либо действие. В русском языке такая ситуация передается с помощью глагола *планировать* (в скором времени, в ближайшем будущем осуществление обдуманного намерения). Обратимся к рассмотрению словарной трактовки данного понятия. *Планировать* — означает «составлять план развития чего-нибудь; предполагать, рассчитывать, иметь в своих планах», например: *Планирую поехать на курорт* [Ожегов 1994: 449]. «Планирование» — это подготовленность события, нашедшая подтверждение в настоящем. Оттенки планирования также рассматриваются многими исследователями как часть понятия будущего. Описывая датскую грамматическую систему времен, Д.Б.Никуличева использует термин «план конструируемой реальности», означающий локализацию событий, которые представляются как «еще не пережитые, но достаточно достоверные». Для обозначения будущих событий, подготовленность которых подтверждается в настоящем, может использоваться футуральный презенс, как, например, в датском: *Snart er kaffen klar* — «скоро будет готов кофе» [Никуличева 2010: 307].

В английском языке ситуация планирования может выражаться конструкцией *to plan* + инфинитив — «планировать, строить планы, намереваться, затевать». Воспользуемся примерами из Оксфордского словаря [CID 2001: 1075]: *I'm planning to buy a new house.* — Я планирую купить новый дом; *We're planning turning the back room into a bedroom for my mother.* — Мы планируем переделать заднюю комнату в спальню для моей матери; *She's already planning how to spend her prize money.* — Она уже планирует, как потратит свои призовые деньги; *I've planned out the day — first we'll take the train up to town, we'll do some shopping, then we'll have a slap-up meal and see a show.* — Я распланировала день — сначала мы поедem на поезде до города, совершим кое-какие покупки, затем шикарно

пообедаем и посмотрим шоу. Привлеченный материал подтверждает, что планирование может носить характер намерения или же процесса подготовки, когда намечены способы или средства осуществления планов.

Во французском языке к конструкциям, участвующим в выражении ситуации планирования предполагаемого действия, можно отнести такие, как *dresser un plan de* + инфинитив — «составить, наметить план» и *dresser le plan de* + инфинитив — «распланировать». Проявление оттенка планирования отмечено для конструкции *se proposer de* + инфинитив — «намереваться, предполагать, намечать, задаться целью» и инфинитивной конструкции с глаголом *penser* — «думать, предполагать, намереваться»: *Quand pensez-vous partir?* — *Когда вы предполагаете уехать?* В следующем примере при помощи глагола *penser* выражается ситуация намерения с оттенком планирования:

J'avais préparé je ne sais quelle histoire d'anciennes relations de ma famille avec celle de Gonfreville, pensant l'amener à parler (A.Gide. Isabelle). — *Я придумал какую-то историю о старинных связях моей семьи с семьей Гонфревиль, предполагая вовлечь ее в разговор.*

Еще одна возможность репрезентации рассматриваемой ситуации приводится в словаре *Micro Robert* [MR 2006: 657]: конструкция *méditer un projet* имеет значение, которое трактуется как «готовить путем длительных размышлений, организовать с определенной целью».

Таким образом, для художественной литературы не характерно использование лексических единиц с прямым указанием на планирование предстоящей ситуации.

КАС — замысел

Обозначенная аспектуальная ситуация предполагает наличие замысла у субъекта к вступлению в последующую ситуацию. С целью подробного анализа содержания ситуации представляется уместным обратиться к трактовке понятия «замысел», приведенной в толковом словаре. Исходя из дефиниции, предложенной В.И.Далем, глагол *затеивать* означает

«вздумывать, придумывать, выгадывать, вымышлять и замышлять; зачинать, быть зачинщиком, коноводом, выдумщиком и исполнителем выдумок своих» [Даль 2000: 273]. В этом определении заложено несколько принципиальных характеристик, указывающих на вариативность понятийных ситуаций «замысла». Сравнение словарных дефиниций и использование перекрестных ссылок позволило выявить следующие параметры: «затевать», «придумать», «вообразить», «предполагать исполнить или предпринимать мысленно», «уверить себя в необходимости действия», «неожиданно захотеть». Отсюда следует, что в русском языке языковыми единицами, способными передать ситуации намерения с оттенком замысла, являются: *замышлять, затевать, вздумывать, надумывать, вбивать в голову, забирать в голову, прийти на ум*. Ситуация замысла предполагает, что намерение осуществить действие может быть представлено как процесс обдумывания или как результат неожиданного решения:

*Я наскоро навязала узел, накинула на голову платок, и уже мы оба стали было выходить, когда мне вдруг **пришло в голову, что надо взять** и картинку, которая висела на стене* (Ф.М.Достоевский. Неточка Незванова).

*Скажу вам откровенно, я ощутил нечто вроде отцовской гордости. Ведь именно мне **пришла в голову мысль учредить в Потаенной пост наблюдения и связи*** (Л.Д.Платов. Бухта Потаенная).

В английском языке намерение с оттенком замысла может передаваться при помощи ряда конструкций: *to make up one's mind* + инфинитив — «собираться, намереваться, решить сделать что-либо» (то есть «надумать себе», «замыслить»): *I've half a mind to / a good mind to go without him if he's going to be such a bore!* — *Я намерен обойтись без него, если он собирается быть таким занудой!* [CID 2001: 899]; *I made my mind up where to go yet.* — *Я уже решил, куда пойти* [CID 2001: 899]. Подобные употребления обнаруживаются в произведениях английских писателей, например:

*I'm right glad ye've **made up your mind to be sociable**, Miss Diana, — said Mrs. Liberty* (O.Henry. The Lady Higher Up). — *Я*

рада, что Вы надумали пообщаться, мисс Диана, — сказала миссис Либерти.

Susie and her companion had made up their minds to pass some weeks in Rome (W.S.Maugham. The Magician). — Сюзи с приятельницей **решили провести** несколько недель в Риме.

— *I believe she has made up her mind to propose to him, Duchess* (O.Wilde. The Picture of Dorian Gray). — Да, герцогиня. Она, кажется, **решила сделать** ему предложение.

Сходной по значению с конструкцией *to make up one's mind* + инфинитив, выступает конструкция *to take* (или *get*) *into one's head* + инфинитив — «вбивать, забрать себе в голову, надумать», а также *to drum (hammer) smth. into one's head* + инфинитив — «вбивать, забирать себе в голову»:

They seem to have taken it into their heads to get married (CID 2001: 654). — Похоже, они **решили пожениться**.

She spoke of me as her dearest friend. I had only met her once before, but she took it into her head to lionize me (O.Wilde. The Picture of Dorian Gray). — Всем она рекомендовала меня как своего лучшего друга, хотя видела меня второй раз в жизни. Видно, она **взяла себе в голову включить** меня в свою коллекцию знаменитостей.

Еще одна перспективная конструкция со значением замысла совершения предстоящего действия — *to be up to smth* — «затевать, замышлять», например: *It's very quiet. I bet little Jimmy's up to some mischief again!* — Очень тихо. Бьюсь об заклад, маленький Джимми снова затевает какую-то пакость! [АРСИФГ 2003: 176]. Кроме того, намерение с оттенком замысла может передаваться описательным способом:

I could see that he was annoyed by it, and that fact fastened deeper in my mind the conviction that he was meditating some act of treachery (O.Henry. Selected Stories). — Однако я видел, что он раздосадован, и это еще больше укрепило мои подозрения: он явно **замышлял какую-то каверзу**.

Средствами выражения аспектуальной ситуации намеренности совершения действия с оттенком замысла во французском языке выступают конструкции: *machiner* + инфинитив — «замышлять, затевать, задумывать», *préparer* + инфинитив — «подготовить»,

imaginer de + инфинитив — «замыслить», *avoir l'idée de* + инфинитив — «замыслить», *inventer* + инфинитив — «надумать», *projeter de* + инфинитив — «замыслить, затеять». Согласно данным словаря Micro Robert [MR 2006: 860], глагол *projeter* означает «задумать то, что хочется сделать, и то, каким способом это может быть достигнуто»: *Il projetait un voyage. — Они задумали поездку; Ils projetèrent de monter une affaire ensemble. — Они задумали начать дело вместе.* Для выражения замысла используется конструкция *avoir le projet de* + инфинитив:

On a supposé qu'il aimait Béatrix et avait le projet de quitter la mantelleta et de l'épouser (Stendhal. Les Cenci). — *Предполагали, что он любил Беатрикс и намеревался покинуть mantelleta и жениться на ней.*

Анализ языкового материала указывает на возможность выражения оттенка принятия спонтанного решения, о чем свидетельствует следующий пример:

Mais, la nuit suivante, s'étant reveillé vers les deux heures du matin, l'idée lui vint de s'assurer si la lampe brûlait (A.Dumas. La femme au collier de velours). — *Но в следующую ночь он проснулся около двух часов, и ему пришла в голову мысль проверить, горит ли лампа.*

КАС — желание

Данная понятийная ситуация описывает желание субъекта осуществить действие, вступить в последующую ситуацию. Участие модальных глаголов в выражении аспектуальной характеристики действия, как мы убедились, имеет историческую основу (раздел 1.3). В латинском языке существовал ряд форм, которые способны были передавать оттенки намерения, ожидаемого действия или готовности к осуществлению (началу). Семантические различия закреплялись за определенными отглагольными образованиями: герундиву был присущ оттенок долженствования, причастию на *-turus* — намерения или готовности [Шишмарев 2011: 117—120]. Таким образом, уже в латинском языке обнаруживается способность ряда глаголов выступать в качестве слов с универсальным значением, позволяющим участвовать в выражении аспектуальных характеристик действия [Рянская 2002 б: 89]. А.Мейе отмечал,

что основы индоевропейских глаголов выражали не время, а вид, т.е. аспект. Так, в греческом языке будущее «leipso» первоначально означало «я хочу оставить» и представляло форму дезидератива [Мейе 2003: 90]. Тенденции к взаимодействию аспектуальности и модальности наблюдаются и в современных языках (раздел 1.2). Исходя из этих фактов можно считать обоснованным включение параметра «желание» в описание ситуации намерения.

Сравнение словарных дефиниций глаголов *желать* и *хотеть*, выступающих ключевыми номинантами рассматриваемого компонента, указывает на следующие семантические составляющие: жаждать, стремиться, намереваться, собираться. В разговорной речи также широко распространены выражения: *я хотел бы...*, *мне захотелось* и т.п.

Благодаря существенной семантической близости элементы синонимического ряда (глагола «хотеть»), куда входят слова «желать», «мечтать» и «жаждать») одинаковым или сходным образом реагируют на грамматику языка в широком смысле [Апресян 1995: 16—17]. Глагол «хотеть» обозначает наиболее типичное желание, указывает на действенность воли субъекта, т.е. помимо чистого желания он предполагает еще и готовность субъекта прилагать усилия для его реализации, готовность действовать. Кроме того, в глаголе «хотеть» значение собственного желания тесно переплетено со значением намерения:

С Глафирой Петровной новая хозяйка тоже не поладила; она бы ее оставила в покое, но старику Коробьину захотелось запустить руки в дела зятя: управлять имением такого близкого родственника, говорил он, не стыдно даже генералу (И.С.Тургенев. Дворянское гнездо).

В данном случае желание субъекта означает (в терминах В.Даля) «жажду», «хотение», «вожделение». Следующие контексты демонстрируют спонтанное решение субъекта осуществить действие в ближайший отрезок времени (о чем свидетельствуют временные указатели *тотчас* и *сейчас же*):

Кроме того, ей в голову пришла мысль, которую ей непременно захотелось тотчас высказать (И.С.Тургенев. Дворянское гнездо).

И ему вдруг нетерпеливо, страстно, до слез захотелось сейчас же одеться и уйти из комнаты (А.И.Куприн. Поединок).

В ситуациях, где выражается готовность прилагать усилия для осуществления действия, реализуется связь желания с намерением:

Его длинный нос, жирные губы и хитрые, выпученные глаза, казалось, были напряжены от желания расхохотаться (А.П.Чехов. Степь).

— Я желаю теперь сохранить все присутствие духа (В.Ф.Одоевский. Саламандра).

В английском языке имеется целый ряд конструкций, передающих желание совершить действие: *to want* + инфинитив, *to wish* + инфинитив, *to desire* + инфинитив, *to have a desire* + инфинитив, *would like* + инфинитив. Особую группу составляют конструкции, уточняющие степень желания: *to be eager* + инфинитив, *to be impatient* + инфинитив — «гореть желанием», *to be keen set on* + инфинитив — «страстно желать сделать что-либо», «гореть желанием; настроиться; лелеять мечту», *to be all set* + инфинитив — «горящий желанием сделать что-либо», *to have a yearning* + инфинитив — «иметь страстное желание сделать что-нибудь». Оттенки намерения выявляются в следующих конструкциях: *to be willing* + инфинитив — «быть готовым сделать что-нибудь»; *to yearn* + инфинитив — «стремиться сделать что-либо»: *He was willing to go to her father on bended knees to ask if he could marry her.* — Он был готов пойти к ее отцу на коленях, чтобы просить ее руки [АРСИФГ 2003: 137]; *Sometimes I just yearn to be alone.* — Иногда мне просто очень хочется побыть одному [CID 2001: 1696].

В художественных произведениях иллюстрируются некоторые случаи актуализации перспективных оттенков. Желание, как уже было сказано выше, может указывать на готовность действовать или на действенность воли субъекта.

I'm willing to take a chance at fifteen hundred dollars (O.Henry. Selected Stories. The Ransom of Red Chief). — **Я готов рискнуть запросить** полторы тысячи долларов.

— *I am willing to marry you whenever you choose, — she said at last. — I have made all the necessary arrangements* (W.S.Maugham. The Magician). — **Я готова выйти** за тебя замуж, когда захочешь, — наконец вымолвила она. — *Я уже все приготовил.*

He was very willing to have a holiday, so we shut the business up and started off for the address that was given us in the advertisement (A.C.Doyle. The Red-Headed League). — **Он очень хотел получить** выходной, так что мы, закрыв контору, отправились по адресу, указанному в объявлении.

Заметим, что твердая (непоколебимая) уверенность в осуществлении предвосхищаемого, ожидаемого события подчеркивается глаголами и прилагательными, семантика которых указывает на предопределенность, предназначение будущего действия, несомненность в его реализации. Добавим, что в таком случае глаголы и глагольные сочетания стоят зачастую в главном предложении и встречаются как с формой будущего неопределенного, так и с формой продолженного времени, например:

She did not want to run the risk of seeing them, and yet she had a keen desire to find out exactly how things were going (W.S.Maugham. The Magician). — **Ей не хотелось встречаться с ними, но все же было и сильное желание выяснить**, как все там обстоит в действительности?

Конструкцией *had a keen desire* + инфинитив выражено длительно формировавшееся желание как процесс подготовки.

Ситуация спонтанности отражена в следующих контекстах:

He felt a mad desire to stop the casual passer-by, and tell him everything (O.Wilde. Lord Arthur Savile's Crime). — **Его охватило безумное желание остановить** первого же прохожего и все ему рассказать.

I want to go out too, for a minute (D.H.Lawrens. Lady's Chatterley's Lover). — **Я тоже хочу выйти**, на минутку.

В качестве наиболее близкой по смыслу конструкции, передающей «сильное, острое желание» субъекта, выступает

выражение *to be dying* + инфинитив, т.е. «умирать от желания сделать что-либо»:

Mr. Podgers, Lord Arthur Savile is dying to have his hand read (O.Wilde. Lord Arthur Savile's Crime). — *Мистер Поджерс, лорд Артур Сэвил ужасно хочет (просто умирает), чтобы ему погадали.*

Желание может стать результатом действия вынужденных обстоятельств:

She had only one desire now, to go to the clearing in the wood (D.Lawrens. Lady's Chatterley's Lover). — *Теперь у нее было только одно желание — пойти на просвет в лесу.*

Ситуацию желания как решимости иллюстрируют следующие контексты:

He made an instinctive motion of withdrawal, as though he sought to escape. He did not answer immediately, and she insisted. — You have nothing to do for an hour, and there are many things I want to speak to you about (W.S.Maugham. The Magician). — *Он протестующе взмахнул рукой, словно собирался поскорее уйти, но не ответил отказом, и она продолжала настаивать. — У вас есть свободная минутка, а мне столь многое хочется вам рассказать.*

I want to remind you of the last trip... (G.A.Durrell. Zoo in My Luggage). — *Я хочу напомнить вам о последней поездке...*

Желание может быть интерпретировано как решение говорящего, принятое спонтанно, внезапно, что указывает на смежность некоторых компонентов аспектуальной ситуации намерения:

I desire to interpolate here that I am a Southerner (O.Henry. Selected Stories. A Municipal Report). — *Я желаю внести здесь ясность, что я — южанин.*

Желание субъекта совершить определенное действие может являться следствием предварительного умозаключения (обдуманного результата):

I would like first to mention certain points which appear to me suggestive (A.Christie. Murder on the Orient Express). — *Я хотел бы сначала упомянуть определенные моменты, которые кажутся мне наводящими на размышления.*

Рассмотрим языковые возможности выражения понятийной ситуации «желаемое намерение совершить действие» во французском языке. Ключевым словом, характеризующим данную ситуацию, является глагол *vouloir*, который в сочетании с инфинитивом сохраняет в современном языке способность выражать желаемое действие в ближайшем будущем [Опахина 2007: 144; Moignet 1973: 192]. Рассматриваемая ситуация может быть выражена с помощью конструкции *avoir envie de* + инфинитив, передающей, помимо значения «желать, хотеть», также «страстно желать, стремиться к чему-либо». В ряде случаев желание предполагает наличие дополнительного оттенка — различной степени интенсивности желания: *Je désire lui parler.* — Я желаю поговорить с ним; *Je teurs d'envie de...* — Мне смертельно хочется...; *Je brûle d' envie de...* — Я сгораю от желания... Настойчивое желание передается конструкцией *tenir à* + инфинитив. Анализ словарных дефиниций позволил установить, что некоторые глаголы способны выражать дополнительные оттенки желаемого: *désirer* + инфинитив — «сознательно стремиться», *rêver de* + инфинитив — «мечтать о чем-либо, грезить о чем-либо, страстно желать; замышлять, задумывать», *souhaiter de* + инфинитив — «осознанно желать».

В следующем контексте отражена ситуация близости к вступлению в действие («он вот-вот заплачет»):

Il a vraiment envie de pleurer (G.Simenon. La première enquête de Maigret). — Он в самом деле **хочет плакать**.

Речь может идти и о желаемом намерении, которое аргументируется говорящим и не является спонтанным:

J'avais bien envie de questionner Armand sur Marguerite, car la dédicace du livre, le voyage du jeune homme, son désir de posséder ce volume piquaient ma curiosité (A.Dumas-fils. La Dame aux camellias). — Мне **очень хотелось распросить** Армана о Маргарите, потому что надпись на книге, путешествие молодого человека, его желание обладать этой книгой подстрекали мое любопытство.

Ю.Д.Апресян отмечает, что интервал между отрезком времени, когда субъект испытывает желание, и моментом его возможной реализации может быть различным. Так, по мнению

ученого, глагол *мечтать* в большей мере, чем другие его синонимы, может отодвигать моменты осуществления действия в неопределенно далекое будущее, а глагол *жаждать* означает незамедлительность удовлетворения желания [Апресян 2009: 476]. Для сравнения приведем следующие примеры:

Je rêve de la rencontre rapide avec vous (С. Bernard. Le tonnerre céleste). — *Я мечтаю о скорой встрече с вами.*

Nous désirons rester encore un peu avec vous (С. de Ségur. Les Vacances). — *Мы хотим еще немного побыть с вами.*

— *Je voulais lui dire justement que...* — *Moi aussi, j'ai quelque chose à te dire, coupa Cyril. Cécile, je veux t'épouser* (F. Sagan. Bonjour, tristesse). — *Я хотела ему сказать как раз, что...* — *У меня тоже есть что тебе сказать, — прервал Сирил. — Сесиль, я хочу на тебе жениться.*

В первом случае, несмотря на указатель «скорая встреча», реализация действия, благодаря глаголу *rêver* — «мечтать», действительно, может быть очень отдаленной. В тех фрагментах, где использованы глаголы желания, намерение выполнить действие носит более определенный характер. Временной маркер *как раз* в последнем предложении усиливает аспектуальный оттенок «близости к вступлению в действие».

КАС — решимость, необходимость

Ключевыми словами данной ситуации являются глаголы *решить* и *решиться*. Первый из них обозначает «обдумав, прийти к какому-нибудь выводу, к необходимости каких-нибудь действий», второй — «избрать какой-нибудь способ действия после обдумывания, сомнений, колебаний, отважиться на что-нибудь» [Ожегов 1994: 590]. Необходимость, согласно словарным толкованиям, соотносится с потребностью или нуждой, что предполагает сознательное стремление субъекта к выполнению действия или наличие внешних обстоятельств, требующих определенных действий. В русском языке необходимость выражается с помощью сочетаний *надо (бы)* или *нужно* с инфинитивом, несущим в себе основное лексическое значение, например:

— *Он здесь, за ущельем. **Надо** скорее **дойти*** (К.Паустовский. Дым Отечества).

Наличие оттенка необходимости выявляется в контексте, при этом перспектива вступления в действие может быть как близкой, так и очень дальней, например:

(1) ***Надо** только **прожить** еще немного, чтобы убедиться в своей правоте* (К.Паустовский. Дым Отечества).

(2) *А теперь, друзья мои, — он вынул карманные часы и поглядел на них, — извините меня, если я пойду на минутку к себе. Едва на ногах держусь, а мне **надо посмотреть** два дела* (А.И.Куприн. Гранатовый браслет).

(3) *Теперь слушайте, дядюшка; **нужно испытать** последнее: останемся в этой комнате и посмотрим, точно ли в ней происходят эти страшные явления* (В.Ф.Одоевский. Саламандра).

В употреблении отражены ситуации необходимости и целесообразности совершения предстоящих действий, временные рамки которых — отдаленное (1) или ближайшее будущее (2, 3).

В английском языке ситуация необходимости вступления в новую ситуацию передается с помощью конструкции *to need* + инфинитив — «нуждаться в чем-либо, иметь надобность, потребность», например:

*And now I **need to go*** (O.Wilde. Lord Arthur Savile's Crime). — *А теперь мне **нужно идти**.*

Это подтверждается и данными словарей: *He **needs to lose** a bit of weight.* — *Ему нужно немного сбросить вес* [CID 2001: 946]; *I **need to do** some shopping on my way home from work.* — *Мне нужно сделать кое-какие покупки по пути с работы домой* [CID 2001: 946].

В извлечениях из французской художественной литературы наглядно демонстрируются различные оттенки необходимости совершения действия в ближайшем будущем:

*Il **me faut** tout de suite **expliquer** cette situation qui peut paraître fausse* (F.Sagan. Bonjour, Tristesse). — *Мне **следует** тут же **объяснить** эту ситуацию, которая может показаться неправильной.*

— *Vous devez donc, disais-je, avoir besoin de conserver ce que vous avez, si forte que soit cette somme; mais vous devez avoir besoin aussi de vous perfectionner dans les exercices qui conviennent à un gentilhomme* (A.Dumas. Les trois mousquetaires). — *Итак, — продолжал капитан, — вам необходимо сохранить привезенные деньги как бы значительна ни была эта сумма, а также вам следует усовершенствоваться в искусстве владеть оружием — это необходимо дворянину.*

Содержание предложений отражает ситуации, в которых необходимость действий обусловлена обстоятельствами: в первом случае объяснение требуется для взаимопонимания, во втором — речь идет о правилах, которые следует соблюдать герою в сложившихся условиях. Необходимость, нужда может быть вызвана внутренним желанием человека:

Fabien avait besoin de déposer les armes, de ressentir sa lourdeur et ses courbatures, on est riche aussi de ses misères, et d'être ici un homme simple, qui regarde par la fenêtre une vision désormais immuable (A. de Saint-Exupéry. Vol de nuit). — *Фабьену хотелось сбросить с себя доспехи, ощутить тяжесть усталого тела — ведь и в тяготах есть своя отрада — и оказаться простым человеком, созерцающим в окно своего дома низменный, застывший пейзаж.*

Иллюстрации из французского языка свидетельствуют о том, что оттенок решимости/необходимости в ситуации намерения субъекта к совершению действия может быть выражен с помощью конструкций *il faut* + инфинитив — «должно, следует, надлежит, надо» и *avoir besoin de* + инфинитив — «нуждаться в чем-либо». По сведениям словаря *Micro Robert* «необходимость» может соотноситься с долженствованием (*il faut*) [MR 2006: 427], являться естественной или обусловленной социальными причинами [MR 2006: 101]. Необходимость, обусловленная внешним воздействием или обстоятельствами, передается сочетанием *forcé de* + инфинитив:

La locomotive est alors forcé de s'arrêter et d'attendre que la voie soit redevenu libre (J.Verne. Le tour du monde en quatre-vingt jours). — *Локомотив теперь вынужден остановиться и ждать, когда освободится путь.*

КАС — внутреннее состояние физической или психологической подготовки

Более всего описываемой ситуации соответствует, на наш взгляд, значение глагола *собираться*, поскольку, согласно Новому словарю русского языка под редакцией Т.Ф.Ефремовой, среди дефиниций глагола *собираться* представлены следующие: «иметь намерение сделать что-либо»; «напрягать, сосредоточивать силы, мысли, память и т.п.»; «сосредотачиваться, внутренне организовывать себя, готовясь к чему-либо» [Ефремова 2006].

Извлечения из русской классики иллюстрируют ситуацию процесса внутренней психологической подготовки субъекта, представляющей собой этап размышлений, выбора вариантов будущего действия:

...и не только моего благословения, ни моего согласия дать тебе не намерен, но еще и собираюсь до тебя добраться да за проказы твои проучить тебя путем, как мальчишку... (А.С.Пушкин. Капитанская дочка).

Но он все собирался и готовился начать жизнь... (И.А.Гончаров. Обломов).

Для характеристики действия, обозначаемого глаголом *собираться*, важен ряд замечаний, которые мы находим в работе А.А.Мельниковой [Мельникова 2003: 209—210]. Согласно точке зрения ученого, идея «собрания» в русской картине мира отражает специфику деятельности, для которой характерна работа сообщ. Утвердившись на бессознательном уровне, считает автор, эта идея в дальнейшем глобализовалась и распространилась на индивидуальную деятельность: чтобы что-то сделать, нужно «собраться с силами», «с мыслями» или просто «собраться». По мнению А.А.Мельниковой, изначальное понятие совместного труда повлияло на наличие у глагола *собираться* компонента процессуальности («сйжу и собираюсь»), что отличает его от синонимов *намереваться*, *намерен* в русском языке и от эквивалентов в европейских языках. Однако если человек (народ) *собрался* что-то делать, то наверняка это действие будет выполнено [там же].

В английском языке к вербальным средствам выражения *намерения* с внутренним состоянием готовности можно отнести следующие конструкции: *to start out* + инфинитив — «собираться сделать что-либо; взяться за что-либо», *to get around* (или *round*) *to doing smth.* — «собраться сделать что-либо; собраться осуществить намерение», *to be up* + инфинитив — «собираться, намереваться что-либо сделать», *to be (feel) inclined* + инфинитив — «быть (чувствовать себя) расположенным, склонным к чему-нибудь», *to mean* + инфинитив — «намереваться», *to be all set* + инфинитив — «собираться», *to be set on* + герундий — «настраиваться, настроиться на что-либо». Следовательно, среди параметров внутреннего состояния физической или психологической подготовки, которые могут быть актуализированы перечисленными конструкциями, следует выделить расположенность, склонность, настрой на совершение действия, например:

As far as my own personal opinion goes, however, I am inclined to give weight to the popular island theory (К. J. Jerome. *Three Men in a Boat (To say nothing of the Dog)*). — *Что касается моего личного мнения, как бы то ни было, я склонен придать вес распространенной островной теории.*

Французский язык также располагает рядом средств выражения обозначенной ситуации: *entendre* + инфинитив — «желать, хотеть, намереваться, собираться сделать что-нибудь», «собираться, иметь намерение, замысел, желание»; *se proposer de* + инфинитив — «намереваться (предполагать, намечать)», «намечать, планировать»; *se disposer à* + инфинитив — «готовиться, собираться, намереваться сделать что-нибудь», *être disposé à* + инфинитив — «быть расположенным что-либо сделать». Исходя из этого, параметрами ситуации внутреннего состояния физической или психологической подготовки будут: желание, замысел, планирование, подготовка, а также расположенность к действию.

Как было нами отмечено ранее, лексическим показателем будущности действия могут выступать модальные глаголы. О. В. Белоног отмечает, что немецкие глаголы *müssen* и *sollen* могут обозначать объективную или субъективную необходимость

выполнения действия, которая переходит в правило или закон. Отмечается, в том числе, проявление оттенка «уверенности в событии, которое ожидается» [Белоног 2011: 12]. В этой связи отметим, что в русском языке ситуация намерения с оттенком внутреннего состояния психологической готовности субъекта к совершению действия также может выражаться с помощью глагола *должен*. Анализ словарных дефиниций глагола [Ефремова 2006; Ушаков 2010; Ожегов 2003] позволяет выделить следующие параметры: с одной стороны, долг, обязанность, с другой — вынужденность, необходимость. Следовательно, необходимо учитывать, что одни и те же языковые средства служат для выражения разных компонентов ситуации намерения. Заметим также, что неспециализированными средствами выражения значения вынужденности являются глаголы *приходиться*, *предстоять*, *остаться*. Стоит добавить, что к лексико-семантической группе неизбежности (важно уточнить, что здесь идет речь о принятии решения о вступлении в новую ситуацию) относятся также наречия *неизбежно*, *неминуемо*, *суждено*, которые используются реже. Обратимся к примерам:

Я не могу молчать! Я должен наконец говорить, высказать, что у меня накопело тут в сердце... (Ф.М.Достоевский. Белые ночи).

В этом случае акцентируется момент принятия решения субъектом как результат внутреннего состояния психологической готовности к действию. Следующие примеры иллюстрируют наличие объективно существующих обстоятельств, определяющих необходимость возникновения новой ситуации:

По-новому жить предстояло и господам, а они и по-старому-то не умели (И.А.Бунин. Суходол).

Вам придется встать, Семен Львович! (К.Паустовский. Дым Отечества).

Придется будить людей, бог знает, что еще могут подумать (К.Паустовский. Дождливый рассвет).

И опять содрогнулось сердце, — вспомнилось, как года три тому назад добрейший и беззаботнейший Аркадий Петрович хотел пороть этого Назарушку, пойманного на огороде с

хвостиком редьки и плакавшего среди дворни, окружившей его, еле живого от страха, и с хохотом кричавшей:

— Нет, дед, не калянься: видно, уж **придется** подгузники **скидывать!** Не минуешь! (И.А.Бунин. Суходол).

Значение необходимости действия связано с отражением ситуации, в которой «положение дел» сложилось независимо от воли и желания человека. В предложениях, передающих значение ситуативно-необходимой предопределенности, используются сочетания *предстоит* + инфинитив, *придется* + инфинитив.

В английском языке представлено несколько конструкций, которые могут выражать состояние физической или психологической готовности к осуществлению действия: *to be bound* + инфинитив — «обязанный, вынужденный, неперемный, обязательный, уверенный, решившийся на что-либо», *must do smth.* или *to have (got)* + инфинитив — «должен» [Гордон 1980: 96], *to be ought* + инфинитив — «быть вынужденным» [Гордон 1980: 100], *to be forced* + инфинитив — «быть вынужденным», *to be* + инфинитив — «должен, с оттенком предначертанности» [Колесов 2005: 492; Зеленецкий 2004: 160]. На основе этих данных в качестве параметров описываемой ситуации можно выделить следующие: долг, обязательность, уверенность, решимость. Остальные параметры относятся к характеристике внешних условий осуществления действия: вынужденность, предначертанность.

Проиллюстрируем случаи актуализации указанных параметров:

*I know I shall outrage the feelings of my friend Arthur, but I **am bound to confess** it would not surprise me to learn that he possessed powers by which he was able to do things seemingly miraculous* (W.S.Maugham. The Magician). — Понимаю, что рассержу этим моего друга Артура, но **вынужден констатировать**, что не слишком удивился бы, услышав, что Хаддо обладает способностью творить чудеса.

*I **am bound to acknowledge** that it was with a good deal of difficulty that he brought himself to adopt this last mode of protection* (O.Wilde. The Canterville Ghost). — **Должен**, однако, **заметить**,

что ему было совсем нелегко заставить себя прибегнуть к названному средству защиты от ржавчины.

One of us is bound to get a rope over its horns before long (O. Henry. Selected Stories. The Pimienta Pancake). — В конце концов, кто-нибудь из нас **непреренно накинёт** аркан ему на рога.

And then I told him that my scheme was to put the whole job through immediately and that we would get the ransom and be off with it by midnight if old Dorset fell in with our proposition (O. Henry. Selected Stories. The Ransom of Red Chief). — А затем я сказал ему, что мой план — **немедленно повернуть** все это дело и что мы получим выкуп и скроемся с ним к полуночи, если старина Дорсет согласится на наше предложение.

В последнем случае представлена ситуация запланированности, связанная с представлением определенного «положения дел» как заранее предусмотренного факта, при этом описываемые действия выступают «мостиком», непосредственно ведущим к неизбежному предстоящему событию. Добавим, что значимым элементом высказываний, передающих ситуацию запланированности, являются имена существительные или местоимения, обозначающие субъект действия (одушевленный исполнитель).

Конструкцией *to be* + инфинитив выражается необходимость совершения действия согласно предварительной договоренности (передается оттенок обязательства, но оно является результатом предыдущего соглашения):

You know very well that the plot requires that you be in front of the Alhambra Opera House at 11:30 where you are to rescue Miss Folliot a second time as the fire engine crashes into her cab (O. Henry. Selected Stories). — Вам очень хорошо известно, что в соответствии с авторским замыслом **вам сегодня надлежит появиться** перед зданием оперного театра «Альгамбра» ровно в одиннадцать часов тридцать минут, дабы вторично спасти жизнь мисс Фоллиотт, когда в ее кабриолет врежется пожарная машина.

С помощью конструкции *to be* + инфинитив передается идея необходимости выполнения, осуществления действия (согласно плану):

I suppose that I am to ring for my man, and that he is to enter noiselessly, with an expressionless countenance (O. Henry. Selected Stories). — *Насколько я понимаю, мне **следует позвонить** лакею, и он должен бесшумно войти с непроницаемым выражением лица.*

Исторически глаголы *should* и *ought* были двумя формами одного глагола и выражали значение обязанности. Но с развитием языка они стали обозначать различные значения, и в современном языке эти глаголы уже используются отдельно и рассматриваются как два разных глагола [Крылова 1999: 123]. Глагол *shall* может передавать необходимость совершения действия, обусловленную субъективным мнением говорящего:

I shall go and sit on his rock (J. Galsworthy. The First and the Last). — *Мне **следует пойти посидеть** на его скале.*

Глагол *ought* в сочетании с инфинитивом выражает моральный долг, желательность действия, относящегося к настоящему и ближайшему будущему времени:

I ought to do it at once (J. Galsworthy. The First and the Last). — *Я **вынужен сделать** это сразу.*

Глагол *must* может выражать предположение, обычно основанное на фактах и граничащее с уверенностью, а также моральную обязанность совершения действия субъектом, обусловленную объективными причинами:

I must go home and read these documents in quiet (R. Stevenson. The Strange Case of Dr. Jekyll and Mr. Hyde). — *Я **должен пойти** домой и прочесть эти документы в тиши.*

В этом случае значение объективной обусловленности выражается наличием данного «положения дел», которое предстает как закономерно вытекающее из сложившихся обстоятельств. В предложении подчеркивается отнесенность к ближайшему будущему — *пойти и прочитать документы*, связанному непосредственно с настоящим. С помощью глагола *must* говорящий выражает собственное мнение и сообщает о том,

что именно *он* считает необходимым совершить определенное действие.

Наряду с глаголом *must* употребляется глагол *to have got* с последующим инфинитивом с частицей *to*, например:

But we've got to fix up some plan about the ransom (O. Henry. Selected Stories. The Ransom of Red Chief). — *Но нам надо придумать какой-то план для получения выкупа.*

В данном случае имеет место актуализация проспективности с оттенком необходимости, обусловленной внешними обстоятельствами, предполагающими дальнейшее развитие событий.

Французский язык тоже обладает обширным спектром языковых средств, проявляющих модальное значение намерения совершения действия, среди них — модальные глаголы и конструкции с аспектуальным значением проспективности. Для выражения долженствования и вынужденности осуществления действия в ближайшем будущем используется *être à* + инфинитив — «долженствовать» [Мурясов 2001: 96], *être forcé de* + инфинитив — «быть вынужденным» [Опахина 2007: 144], *être tenu de* + инфинитив — «быть обязанным что-либо сделать», *devoir* + инфинитив/*être obligé de* + инфинитив — «быть должным (вынужденным)». Как и в русском и английском языках, во французском прослеживается противопоставление личных мотивов и вынужденных обстоятельств осуществления последующего действия.

Je suis obligée d'en référer immédiatement à votre grand-mère (H. Bazin. Vipère au poing). — *Я обязан немедленно доложить об этом вашей бабушке.*

Контекст отражает ситуацию скорее моральной обязанности, чем желания. В подобных случаях основной смысл высказывания сосредоточен на факте долженствования и вынужденности предстоящего действия, при этом акцент делается на то, что в данных обстоятельствах реализация ситуации не сопряжена с интересами субъекта, т.е. значение немотивированности может сочетаться с негативным отношением говорящего к сложившимся обстоятельствам, с внутренним несогласием с ситуацией, неприятием и возражением.

В следующем случае инфинитивная конструкция *être à faire* передает замысел «действовать без промедления», «не мешкать»:

Voilà. Je crois que c'est la seule chose à faire pour le moment (G.Simenon. La première enquête de Maigret). — Ну вот. Должно быть, это единственное, что **можно** пока **сделать**.

На первый взгляд, значение «желание» конструкцией *être à faire* не выражено. На самом деле оно имплицитно выражено контекстом: желание реализовать действие испытывает сам говорящий, которому принадлежит инициатива описываемого действия.

Добавим, что значение модальной «проекции в будущее» присуще и таким конструкциям, как *aller falloir* + инфинитив («предстоять»), *aller devoir* + инфинитив [Рянская 2002 б: 96]. Оттенок долженствования в контексте проспекции проявляется и в случае использования глагола *devoir*, например:

A propos de Mme Rezeau, je dois vous dire qu'elle n'allait pas mieux (H.Bazin. Vipère au poing). — По поводу госпожи Резо, я **должен** вам **сказать**, что она не выздоравливала.

Je dois même dire que l'idée vient de moi (H.Bazin. Vipère au poing). — Я также **должен** **сказать** то, что это моя идея.

— *Mais, puisque je vous parle des localités, nous dit monsieur Hermann, je dois vous dépeindre les dispositions intérieures de l'auberge; car, de la connaissance exacte des lieux, dépend l'intérêt de cette histoire* (O.Balzac. L'hôtel rouge). — Но раз я заговорил о месте действия, — заметил г-н Герман, — я **должен** **описать** расположение комнат в гостинице, — подробности эти необходимы, так как без них история моя не будет вполне понятна.

Значительный исследовательский интерес представляет широкое употребление конструкции *avoir à* + инфинитив смыслового глагола, имеющей модальное значение долженствования (долг — обязанность или обязательство) [MR 2006: 81], например: *J'ai à vous parler*. — Мне нужно поговорить с вами; *J'ai à vous remercier*. — Я должен вас поблагодарить. Далее приводим языковой материал, содержащий указанную конструкцию:

Maintenant, mon petit Maigret, j'ai une nouvelle à vous annoncer (G.Simenon. La première enquête de Maigret). — *А теперь, милый мой Мегрэ, я хочу сообщить вам одну новость.*

C'est alors que mon père toussota et se redressa sur sa chaise longue. — *J'ai une arrivée à vous annoncer, dit-il* (F.Sagan. Bonjour, tristesse). — *Именно тогда мой отец покашлял и распрямился в своем шезлонге.* — *Я должен вам сообщить о приезде гостя,* — *сказал он.*

Конструкция *ne + avoir + que + à + инфинитив* несет в себе оттенок вынужденности, т.е. неизбежности, безысходности ситуации:

Maintenant, je n'ai qu'à attendre (F.Sagan. Un certain sourire). — *Сейчас мне остается только ждать.*

Оттенок вынужденности реализуется в тех случаях, когда говорящий стремится подчеркнуть, что сложившаяся предопределенность не устраивает его, и он в ответ на эту предопределенность расценивает свои действия как вынужденные.

Таким образом, языковой материал, привлеченный к анализу аспектуальной ситуации *намерение совершить действие*, позволяет заключить, что выделенные ее составляющие в полной мере представлены в рассматриваемых языках. Вместе с тем наблюдаются отдельные различия в способах категоризации. Контекстуальный анализ позволил установить, что компонент *подготовка, стремление к последующей ситуации* содержит параметр «желание». Материал русского и французского языков позволяет зафиксировать признак «направленность в достижении чего-либо». При этом во французском языке преобладает признак «осознанное желание реализовать действие», а в английском языке — «интенсивность желания», кроме того, представление о желании может соотноситься с понятием «мечта». Компонент *(цели)направленность сознания, воли, чувства*, объединяющий общие параметры «ожидание», «намерение», «настрой», «надежда», имеет некоторые особенности: отдельные дефиниции англоязычных словарей содержат указание на оттенок «ожидания как предвкушения». *Планирование совершения действия* представлено в русскоязычном материале параметрами «предполагать», «затевать», в употреблении из французского

языка содержится информация о наличии элементов «обдумывания» и «воображения». Англоязычные источники указывают на существование признака «неожиданности желания, решения совершить действие». Примером специфики репрезентации процесса, согласно полученным данным, является ситуация *внутреннее состояние физической или психологической готовности к совершению действия*. В русском языке «собираться» предполагает «сосредоточение мыслей, сил, памяти», в английском — «чувствовать себя расположенным», в первую очередь, психологически, во французском — «настойчивость», «долг, обязательство», обусловленные личным мотивом или внешними обстоятельствами.

2.2. Ситуация готовности к совершению действия

Одним из компонентов проспективного значения, представленного в русском, английском и французском языках, является «готовность» к осуществлению действия или вступлению в определенную ситуацию. Основу аспектуальной ситуации готовности к вступлению в действие составляют следующие компоненты.

КАС — согласие сделать что-нибудь, желание содействовать чему-либо

Данная понятийная ситуация предполагает, по нашему мнению, личную мотивацию, добровольную расположенность, согласие или внутреннее желание субъекта к вступлению в действие или же новую ситуацию, например:

*Я сейчас **готов идти**, куда ты велишь, **делать**, что хочешь* (И.А.Гончаров. Обломов).

*А теперь сделайте это для меня; исполните мою просьбу, ради бога. — Я вам во всем **готов повиноваться**, Лизавета Михайловна; но неужели мы так должны расстаться: неужели вы мне не скажете ни одного слова?* (И.С.Тургенев. Дворянское гнездо).

В английском языке подобная ситуация может быть выражена при помощи конструкции *to be ready* + инфинитив.

Функционально-семантический потенциал конструкции позволяет актуализировать следующие смысловые оттенки: «готовность», «согласие», «склонность», а также «подготовленность к немедленному действию», например:

Laura adored him, and he was ready to kiss her shoe-strings (O.Wilde. The Model Millionaire). — *Лаура питала нежные чувства к Хьюи, а он был согласен ради нее целовать шнурки ее туфель.*

What good friends you have — they're always ready to help you out. — *Какие хорошие у вас друзья — они всегда готовы помочь вам* [CID 2001: 1179].

Отенок желания содействовать чему-нибудь может также выражаться с помощью конструкции *to determine* + инфинитив — «решать, решаться; направлять внимание», «определять линию поведения» [БАРС 1998: 268]. Так, например:

She was determined to be independent and keep her children (D.H.Lawrence. Lady Chatterley's Lover). — *Она была полна решимости быть независимой и содержать своих детей.*

Во французском языке готовность к осуществлению действия с оттенком «склонный, согласный» совершить действие выражается прежде всего при помощи конструкций *être prêt à* + инфинитив — «быть готовым»; *être disposé à* + инфинитив — «быть расположенным, подготовленным, настроенным что-либо делать»; *se préparer à* + инфинитив — «подготовиться к чему-нибудь», «сделать все для выполнения» [MR 2006: 845; БРФС 2002: 339]. Анализ литературных источников показал, что наиболее продуктивной является конструкция *être prêt à* + инфинитив, употреблений других конструкций не выявлено. Можно предположить, что разнообразие оттенков готовности передается прежде всего инфинитивной конструкцией с *être prêt à*. Извлеченный языковой материал иллюстрирует высказанное утверждение.

Одной из ситуаций, выражаемой рассматриваемой конструкцией, является «быть готовым, подготовленным, близким к тому, чтобы что-либо сделать», например:

Quant aux raisons que l'abbé fait valoir, je suis prête à m'y ranger... (A.Gide. Isabelle). — *Что касается доводов, на которые указывает аббат, я готова их принять.*

При помощи конструкции *être prêt à* + инфинитив — «быть готовым сделать что-либо» также возможна реализация ситуации готовности к вступлению в действие с оттенком желания содействовать чему-либо, например:

J'étais plein d'indulgence pour sa vie, plein d'admiration pour sa beauté. Cette preuve de désintéressement qu'elle donnait en n'acceptant pas un homme jeune, élégant et riche, tout prêt à se ruiner pour elle, excusait à mes yeux toutes ses fautes passées (A.Dumas-fils. La Dame aux Camellias). — *Я был полон снисходительности к ее образу жизни, я был полон восторга перед ее красотой. То бескорыстие, с которым она относилась к молодому человеку, изящному и богатому, готовому разориться для нее, извиняло в моих глазах все ее бывшие ошибки.*

Как и в случае с русским и английским языками, готовность может являться результатом или следствием длительного или кратковременного процесса. При этом сложившиеся внешние условия определяют возможность возникновения новой ситуации, например:

...on sent l'eau filtrer partout, prête à se montrer à la moindre dépression du sol (A.Daudet. Lettres de Mon Moulin). — *...чувствуется, как вода просачивается повсюду, готовая показаться при малейшем проседании почвы.*

Содержание представленного ниже контекста соответствует ситуации, при которой готовность определяется как результат формирования определенного мировоззрения в течение целого этапа человеческой жизни:

Mon respect s'accrut pour ce saint homme dont le dévouement ne trouvait pas de récompense: je fus préparé de bonne heure à traiter le professorat comme un sacerdoce et la littérature comme une passion. Je fus préparé de bonne heure à traiter le professorat comme un sacerdoce et la littérature comme une passion (J.-P.Sartre. Les Mots). — *Но мое уважение к этому праведнику, который не получал награды за свою самоотверженность, возросло: с ранних лет я был подготовлен к*

тому, чтобы видеть в педагогической деятельности священнодействие, а в литературной — подвижничество.

КАС — установка, принятие решения, направленного на выполнение того или иного действия

К данной понятийной ситуации относится проспективное действие с оттенком готовности субъекта вступить в действие, характеризующееся целенаправленным устремлением, внутренней установкой на исполнение, реализацию того или иного действия. Сюда можно также отнести ситуацию готовности принятия решения, обусловленного наличием определенных, уже сложившихся к этому времени обстоятельств и условий, способствующих осуществлению действия, состоянием такого положения дел или благоприятного стечения обстоятельств, когда все подготовлено к наступлению новой ситуации. Следует отметить, что решение может быть результатом обдумывания, иногда длительного, либо принятым в короткий срок или спонтанным, в зависимости от внутренних или внешних условий.

Предлагаем варианты подобного употребления:

(1) *Вермель, узнав об этом, тотчас **решил ехать** вместе с ними* (К.Паустовский. Дым Отечества).

(2) *Когда Катюша узнала это, она **решила пойти** на станцию, чтобы увидеть его* (Л.Н.Толстой. Воскресение).

(3) *Черные лохмотья слева уже поднимались кверху, и одно из них, грубое, неуклюжее, похожее на лапу с пальцами, тянулось к луне. Егорушка **решил закрыть** крепко глаза, не обращать внимания и ждать, когда все кончится. Дождь почему-то долго не начинался* (А.П.Чехов. Степь).

(4) *Теперь же он **решил, что**, хотя ему предстоит поездка в Сибирь и сложное и трудное отношение с миром острогов, для которого необходимы деньги, он все-таки не может оставить дело в прежнем положении, а **должен**, в ущерб себе, **изменить** его* (Л.Н.Толстой. Воскресение).

(5) *Он усладал ее, наконец, и после долгих колебаний **решился отпривиться** к Калитиным* (И.С.Тургенев. Дворянское гнездо).

(6) *Он в последние дни мучился думами: продавать ли барана? Баран стар, но продавать его не след, не время. Продавать нужно было бы хлеб. Осень погожая, урожай отличный, одна кладушка уже обмолочена, — только бы насыпать да в город. Но цены на рожь, на овес стоят страшно низкие. Ни зерна нельзя продавать, как ни торопи нужда... Продумав неделю, Авдей решил расстаться лучше с бараном* (И.А.Бунин. Забота).

(7) *Он решил покончить это дело сейчас же, в этот свой приезд. Собрать и продать посеянный хлеб, распродать инвентарь и ненужные постройки — все это должен был сделать управляющий уже после него* (Л.Н.Толстой. Воскресение).

Во фрагментах (1) и (2) представлена ситуация готовности как принятие спонтанного решения. Примеры (3) и (4) иллюстрируют готовность как решение, принятое в данный момент в соответствии со сложившимися внешними обстоятельствами. В остальных случаях контекст позволяет нам заключить, что принятие решения, направленного на выполнение действия, является результатом определенных размышлений или продуманного выбора линии поведения.

В английском языке рассматриваемая аспектуальная ситуация *готовности* реализуется прежде всего при помощи таких конструкций, как: *to be set* + инфинитив — «быть готовым что-либо сделать», например: *We are set to go.* — *Мы уже готовы идти*; *to be set on* + герундий — «твердо решить сделать что-либо», например: *She was set on going on the stage.* — *Она твердо решила пойти на сцену*; *to set oneself* + инфинитив — «энергично взяться за что-либо; твердо решить сделать что-либо» [НБАРС 2000: 205], а также *to determine* + инфинитив — «решать(ся), определять линию поведения» [БАРС 1998: 268]. Анализ дефиниций позволяет предположить, что при помощи перечисленных конструкций актуализируются такие параметры, как уверенность в принятии решения и продуманность осуществления действия. Обратимся к примерам:

After three weeks had elapsed, I determined to make a strong appeal to Erskine to do justice to the memory of Cyril Graham, and to give to the world his marvellous interpretation of the Sonnets — the

only interpretation that thoroughly explained the problem (O.Wilde. Lord Arthur Savile's Crime and Other Stories. The Portrait of Mr. W.H.). — По прошествии трех недель я **решил обратиться** к Эрскину с самым настойчивым призывом отдать дань памяти Сирила Грэхэма и сообщить миру о его блестящем толковании сонетов — единственном толковании, всецело объясняющем их загадку.

*He accordingly looked again over the list of his friends and relatives, and, after careful consideration, **determined to blow up his uncle, the Dean of Chichester*** (O.Wilde. Lord Arthur Savile's Crime). — Он опять взял список знакомых и родственников и, подумав, **решил взорвать** своего дядю, декана Чичестера.

*In fact, the more he thought over the matter, the more she seemed to him to be just the right person, and, feeling that any delay would be unfair to Sybil, he **determined to make his arrangements at once*** (O.Wilde. Lord Arthur Savile's Crime). — Чем больше он думал, тем яснее ему становилось, что леди Клем — идеальный выбор. Понимая, что всякое промедление будет несправедливо по отношению к Сибил, он **решил сейчас же заняться** приготовлениями.

*As I had said some very unjust and bitter things to Erskine in my letter, I **determined to go and see him at once, and to make my apologies to him for my behavior*** (O.Wilde. Lord Arthur Savile's Crime and Other Stories. The Portrait of Mr. W.H.). — Поскольку в своем письме я наговорил Эрскину много несправедливого и обидного, я **решил немедленно с ним повидаться и принести** извинения за свое поведение.

Языковой материал наглядно иллюстрирует ситуацию подготовленного принятия осмысленного решения.

Среди других средств выражения рассматриваемой ситуации отметим использование прилагательного *set*: *The stage looks **set for a repeat of last year's final*** [CID 2001: 1299]. — Сцена выглядит готовой для повтора прошлогоднего финала; а также существительного *readiness* в сочетании с инфинитивом или с предлогом *for* (*readiness for something*): *The company has declared its **readiness to fight a challenge in the court*** [CID 2001: 1179]. —

Компания объявила свою готовность бороться с претензией в суде.

Готовность как принятие решения выражается во французском языке при помощи конструкций *décider de* + инфинитив; *résoudre de* + инфинитив; *prendre le parti de* + инфинитив; *être résolu à (de)* + инфинитив, например:

...*sa mère **décida de donner un dîner et d'y inviter Paule*** (F.Sagan. Aimez-vous Brahms?). — ...его мать **решила устроить ужин и пригласить** Поль.

*On **résolut donc de s'opposer à cette expédition sacrilège*** (J.Verne. Cinq semaines en ballon). — Тогда **было решено противодействовать** этой кощунственной экспедиции.

Ситуация *решиться* с оттенком «пойти на что-либо» выражается при помощи конструкций: *se décider à* + инфинитив, *prendre le parti de* + инфинитив, *se résoudre à* + инфинитив [MR 2006: 739], например:

*L'enfant n'avait jamais pu **se décider à m'appeler par mon nom de famille*** (A.Gide. Isabelle). — Ребенок так и не смог **решиться называть** меня по фамилии.

КАС — психологическая настроенность (готовность)

Данный компонент, входящий в состав понятийной ситуации «готовность к вступлению в новую ситуацию», указывает на психологический настрой субъекта на выполнение какого-либо действия в ближайшем будущем и может быть реализован в русском языке при помощи конструкции *готов(а)* + инфинитив:

*Подумайте: вы стары; жить вам уж недолго, — я **готов взять** грех ваш на свою душу* (А.С.Пушкин. Пиковая дама).

*Мы **готовы жертвовать** жизнью на войне, и потому такая беззаботная, веселая жизнь не только простительна, но и необходима для нас* (Л.Н.Толстой. Воскресение).

*Как мужчины странны! За одно слово, о котором через неделю верно б они позабыли, они **готовы резаться и жертвовать** не только жизнью, но и совестью, и благополучием тех, которые...* (А.С.Пушкин. Капитанская дочка).

В английском языке данную аспектуальную ситуацию выражают конструкции *to decide* + инфинитив; *to be determined* +

инфинитив; *to determine* + инфинитив или *to determine that*. Сравнение словарных дефиниций и использование перекрестных ссылок позволило установить, что перечисленные языковые средства способны к репрезентации таких параметров, как «принятие решения», «решение как уверенность в том, что собираются сделать», «продуманность», «планирование». Реализация подобных оттенков иллюстрируется следующими примерами:

I had decided that, on the way up country to Bafut, we would make a ten-day stop at a town called Mamfe (G.A.Durrell. Zoo in My Luggage). — Я **решил, что** по дороге из страны в Бэфут мы **сделаем** десятидневную остановку в городе под названием Мэмф.

But in the coil of her confusion, she was determined to deliver her message to the fellow (D.H.Lawrence. Lady Chatterley's Lover). — В замешательстве она **решила передать** свое послание парню.

It's a story about a man who leaves jail and determines to reform [CID 2001: 376]. — Эта история о человеке, который живет в заключении и **решил исправить**ся.

At the age of ten she sat in the darkened theatre and determined that one day she would act on its stage [CID 2001: 376]. — Когда ей было десять лет, сидя в полумраке театра, она **решила, что** однажды **будет выступать** на этой сцене.

В лексикографических источниках отмечены также конструкции, которые дают образное представление о назревшей ситуации: *to be ripe* + инфинитив или *to be ripe for* + герундий и *to be primed* + инфинитив; *to be primed for* + герундий, например:

I am primed for telling the truth (O.Henry. Art and the Bronco). — Я **готов рассказать** правду.

At length he thought the time was ripe for the final step (W.S.Maugham. The Magician). — Через некоторое время Хаддо **решил, что наступил момент для окончательного шага**.

Как следует из представленных фрагментов, «готовность» к совершению действия означает, что «ситуация назрела», «настало время к действию или вступлению в новую ситуацию».

Во французском языке специальных средств выражения перспективной ситуации готовности с оттенком психологической

настроенности не обнаружено, подобные оттенки передает конструкция *être prêt à* + инфинитив — «быть готовым», например:

Il était prêt à lui pardonner, à s'aveugler, si elle daignait mentir (E.Zola. Au Bonheur des Dames). — Он **готов был простить** ее, **закрывать** глаза на ее ложь, если она к ней снизойдет.

Ситуация готовности как результат выбора («подумав, остановиться на каком-либо намерении, решении») отражена в следующем контексте:

Je m'entêtais encore à ne pas voir en elle une fille semblable aux autres, et avec la vanité si commune à tous les hommes, j'étais prêt à croire qu'elle partageait invinciblement pour moi l'attraction que j'avais pour elle (A.Dumas-fils. La Dame aux Camellias). — Я никак не мог в ней видеть такую же содержанку, как и все прочие, и с тщеславием, свойственным всем мужчинам, **был склонен думать**, что она вполне разделяла мое чувство к ней.

Конструкция может отражать психологическое состояние героя, находящегося в ситуации принятия решения:

...il s'était dit qu'il devait être adulte et réellement prêt à prendre le risque de l'ouvrir pour comprendre (M.Levy. Et si c'était vrai...). — Он сказал себе, что должен быть взрослым и **готовым рискнуть** открыть его, чтобы понять.

КАС — физическая подготовленность

Физическое состояние как причина готовности к действию иллюстрируется следующими примерами:

*Пальцы его еще быстрее стали перебрасывать страницы книг. Порою он так широко открывал свои большие серые глаза, как будто ему было невыносимо больно и он **готов крикнуть** громким криком бессильной злобы на эту боль* (М.Горький. Мать).

*Все они, необыкновенно злые, с мохнатыми паучьими мордами и с красными от злобы глазами, окружили бричку и, ревниво толкая друг друга, подняли хриплый рев. Они ненавидели страстно и, кажется, **готовы были изорвать** в клочья и лошадей, и бричку, и людей...* (А.П.Чехов. Степь).

В английском языке указанная аспектуальная ситуация может выражаться посредством таких конструкций, как: *to prepare* +

инфинитив — «готовиться, приготавливаться, подготавливаться», *to be primed* + инфинитив / *to be prepared* + инфинитив — «быть готовым», а также прилагательного *ready* — «готовый». Контекст может отражать ситуацию физической готовности, означающей способность организма:

The body's immune system has cells that are primed to attack 'foreign' diseased cells (CID 2001: 1226). — *Иммунная система организма обладает клетками, способными (готовыми) бороться с инородными инфицированными клетками.*

Во французском языке рассматриваемая аспектуальная ситуация может быть выражена глаголами *préparer* — «подготовить, готовить» или *se préparer à qch.* — «подготовиться к чему-либо», например: *Se préparer au déménagement.* — *Подготовиться к переезду.*

КАС — эмоциональное состояние готовности

В некоторых случаях возникновение готовности к смене ситуации означает результат эмоционального состояния субъекта. Приведем следующие примеры, иллюстрирующие готовность субъекта к вступлению в новую ситуацию, продиктованную эмоциональными переживаниями.

— *Ужли ж присудили?* — *спросила Федосья, с сострадательной нежностью глядя на Маслову своими детскими ясно-голубыми глазами, и все веселое молодое лицо ее изменилось, точно она готова была заплакать* (Л.Н.Толстой. Воскресение).

Егор, глядя в гроб, крестился размашисто и часто. Он играл ту роль, что полагалась ему у гроба матери. Он моргал, будто готовый заплакать, кланялся, низко наклоняя капающую свечку, крепко зажатую в его култышке (И.А.Бунин. Веселый двор).

Конструкция из английского языка демонстрирует эмоциональную реакцию на определенную ситуацию — предположение, что кто-то обижает ребенка:

But her quick ear caught another sound, and she roused; it was a child sobbing. At once she attended; someone was ill-treating a child. She strode swinging down the wet drive, her sullen resentment uppermost. She felt just prepared to make a scene (D.Lawrens.

Lady's Chutterley's Lover). — Но чуткое ухо поймало и другой звук — Конни насторожилась — плакал ребенок. Она вслушалась: кто-то обижает малыша. Еще большие исполнившись мрачной злобой, она решительно зашагала вниз по скользкой тропе. Она **чувствовала, что готова устроить сцену.**

Ниже описана ситуация, в которой решение является следствием пережитых эмоций:

*His feeling of terror had passed away, and curiosity had taken its place. He was **determined to find out** Basil Hallward's mystery* (O.Wilde. The Picture of Dorian Gray). — Страх его прошел и сменился любопытством. Он **твердо решил узнать тайну Бэйзила Холлуорда.**

Подобные употребления обнаруживаются и во французском языке:

*Je fus alors jaloux de ma mère et je **résolus de lui prendre son rôle*** (J.-P.Sartre. Les Mots). — Я проникся завистью к матери и **решил отбить** у нее роль.

*Trois jours après, le soir, à son retour du Havre, il trouva chez lui sa garde-robe complète; et, impatient de s'en servir, il **résolus de faire à l'instant même une visite aux Dambreuse*** (G.Flaubert. L'éducation sentimentale). — Через три дня, вечером, вернувшись из Гавра, он обнаружил у себя полный комплект одежды; и, сгорая от нетерпения им воспользоваться, **решил тотчас нанести визит** Дамбрезам.

Таким образом, анализ языковых репрезентаций позволяет сделать вывод о том, что рассмотренная аспектуальная ситуация *готовности к совершению действия* имеет набор универсальных параметров, за исключением признаков, выявленных на материале английского языка, а именно: готовность как «склонность», «решимость охотно, без проблем, добровольно осуществить действие» и как результат «созревания» ситуации. Оттенок «добровольности» в выражении «готовности» обнаруживается и в русском языке.

Сравнение компонентов аспектуальных ситуаций «намерение совершения действия» и «готовность совершения действия» (табл. 1) позволяет прийти к некоторым выводам. С одной стороны, наблюдается пересечение отдельных смысловых составляющих,

таких как: стадия готовности, мобилизация сознания (решимость и установка на выполнение действия), эмоционально-чувственной сферы (воли и желания), физические и психологические условия реализации действия. С другой стороны, очевидно, что это две последовательные фазы проспективности. Первая фаза является стадией подготовки, зарождения замысла, поэтому присутствует такой компонент, как «цель». В намерении совершить действие психофизическое состояние — это состояние внутренней готовности, в то время как последующая фаза предполагает подготовленность. Второй этап «совершаемости» отражает ситуацию, при которой все сделано, все готово для осуществления действия, так, если в намерении присутствует решимость к действию, то стадия готовности предусматривает наличие установки на его выполнение.

В целом рассматриваемые фазы можно характеризовать как «модализированное будущее» и достоверное, помещающие футуральное событие в смежные плоскости гипотетического и реального прогноза [Никulichева 2010: 307—308].

Таблица 1

Компоненты аспектуальных ситуаций намерения совершения действия и готовности совершения действия

Намерение	Готовность
подготовка к последующей ситуации	готовность к последующей ситуации
цель	согласие сделать что-нибудь
направленность сознания, воли, чувства	желание содействовать чему-нибудь
предположение сделать что-либо	психологическая настроенность на что-либо
желание	желание угодить, услужливость
замысел	состояние, при котором все сделано, все готово для чего-нибудь
решимость	установка, направленная на выполнение того или иного действия
внутреннее состояние физической готовности	физическая подготовленность
внутреннее состояние психологической готовности	психологическая готовность

2.3. Ситуация движения к совершению действия

Принятая нами траектория перспективности включает этап, отражающий пространственно-временной образ ближайшего будущего в виде приближения к смене ситуации. Известно, что подобные образы формируются в результате перцептивно-телесного опыта [Хайдеггер 1993: 401]. Результатом является проекция в будущее через метафорические образы «движения» и пространственно-временные ориентиры.

Глаголы движения не раз выступали в качестве объекта изучения в лингвистике, в том числе в связи с исследованием способов выражения будущего времени [Майсак 2000; 2002; Emanatian 1992; Fleischman 1982; Vybee 1994]. При помощи глаголов движения в языках отражается первичное восприятие перспективного действия [Майсак, Мерданова 2003: 89]. В семантико-грамматической природе глагола заложена способность обозначать отношение действия к дистанцированности пространственно-временной позиции говорящего. В связи с этим события предстают то как актуальные действия, то как вневременные [Макаровская 2009: 13].

Широкий диапазон глаголов движения, в первую очередь в русском языке, позволяет выразить разнообразные оттенки характера направленности на осуществление действия, конкретизируя способ передвижения, о чем свидетельствует языковой материал: рус. *Пойду прилягу, а вы мне пришлите липового чаю* (И.С.Тургенев. *Отцы и дети*); — *Барышня приказали спросить, куда вы уехали? А вы и не уехали, дома!* *Побегу сказать*, — говорила она и побежала было (И.А.Гончаров. *Обломов*); англ. *I came to say goodbye*, — *I said*. (O.Wilde. *The Model Millionaire*). — *Я приехал проститься*, — сказал я; фр. *N'en faites rien, Monsieur l'abbé; c'est moi qui monterai les chercher* (A.Gide. *Isabelle*). — *Ничего не предпринимайте, господин аббат, я сам поднимусь поискать их*. Использование гиперонимических обозначений при употреблении глаголов движения также характерно для рассматриваемых языков, например: рус. *Нуте-с, господа, не буду вас больше обременять своим присутствием*.

Благодарствуйте за хлеб, за соль, а я лично отправляюсь на боковую (В.Катаев. Хуторок в степи); англ. *I am setting out to find them* (E.S.Gardner. The Case of the Perjured Parrot). — *Я отправляюсь на их поиски*; фр. *Papa va travailler, maman range la maison, berce bébé et elle prepare un bon repas* (A.Ernaux. La femme gelée). — *Папа отправляется на работу, мама делает уборку, качивает ребенка и готовит вкусный обед.*

В западнороманских языках сочетания инфинитива с глаголом в значении «идти» имеют инхоативное значение, однако в отношении некоторых языков говорится об особой временной форме [Зеленецкий 2004: 141]. Так, предстоящее действие, выражаемое конструкциями с глаголами движения, получило статус временной формы ближайшего будущего, т.е. эту форму относят к категории времени, как, например, во французском языке *aller* + инфинитив, в английском *to be going* + инфинитив. Вслед за учеными, считающими правомерным отнести значение ближайшего будущего к аспектуальным характеристикам, мы относим данную конструкцию к отражающим определенный этап развития события и включаем выражаемую ею понятийную ситуацию в проспективность.

Анализ практического материала позволил выделить три вида компонентов аспектуальной ситуации «движение к вступлению в действие»: движение как направленность на осуществление действия, нахождение на пути к некоторой ситуации и приближение к осуществлению действия. Рассмотрим каждый из обозначенных компонентов последовательно.

КАС — направленность на осуществление действия

Согласно словарным данным, оттенок направленности содержится в семантике глаголов *направиться, устремиться, поехать, отправиться, пойти, побежать, помчаться*. В толковых словарях под редакцией С.И.Ожегова, Н.Ю.Шведовой и Д.Н.Ушакова *направиться* означает «пойти куда-нибудь, двинуться по направлению к кому-нибудь или чему-нибудь» [Ожегов 2003; Ушаков 2010]. Контекстуальный анализ позволяет включить в указанный список и другие глаголы движения, прежде всего, *выходить, выезжать*.

В сочетании с инфинитивом глаголы движения передают ситуацию направленности субъекта на выполнение определенного действия, например:

*Глянул Мишка на запыленные веселые лица красноармейцев, на музыкантов, важно надувших щеки, и сразу, как отрубил, решил: **Пойду воевать** с ними!* (М.Шолохов. Нахаленок).

— *Вы позволите мне отлучиться на десять минут? Я от вас не скрою, что **пойду говорить** по телефону с княгиней Верой Николаевной* (А.И.Куприн. Гранатовый браслет).

*Вдруг баба вкатилась в опочивальню: Приехал!.. Да прямо у царевнина крыльца вылез... **Побегу, узнаю**... У Евдокии сразу опустела голова — почувствовала недоброе* (А.Н.Толстой. Петр Первый).

Инфинитив в конструкциях, передающих целенаправленное движение, может иметь форму и совершенного, и несовершенного вида.

Необходимо отметить, что глаголы движения в русском языке также участвуют и в образовании конструкций с начинательным значением, которым не свойственно выражение проспективности:

*Увидя его, они **бросились** было **бежать*** (А.Пушкин. Дубровский).

*И тут Люся наконец **бросилась** **бежать*** (В.Распутин. Последний срок).

В английском языке ситуация движения к совершению действия передается с помощью конструкции *to be going* + инфинитив — «собираться, намереваться» (буквально «идет делать»), выражающей значение ближайшего будущего, или проспектива [Майсак 2000: 11, 20; Майсак 2002: 6; Мюллер 2010: 339; Зеленецкий 2004: 10; Гордон 1980: 53—55; Штернеманн 1989: 145—146; Вейхман 2001: 42—43]: *They're going to make an early start* [CID 2001: 1414]. — *Они собираются сделать ранний старт*. Как отмечает Т.А.Майсак, сочетание лексемы *go* в форме актуально-длительного настоящего времени и инфинитива, указывающего на цель, представляет собой не просто конструкцию развития действия «идти — будущее время», а «идти — настоящее время + к + целевая форма глагола = форма проспектива/будущего времени» [Майсак 2002: 6]. К.Бруннер

пишет, что описательные формы для выражения ближайшего будущего развились не из начинательного, а из усилительного значения, которое формулировалось на основе выражения заинтересованности говорящего в действии, в том числе будущего [Бруннер 2008: 351—352]. С этим значением связано также использование сочетания *I am going* + инфинитив («я собираюсь»), которое стало употребительным, начиная с XVII в. (хотя зафиксировано в словаре в XV в.) [Бруннер 2008: 286], например:

— *Mr. Podgers, I must insist on your giving me a straightforward answer to a question I am going to put to you* (O.Wilde. Lord Arthur Savile's Crime). — *Мистер Поджерс, я должен настоять на том, чтобы вы дали мне прямой ответ на один вопрос, который я собираюсь вам задать.*

He had found it at last. He was going to rip up the canvas (O.Wilde. The Picture of Dorian Gray). — *Он собирался разорвать холст.*

Согласно словарным данным, ситуация направленности на осуществление действия может быть выражена при участии существительного *go* — «ходьба, движение»: *to be on the go* — «собираться уходить» [Мюллер 2010: 338]. В анализируемых источниках случаи употребления данной конструкции отсутствуют.

Ряд других глаголов и конструкций с глаголами движения также обнаруживают способность обозначать рассматриваемую понятийную ситуацию: *to start out* + инфинитив — «собираться сделать что-либо» с пометой «разговорный стиль» [Мюллер 2010: 734], *to make a move* + инфинитив — «отправляться сделать что-либо, предпринимать что-либо», *to move off (on)* + инфинитив — «отправляться, отъезжать, отходить; направляться», *to move towards* + герундий — «идти в направлении чего-либо; двигаться к чему-либо или кому-либо», например:

More and more people are moving towards buying products that don't harm the environment [CID 2001: 925]. — *Все больше людей стремятся к покупке продуктов, которые не вредят окружающей среде.*

The Major was moved to declare to Miss Lydia one day that young Hargraves possessed remarkable perception and a gratifying respect for the old regime (O. Henry. The Duplicity of Hargreaves). — Однажды Мэр **отправился заявить** мисс Лидии, что молодому Харгрейвсу было присуще замечательное восприятие и должное уважение к старому режиму.

Сравнение приведенных словоупотреблений указывает на то, что движение как направленность предполагает реализацию параметров «стремление» и «цель». Сочетание *to move towards smth.* используется в значении «сближаться во мнении, во взглядах; близиться к пониманию, согласию»: *The talks seem to be moving towards agreement* [АФГАРС 2000: 426]. — Переговоры, похоже, приближаются к соглашению. В этом случае проявляется способность глагола выражать разные фазы действия, т.е. иллюстрируется параметр «приближение к новой ситуации».

Ситуация движения к совершению действия в английском языке, по нашим наблюдениям, может также выражаться с помощью таких конструкций, как: *to set out* + инфинитив — «отправляться, намереваться, собираться что-либо делать», *to set out (off)* + инфинитив — «отправиться»; *to set forward* + инфинитив — «отправляться; идти, двигаться вперед», так, например: *to set out to write a history of civilization.* — Намереваться писать историю цивилизации [НБАРС 2000: 207]. В следующем случае подчеркивается намеренность, устремленность субъекта к вступлению в новую ситуацию:

I am setting out to find them (E.S.Gardner. The Case of the Perjured Parrot). — Я **отправляюсь на их поиски**.

Считаем уместным обратить внимание на тот факт, что в выражении перспективности в других языках могут участвовать и глаголы позиции. Так, Т.А.Майсак отмечает, что такое значение может приобретать конструкция с глаголом *стоять*: иврит. *ani omed lalexet* — «я собираюсь пойти» (буквальный перевод «стою пойти»), кумыкск. *Ол гетме тура* — «он вот-вот уйдет» (буквальный перевод «стоит уходить») [Майсак 2002: 16].

Во французском языке ситуация движения с оттенком направленности к совершению действия также нашла отражение.

В случаях с использованием глаголов движения прослеживаются параллели с выражением направленного действия «пойти сделать», «отправиться на боковую» и т.п., например: *Courir à sa perte. — Идти на гибель* [MR 1996: 240]; *Voler au secours. — Мчаться на помощь* [MR 2006: 984]; *partir* + инфинитив — «отправиться что-либо делать» [MR 2006: 761].

Основной конструкцией для обозначения проспективного действия как движения к новой ситуации является *aller* + инфинитив, о чем свидетельствует ряд исследований [Гордон 1980; Штернеманн 1989; Ипатова 2003; Зеленецкий 2004; Опахина 2007]. Как уже отмечалось ранее, данная конструкция, выражающая действие, которое совершится в ближайшем будущем, эквивалентна по значению и по структуре конструкции английского языка *to be going* + инфинитив и обе конструкции способны передавать временное (неопределенное будущее) значение и аспектуальные характеристики. Направленность на осуществление действия соответствует ситуации «собираться, намереваться», что позволяет говорить о сближении рассматриваемой ситуации с параметрами аспектуальной ситуации намерения.

В следующих фрагментах из французской литературы отчетливо прослеживается оттенок направленности действия на совершаемость в ближайшем будущем:

Il est bientôt une heure du matin, et je vais me pointer à l'hôpital, à l'autre bout de la ville... (M.Levy. Et si c'était vrai...). — *Скоро час ночи, и я еду отметить в больницу, на другой конец города...*

Il allait entrer chez Arsène, vider ses poches jusqu'à la dernière pièce, et lui dire: Maintenant, aimez-moi (A.Dumas. Femme aux collier de velours). — *Он намеревался войти к Арсен, опустошить свои карманы до последней монеты и сказать ей: А теперь любите меня.*

...on a trouvé un appartement, au début je vais continuer à travailler, pour se meubler (A.Ernaux. La femme gelée). — *...я нашла квартиру и для начала собираюсь продолжить работать, чтобы обзавестись мебелью.*

При употреблении глагола *aller* в форме будущего времени мы можем говорить об эквивалентности конструкции сочетанию *идти* + инфинитив в русском языке:

J'irai la retrouver (G.Simenon. La Première enquête de Maigret). — *Я пойду ее поищу*.

КАС — нахождение на пути к совершению действия

Ситуация «нахождение на пути к совершению действия» актуализируется в языке при помощи таких глаголов, как *ехать*, *идти*, *бежать*, но главным образом — при использовании выражения «быть на пути к чему-либо».

В толковом словаре русского языка выражение *быть на пути к чему-нибудь* (с пометкой «книжное употребление») означает «приблизиться к чему-нибудь», например: *Быть на пути к общему признанию* [Ушаков 2009]; *Быть на пути к истине* [Ожегов 2003].

Контекстуальный анализ указывает на то, что глаголы движения в описываемой ситуации должны иметь форму несовершенного вида, например:

— *Куда ты? — говорили они, толкая женщину в чухонском платье, — не до тебя теперь! Видишь, теперь боярин едет жениться* (В.Ф.Одоевский. Саламандра).

В английском языке эквивалентом выступает конструкция *to be on the way to smth.* (или *to be on the way* + герундий) — «быть на пути к чему-либо» [РА-АРС 2002: 395], «быть на подходе» [НБАРС 2000: 697], например: *She is on the way to success.* — *Она на пути к успеху* [НБАРС 2000: 697]; *He's on the way to becoming the most highly paid man in the company.* — *Ему предстоит стать самым высокооплачиваемым лицом в компании* [НБАРС 2000: 697]; *I'm (well) on the way to completing the report.* — *Я скоро закончу доклад* [CID 2001: 1645]. Приближение какого-либо события может передаваться сочетанием *to be coming*, например: *Christmas is coming.* — *Скоро Рождество* [CID 2001: 261]; *The office party is coming round soon.* — *Скоро состоится корпоративная вечеринка* [CID 2001: 265].

Во французском языке также используется подобная конструкция *être en voie de..*, передающая ситуацию «нахождение

на пути к осуществлению действия»: *être en voie d'accomplissement*. — *Быть на пути к осуществлению*.

Контекстуальный анализ употреблений конструкции с глаголом *aller* позволяет выявить способность к выражению с ее помощью оттенка «нахождение на пути к новой ситуации», например:

La nuit allait venir. Il faisait très froid (G.Flaubert. Trois contes). — **Наступала** ночь. Было очень холодно.

Le jour allait paraître, et derrière le vitrail, les petits oiseaux commençaient à chanter (G.Flaubert. Trois contes). — **Приближался** рассвет, и за окном запели птички.

Метафорический образ движения позволяет передать естественный, постепенный процесс перехода от одного явления к другому — смену дня и ночи и наоборот.

КАС — приближение к совершению действия

В русском языке языковыми актуализаторами проспективной ситуации с оттенком «приближение к цели» выступают глаголы *прибывать, приезжать, приходить*, например:

*...там намекнули, что мы в долгу не останемся, а вам-то самим забыли намекнуть. — И что же, сейчас вы **пришли** нам намекнуть?* (С.Лобозеров. Маленький спектакль на фоне природы).

*Управляющий писал, что ему, Нехлюдову, необходимо самому **приехать, чтобы утвердиться** в правах наследства...* (Л.Н.Толстой. Воскресение).

*Но она для того и **пришла, чтобы снять** его с работы. За день она извелась и, когда услышала, что снаряжают лодку в поселок за продуктами, тут же подхватилась: пусть сплавает Андрей, пусть разузнает, что там с отцом. Бог с ней, с косьбой...* (В.Распутин. Прощание с Матерой).

*Сказал, что получил сегодня деньги, и азартно предложил мне **приехать, чтобы отметить** эту радость* (П.Мейлахс. Отступник).

Описываемая проспективная ситуация в английском языке может передаваться конструкцией *to stop by (in) + инфинитив* — «заскочить, заглянуть, забежать (на минутку)», например: *I just stopped in to say hello*. — *Я заскочил (на минутку) чтобы*

поздороваться; а также с помощью глагола *to come* — «приходить; прибывать, приезжать», например:

I came to say goodbye, — I said. — I'll be missing you (O.Wilde. The Model Millionaire). — *Я приехал проститься, — сказал я. — Я буду по тебе скучать.*

Во французском языке обозначенная ситуация объективируется глаголами с семой «приближение к цели»: *arriver à* — «прибывать, приезжать; приходиться; доходить до чего-либо, достигать»; *venir* — «приходить, приезжать, прибывать»; *passer* — «переходить, переезжать, проходить, проезжать; заходить». Обратимся к примерам:

Le Lépreux vint s'y chauffer; et, accroupi sur les talons, il tremblait de tous ses membres, s'affaiblissait... (G.Flaudert. Trois contes). — *Ле Ленге пришел туда согреться; и, присев на корточки, он весь тряся, слабел...*

C'est là que nous l'avons pris, et que son ami Zacharias Werner vint le prendre après nous (A.Dumas. La femme au collier velours). — *Именно там мы застали его, и туда пришел его забирать после нас его друг Захариас Вернер.*

Для выражения идеи приближения к вступлению в действие во французском языке используются конструкции с глаголами движения *en arriver à* + инфинитив и *en venir à* + инфинитив — «прийти к тому, чтобы...; дойти до того, что...», например: *J'en arrive à me demander s'il a vraiment du coeur.* — *Я пришла к тому, что спросила себя, действительно ли он храбрый* [MR 2006: 59]. При этом возникает метафорический образ «движения», поскольку, как отмечено в словаре Micro Robert, предначинательность в таком случае — это результат развития мысли или, чаще всего, обстоятельств, вызвавших новую ситуацию [там же]. Например:

Elle en vint à penser alors: «Mais n'est-ce pas déjà assez qu'il me fasse souffrir...» (F.Sagan. Aimez-vous Brahms?). — *Тогда она пришла к мысли (к тому, чтобы подумать): «Но разве уже недостаточно того, что он заставил меня страдать...»*

Следует добавить, что ситуация приближения к осуществлению действия во французском языке соотносится с образом движения, переданным при помощи устойчивых

выражений: *venir à l'esprit, passer par la tête, venir à la tête, venir brusquement* — «взбрести (взбредать) в голову», «прийти на ум», «прийти в голову», *il me vient une idée* — «у меня идея, мне пришло в голову» [MR 2006: 540] и т.п. В этом случае наблюдается пересечение параметров движения к осуществлению действия и спонтанного решения. Объединяет их признак «направленности извне»:

Il était venu une idée aux deux jeunes gens, et, comme cette idée leur était venu à tous deux à la fois, ils l'avaient prise pour une inspiration du ciel. C'était d'aller au jeu et de risquer chacun les cinq frédéric d'or (A.Dumas. La femme au colier de velours). — Двум молодым людям **пришла в голову идея**, а так как она пришла в голову им обоим одновременно, то они приняли ее как знак свыше. Это была **идея сыграть и рискнуть** каждому пятью золотыми.

Метафорический образ движения, заложенный в инфинитивной конструкции с глаголом *aller*, позволяет передавать ситуацию ближайшего вступления в действие. Таким образом, наблюдается пересечение аспектуальных ситуаций по параметрам «близость совершения действия» и «наименьшая удаленность от момента вступления в действие», например:

Je vais peut-être vous faire sourire (H.Bazin. Vipère au poing). — Я, **быть может, сейчас вызову** у вас улыбку.

Il vaut mieux le laisser dehors, si vous le faites rentrer de force il va pleurer et ça fera pleurer les autres (C.Bernard. Le tonnerre céleste). — **Лучше оставить его на улице, если вы заставите его вернуться насильно, он тотчас заплачет**, что заставит плакать других.

Tout ce qui lui arrivait depuis quelque temps était si étrange qu'à chaque instant il disait: Allons, voilà le moment où je vais devenir fou! (A.Dumas. La femme au colier de velours). — **Все, что с некоторых пор происходило с ним, было таким странным, что при каждом случае он говорил: ну вот сейчас я сойду с ума.**

Nous sommes sans doute indiscrets, dis-je alors, et maintenant que nous avons ou plutôt que j'ai obtenu une seconde présentation pour faire oublier la première, nous allons nous retirer, Gaston et moi (A.Dumas-fils. La dame aux camellias). — **Мы, может быть,**

мешаем? — спросил я. — **Теперь**, когда состоялось вторичное знакомство и забыто первое, мы **можем уйти**.

В последнем случае фраза содержит, помимо проспективной конструкции, временной указатель *maintenant* (*теперь*), что позволяет при переводе подчеркнуть определенность (близость) вступления в новую ситуацию.

Сходное явление наблюдается и в английском языке: конструкция *be going* + инфинитив передает значение «наверняка в ближайшем будущем». Например:

— *I'm going to say a prayer for you tonight!* (J.Galsworthy. The First and the Last). — **Я помолюсь за тебя вечером!**

Таким образом, действие может структурироваться в языке на основе сложившихся стратегий восприятия движения. Передко глаголы движения приобретают, кроме аспектуального значения, дополнительное временное, что объясняется наличием у них свойств фундаментальных глаголов [Ахмерова, Рянская 2011: 104—106].

Итак, анализ особенностей языковой объективации понятийной ситуации «движение к вступлению в действие» позволяет заключить, что проспективность может структурироваться в рассматриваемых языках на основе представлений о трех фазах движения: направленность к действию, нахождение на пути и приближение к новой ситуации. Во всех языках в этом случае участвуют глаголы движения. Широкий диапазон глаголов движения, в первую очередь в русском языке, позволяет выразить разнообразные оттенки направленности на осуществление действия.

2.4. Ситуация близости к вступлению в действие

Общей понятийной основой, позволяющей установить эквивалентность языковых средств, используемых в русском, английском и французском языках, может служить представление о «близости» («рядоположении», «приближении») вступления в новую ситуацию.

В отличие от предыдущей ситуации, где ближайшее будущее связано с представлениями о движении, обозначенная

понятийная ситуация основана на пространственно-временных образах и выражается в основном пространственными или временными указателями. Необходимо обратить внимание на то, что слова с пространственным значением во многих языках являются основными «кандидатами» на метафоризацию, к которой часто прибегают при описании личных представлений о пространстве.

Одним из способов выражения пространственных отношений во временном контексте является передача нужного значения посредством имен существительных. Обратим внимание на то, что английский язык не имеет специальных пространственных морфем. Несмотря на это, лексический потенциал языка для необходимого представления формы объектов и описания пространственно-временных отношений достаточно богат и разнообразен.

Одним из средств пространственно-временных отношений могут служить и глаголы. Так, в семантике английского глагола *to be* отражается такая важная пространственная характеристика, как местоположение объекта. В русском языке, как пишет Ю.Д.Апресян, глагол *быть* характеризуется не иначе как «настоящий вызов лексикографу»: глагол обладает «всем мыслимым диапазоном типов значений — от собственно лексических ... до чисто грамматических»; демонстрирует весь набор типов грамматических форм, включая супплетивные и нулевые; имеет огромный размах комбинаторных возможностей; «способен формировать почти все возможные типы глагольных синтаксических конструкций и предложений»; сочетает в своей семантической структуре значения нескольких типов, комбинация которых обнаруживается у десятков и сотен глаголов, благодаря чему *быть* и оказывается «фундаментом глагольной лексики» русского и, по-видимому, других языков [Апресян 1995: 511—512]. Участие глагола *быть* в перифразах с пространственно-временным значением подчеркивает, на наш взгляд, общую идею перспективности, в то время как пространственный компонент уточняет пространственно-временной индекс ситуации.

Психологические исследования восприятия времени показывают, что «психологическое время значимо отличается от объективного, хронологического, людям свойственно ощущать время как плавно текущее или скачкообразное, сжатое или растянутое, пустое или насыщенное» [Москвин, Москвина 2011: 124]. В анализируемой понятийной ситуации мы выделили два компонента, описывающих *близость* как совокупность метафорических образов: неопределенная близость и близость как конкретный пространственный образ.

Перейдем к подробному описанию выделенных нами компонентов понятийной ситуации *близости к вступлению в действие* и способов их выражения в русском, английском и французском языках.

КАС — неопределенная близость

К аспектуальной ситуации неопределенной близости мы относим проспективное действие с оттенками «недалежность, неотдаленность, соседство», «незначительная отдаленность во времени от вступления в действие или процесс», т.е. «быть/находиться рядом, близко». В русском языке представление о «близости» вступления в новую ситуацию передается, главным образом, с помощью сочетания *быть близко к тому, чтобы...*, например: *Начался шторм и корабль был близок к тому, чтобы потерпеть крушение; Он был близок к тому, чтобы сделать девушке предложение* [Ожегов 1994: 773]. Возможно использование и других сочетаний, например:

Домик этот мы видели, конечно. Одноэтажный, из нескольких комнат, он был близок к окончанию, но на замке (А.Солженицын. Захар-Калита).

Мы продолжали балансировать на грани разрыва. Говорят, подобные браки наиболее долговечны (С.Довлатов. Вальпургиева ночь, или Шаги Командора).

В английском языке фаза близости к осуществлению действия уточняется с помощью пространственного предлога в конструкции *to be about* + инфинитив — «собираться, собраться сделать что-нибудь», буквально «быть около (о времени)» [Галми 1999: 109; Мюллер 2010: 11]. К.Бруннер отмечает, что устойчивое

сочетание *I am about to do smth.* с употреблением формы настоящего времени является в современном английском языке описательной конструкцией для выражения непосредственно предстоящего действия [Бруннер 2008: 277].

Материал из нашей картотеки свидетельствует о том, что степень близости осуществления действия или вступления в новую ситуацию не всегда четко определена, например:

I'm awful sick. I'm about to die (О. Henry. Selected Stories. Jeff Peters as a Personal Magnet). — *Я ужасно болен. Я скоро умру.*

I heard a rumor during pie, said the artist, that the state is about to pay you two thousand dollars for this picture (О. Henry. Selected Stories. Art and the Bronco). — *За десертом кто-то сказал, что штат собирается заплатить вам за нее две тысячи долларов.*

В английском языке фаза приближения к осуществлению действия передается также с помощью наречий в сочетаниях *to be near* — «подле; близко, недалеко, около (по месту или времени)» [Мюллер 2010: 507] и *to be close* — «быть близко» [CID 2001: 944]; *to be near at hand* — «под рукой; тут, близко; скоро» [Мюллер 2010: 507], например: *The exams are close!* — *Скоро уже экзамены! Don't worry! The summer is close.* — *Не беспокойся! Лето не за горами (скоро)* [<http://english-inside.com>].

Согласно данным словарей, в той же функции могут использоваться прилагательные *near* — «близкий»: *I was near to tears* (эквивалентно *almost cried*) *at one point during the film.* — *Он почти плакал...* [CID 2001: 944] и прилагательное *close* — «близкий (о времени и месте)»: *We were close to signing the treaty.* — *Мы уже почти подписали договор* [<http://english-inside.com>]; *They were close to finding the answer.* — *Они почти нашли ответ* [ОТИСА 2001: 87]. Отмечается, что прилагательные *close* и *near* употребляются почти синонимично, например: *Спортсмен был очень близок к финишу.* — (1) *The athlete was close to the finish line* эквивалентно (2) *The athlete was near the finish line* [<http://english-inside.com>]. В этих случаях смысловой разницей между *close* и *near* является то, что *close* означает более близкое расстояние, чем *near*.

Еще одним средством выражения ситуации неопределенной близости в английском языке может служить глагол *near* —

«близиться, приближаться»: *Lizzy's voice was high and near to tears* [<http://www.natcorp.ox.ac.uk>]. — *Лиз повысила голос и была близка к слезам.*

Во французском языке для выражения описываемой ситуации используется конструкция *être près de* + инфинитив [Moignet 1973: 192; MR 2006: 845]. Предложное сочетание *près de* означает «близ, вблизи, около, подле, рядом», например: *Il est près de partir.* — *Он скоро уедет.*

Приведем ряд словоупотреблений из художественных произведений французских авторов, иллюстрирующих ситуацию «рядоположения»:

Eh, bien, monsieur, dit-il en relevant la tête sur moi, en n'essayant même plus de me cacher qu'il avait pleuré et qu'il était près de pleurer encore, tenez-vous beaucoup à ce livre? (A.Dumas-fils. *La Dame aux camellias*). — *Скажите, пожалуйста, — спросил он, подняв на меня глаза и даже не стараясь скрыть, что он плакал и готов был снова заплакать, — вы очень дорожите этой книгой?*

Maintenant que je suis près de mourir, malgré ce que me disent les médecins, car j'en ai plusieurs, ce qui prouve que la maladie augmente, je regrette presque d'avoir écouté votre père; si j'avais su ne prendre qu'une année à votre avenir, je n'aurais pas résisté au désir de passer cette année avec vous, et au moins je mourrais en tenant la main d'un ami (A.Dumas-fils. *La Dame aux camellias*). — *Теперь, когда я близка к смерти, что бы там ни говорили доктора, которых у меня много, что доказывает усиление болезни, — теперь я почти жалею, что послушалась вашего отца.*

Plusieurs fois, dans des circonstances où je fus d'une cruauté infâme, Marguerite leva sur moi des regards si suppliants que je rougissais du rôle que j'avais pris, et que j'étais près de lui en demander pardon (A.Dumas-fils. *La Dame aux camellias*). — *Часто, когда я доходил до постыдной жестокости, Маргарита смотрела на меня таким умоляющим взглядом, что я краснел за свое поведение и был близок к тому, чтобы попросить у нее прощения.*

КАС — близость как конкретный пространственный образ

В отличие от предыдущей ситуации, когда «близость» наступления действия контекстуально определена недостаточно четко, привлеченный ниже языковой материал свидетельствует о восприятии ближайшего вступления в действие в виде конкретных пространственных образов. В качестве пространственного указателя отрезка, отделяющего настоящий момент от наступления новой ситуации, могут выступать сочетания, обозначающие такие параметры, как: *на носу, в двух пальцах от, над головой, рукой подать, на волосок, на ниточке, в шаге, в двух шагах.*

Выражение *рукой подать (от чего либо, до чего-либо)* означает «очень близко по расстоянию» и обычно характеризует расположение каких-либо географических объектов по отношению друг к другу или к местонахождению человека. В русском языке это устойчивое сочетание может использоваться и для обозначения события, близкого по времени. В качестве подлежащего в таких случаях употребляются названия частей суток, месяцев, времен года, а также каких-либо событий, часто желательных, например:

Сейчас, при солнце, середина сентября казалась совсем близкой — рукой подать, а еще столько всяких забот, столько хлопот по поезду — где взять силы и время? (В.Распутин. Прощание с Матерой).

В английском языке в качестве эквивалента выступает выражение *to be at hand*, буквально означающее «на ладони», а в словаре отмеченное как «не за горами»: о событии, которое наступит, произойдет очень скоро, очень близко по времени [КРАФС 1995: 115; Мюллер 2010: 355].

Ситуация перспективности выражается и с помощью такой конструкции, как *висеть над головой*, например: *Конец года, у нашего бухгалтера висит над головой финансовый отчет* [УРФФС 2001: 83]. В следующем случае выражена ситуация грядущей неприятности (еще немного — и случится): *Чувство тревоги не покидало меня: казалось, какое-то несчастье уже висит над головой* [УРФФС 2001: 83].

Идею близости определенной ситуации несет в себе устойчивое выражение *висеть (повиснуть, держаться) на волоске (на ниточке)* — «быть под угрозой гибели, разрушения, поражения, срыва». С существительными *здоровье, жизнь* в качестве подлежащего выражение употребляется в ситуации, когда человек тяжело болен или попал в опасное положение. С местоимением *все* и с абстрактными существительными *счастье, благосостояние, слава* употребляется в ситуации, когда неблагоприятный исход грозит какому-либо положению дел. С личными местоимениями и с существительными, называющими лиц, употребляется в обеих ситуациях [КРАФС 1995: 61]. В качестве иллюстрации к вышесказанному приведем следующие примеры:

Все виденное и передуманное в последнее время вдруг встало предо мною, и я ужаснулся, до чего человек не защищен от случайностей, на каком тонком волоске висит всегда его здоровье (В.Вересаев. Записки врача).

Иной раз результаты всех трудов вдруг повисали на волоске, и Андрей до боли в голове ощущал свое бессилие найти выход (Д.Гранин. Искатели).

Серпилин верил словам врача, что, судя по состоянию сердца, жизнь его жены уже давно висела на волоске (К.Симонов. Солдатами не рождаются).

Фразеологизм *висеть на волоске* в сочетании с существительным *гибель, смерть, поражение*, обычно при глаголах в форме прошедшего времени участвует в описании угрозы, которой удалось избежать:

Они несколько раз были на волоске от гибели или плена (слышали в двадцати шагах от себя немецкую речь и звон немецкого оружия, рев немецких машин и запах немецкого бензина) (К.Симонов. Живые и мертвые).

И мальчик.., столько раз сам находившийся на волосок от гибели, пугливо прижимался к Арсеню (Б.Полевой. Повесть о настоящем человеке).

Я легко провел тренировочное соревнование, хотя раза два был на волоске от проигрыша (М.Ботвинник. К достижению цели).

Обращение к словарям английского языка свидетельствует о наличии сходных конструкций: *to hang by a hair/thread* (о чьей-либо жизни, судьбе и т.п.) — «висеть на волоске; *to be within a hair's breadth (within a hair) of smth.* — «на волосок от...»; *to be within an ace of smth.*; *to escape smth. by a hair's breadth (by the skin of one's teeth)* — «быть, находиться на волоске (на волосок, на волос) от чего-либо». Лексикографические источники и Британский национальный корпус содержат обширный иллюстративный материал, отражающий употребление указанных конструкций: *For three days Tom was so sick that his life hung by a thread.* — В течение трех дней Том был болен настолько, что жизнь его висела на волоске; *As Joe got ready to kick a field goal, the result of the game hung by a thread* (АРСИФГ 2003: 78). — Когда Джо приготовился к голу на поле, исход игры висел на волоске; *After the collision with a truck, Gregory's life hung by a thread* (РАИС 2003: 15). — После столкновения с грузовиком жизнь Григория висела на волоске (РАИС 2003: 15); *However, two problems still hang over the game* [<http://www.natcorp.ox.ac.uk>]. — Тем не менее, до сих пор висят две проблемы, связанные с игрой.

Во французском языке в качестве конструкций, эквивалентных описанному, выступают выражения: *ne tenir qu'à un cheveu* — «висеть над головой/держаться на волоске», *tenir à un cheveu* — «висеть на волоске»; *pendre au nez* — «висеть над головой» (буквально «висеть на носу») [УРФФС 2001: 83], например: *Cela lui pend au nez.* — Это с ним вот-вот случится [MR 2006: 707]. Значение близости ситуации отмечено также для выражения *avoir le nez sur quelque chose* (être tout près), буквально — «приблизить нос к...» [MR 1996: 707].

Оттенок перспективного значения присущ и такой английской конструкции как: *hang about/around/round* буквально «висеть над» — «быть близким, ожидать, витать над кем-либо; грозить кому-либо», *hang about/around* — «надвигаться», *hang over* — «нависать над чем-либо или кем-либо, угрожать чему-либо или кому-либо», например: *There seems to be danger hanging round those who deal in diamonds* (АФГАРС 2000: 303). — Похоже, что опасность подстерегает тех, кто имеет дело с бриллиантами.

Рассмотрим фрагмент из произведения английского писателя О.Уайлда с последующими вариантами литературного перевода:

*Were we no better than chessmen, moved by an unseen power, vessels the potter fashions at his fancy, for honour or for shame? His reason revolted against it, and yet he felt that some tragedy **was hanging over him**, and that he had been suddenly called upon to bear an intolerable burden* (O.Wilde. Lord Arthur Savile's Crime).

*Неужели мы всего лишь шахматные фигуры, передвигаемые невидимой силой; сосуды, которым гончар придает любую форму по своей прихоти для славы или позора? Его разум восставал против этого, и все же он чувствовал, что трагедия **нависает над ним**, и что внезапно он был вынужден нести непосильную ношу* (Пер. А.Еремина).

*Неужели нет спасения? Или мы, в самом деле, всего лишь шахматные фигуры, которые незримая сила передвигает по своей воле, — пустые сосуды, подвластные рукам гончара, готовые для славы и для позора. Разум восставал против этой мысли, но лорд Артур **чувствовал близость** ужасной трагедии, словно вдруг на него взвалили непосильную ношу* (Пер. А.Демаевой, А.Подругина).

Сравнение вариантов перевода демонстрирует возможность разных способов интерпретации рассматриваемого выражения, один из которых сохраняет метафорический образ пространственной близости ситуации.

Языковым маркером пространственно-временной близости является слово *шаг*. В русском языке употребительны выражения *быть, находиться на шаг от* чего-либо; *быть, находиться в двух (в трех, в нескольких) шагах от* чего-либо — «очень близко» [Ожегов 1994: 772]. Так, например:

*Вот тот же Давид Давидович — сильный и молодой, а я чувствую — у него какое-то страшное горе, точно он каждую минуту **на шаг от** гибели* (А.Н.Толстой. Кукушкины слезы).

*Ребенок тоже шагнул раза два, **еще шаг** — и он уйдет за гору. Ему хотелось бы к горе, посмотреть, куда делась лошадь* (И.А.Гончаров. Обломов).

В английском языке существительное *step* является компонентом выражения *to be only a few steps (by a step) away from something* —

«быть, находиться в нескольких шагах (шаге) от чего-либо». В качестве эквивалента может выступать образное выражение *to be within a stone's throw of something*, буквально «находиться на расстоянии брошенного камня» [КРАФС 1995: 341, 554].

Во французском языке для языковой репрезентации описываемой ситуации используются конструкции *un pas de plus, et...* — «еще один шаг и...», *encore quelques pas, et...* — «еще несколько шагов, и...» [Гак 2000: 348], *être en passe de* + инфинитив — «быть, находиться в шаге от...» [Рянская 2002 б: 99], *être à deux pas de quelque chose* — «быть, находиться, располагаться в двух шагах от чего-либо/от вступления в новую ситуацию, например:

Un pas de plus et vous ne pourrez plus quitter la route où vous êtes, et vous autres, toute votre vie, le remords de votre jeunesse (A.Dumas-fils. *La dame aux camellias*). — **Еще немного и вы не сможете больше сойти с этого пути, и вы, всю свою жизнь, будете сожалеть о своей молодости.**

...je crois bien que j'étais en passe de prendre bientôt place auprès d'eux (A.Gide. *Isabelle*). — *...я думаю, что я находился в шаге от того, чтобы вскоре занять место рядом с ними.*

Замечено, что довольно часто данная конструкция используется с такими существительными, как: *гибель, несчастье, катастрофа, трагедия* и подобными им [УРФФС 2001: 83]. Французский язык обладает также многообразием значений простого настоящего времени, включающим и другие оттенки, например, угрозу, обещание, неизбежное последствие, отнесенные к ближайшему будущему, что проявляется через контекст. Так, например: *Un pas de plus et il tombe*. — *Еще шаг и он упадет* [Гак 2000: 348].

К перечисленным конструкциям можно добавить *être à deux doigts de* + инфинитив (буквально означает «в двух пальцах от») — «быть, находиться на шаг от чего-либо, на волосок от чего-либо». Данное выражение имеет прежде всего негативную коннотацию: *Il est à deux doigts de périr*. — *Он в шаге от гибели* [Рянская 2002 б: 99]. Благодаря свойству фундаментальности глагола *être*, инфинитивные конструкции с его участием способны передавать этап соединения двух ситуаций, а переосмысление пространственных образов («рядом», «в шаге от», «в двух

пальцах от», «в точке») позволяет выразить временную стадию реализации «близости к вступлению в действие».

В английском языке примером яркого метафорического образа может служить сочетание *for two pins* (буквально «через/еще две булавки»), позволяющее реализовать ситуацию крайней близости предстоящего действия, например:

*As she turned to him something in her soft, wondering look made George feel that **for two pins** he would jump over the table and carry her off* (K.Mansfield. Taking the Veil). — *Когда она повернулась к нему, что-то в ее мягком, задающемся вопросом взгляде заставило Джорджа почувствовать, что он **готов перескочить** через стол и унести ее.*

Отмечаем, что выражение *for two pins* не требует сочетания с четко фиксированной формой смыслового глагола.

Анализ возможностей реализации понятийной ситуации «близости» совершения действия в рассматриваемых нами языках показывает, что по некоторым параметрам, в том числе и на понятийном уровне, наблюдается полная или частичная эквивалентность. Рассматриваемые языки имеют сходные способы выражения аспектуальной ситуации «близости» с помощью пространственных предложных сочетаний или наречий и устойчивых выражений. В данной понятийной ситуации предлоги и наречия участвуют в «опространствлении» времени, выступая средством образной передачи фазы совершаемого действия.

Выясняется, что пространственное представление может служить исходной основой для временных, аспектуальных и даже модальных оттенков, составляющих понятийную основу проспективности.

В целом специальных доминантных признаков ситуации *близости к вступлению в действие* не выявлено. Конкретизация действий (состояний) с точки зрения степени «близости» проявляется на уровне национальной языковой картины мира. Русский, английский и французский языки обладают рядом проспективных конструкций, в том числе устойчивых выражений, пространственно-временных указателей, которые

демонстрируют широкий спектр метафорических образов *близости, рядоположения* новой ситуации.

2.5. Ситуация неизбежности совершения действия

Финальной фазой на временной оси проспективности действия является ситуация «неизбежность». Как уже отмечалось, термин «неизбежность» (фр. *imminence*) используется во французской лингвистике для обозначения ситуации ближайшего момента вступления в действие. Анализ языкового материала позволяет разграничить временные и пространственные основы восприятия крайней близости новой ситуации.

КАС — ситуация, сложившаяся независимо от воли и желания субъекта действия

Вступление в действие может быть обусловлено объективно сложившимися на данный момент обстоятельствами, поэтому главными указателями в русском языке являются словосочетания: *пора пришла, время пришло (наступило, настало), настал час (момент, миг)*.

В русском языке лексема *время* в сочетании с инфинитивом выступает в качестве ядерного средства выражения особого модального значения — *своевременности*, например: *А теперь время звать* (В.Распутин. Последний срок).

В толковом словаре В.И.Даля *время* — это «длительность бытия; пространство в бытии; последовательность существования; продолжение случаев, событий; дни за днями и века за веками; последовательное течение суток за сутками. Пора, година, срок, спопутный или противный чему-нибудь случай» [Даль 2002: 150]. В значении сказуемого *пора* означает то же, что *время* [Ожегов, Шведова 1999: 563]. По определению В.И.Даля *пора* означает «время, час, доба, година; срочное время, срок; удобное к чему-либо время», а в функции наречия имеет следующие значения — «пришло время, настал срок, по времени или по обстоятельствам» [Даль 2002: 507]. Авторами словарей предлагаются следующие иллюстрации употребления лексемы

пора: *Да уж пора жать, косить* [Даль 2002: 507]; *Пора домой* [Ожегов, Шведова 1999: 563].

Прежде чем перейти к обоснованию условий языковой реализации рассматриваемой понятийной ситуации в английском и французском языках, хотелось бы пояснить, что лексемы *пора* и *время*, выполняющие роль темпорального маркера ситуации необходимости и указывающие на обстоятельства существующей надобности, актуализируют частное значение потребности либо вынужденности [Гапонова 2007: 17]. Вот несколько примеров, иллюстрирующих данное положение:

Корове пора месить! — злобно кричала жена, отворив дверь (И.А.Бунин. Будни).

Пора ехать, уже лошади готовы, а вы, ей-богу... (А.П.Чехов. Степь).

...время давно перевалило за полночь, и Бушуев, забравшийся в контору, и топор, не без умысла зажатый у него под мышкой, — все говорило: что-то случилось, пора действовать (В.Тендряков. Тройка, семерка, туз).

В современном английском языке приближение к моменту вступления в действие обычно выражается с помощью конструкций *it is time* + инфинитив — «пора; самое время» [Вейхман 2001: 59; НБАРС 2000: 510]; и аналогичных ей *it is high time* + инфинитив — «давно пора» и *it is about time* + инфинитив — «пора» [НБАРС 2000: 510]. Мы считаем правомерным начать анализ именно с данной конструкции, так как она передает значение высокой степени уверенности, отражая движение логического познания — от того, что непосредственно дано в чувственном восприятии к предположениям и гипотезам относительно возможных событий, что подтверждается обширным иллюстративным материалом:

So, if civilization is any good, it has to help us to forget our bodies, and then time passes happily without our knowing it. — Help us to get rid of our bodies altogether, — said Winterslow. — It's quite time man began to improve on his own nature, especially the physical side of it (D.Lawrens. Lady's Chatterley's Lover). — *Если в цивилизации вообще есть какой-то смысл, она должна помочь нам забыть о теле. И тогда время пролетит незаметно и счастливо. — Пора*

нам вообще **избавиться от тел**, — сказал Уинтерслоу. — **Давно** уж человеку **нужно усовершенствовать** себя, особенно физическую оболочку.

It's time for you to start earning your own living (Вейхман 2001: 59). — **Пора тебе самому зарабатывать** на жизнь.

Time to dress for dinner, old man, — he said, with exaggerated carelessness (О. Henry. Selected Stories). — **Время переодеться** к обеду, старина, — преувеличенно небрежно заметил он.

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что конструкция *it is time* + инфинитив имеет варианты, которые не меняют значение понятия «пора», но придают четкость, выразительность, образность авторскому изложению мысли.

Перспективный оттенок обнаруживается и в случае употребления временной лексемы *time* в составе конструкции *time is ripe for* — «настало время». В современном английском языке сфера употребления данной конструкции значительно сокращена, в связи с преобладанием более распространенных *it's time* и *it's about time* [БАРС 1998: 829].

Французский язык располагает схожими перспективными конструкциями. Конструкция *il est temps de* + инфинитив — «пора», «момент настал» указывает на то, что наступил подходящий момент для совершения субъектом ранее запланированного действия. Представлены и варианты, например: *il est grand temps de* + инфинитив, *il est grandement temps de* + инфинитив, употребительные во французской литературе:

Elle sera bien contente en apprenant que vous avez pris votre parti de la nécessité où elle se trouvait. Il était temps qu'elle vous quittât, mon cher (A. Dumas. La femme aux collier de velours). — **Она будет очень довольна, что вы признали неизбежность ее поступка. Ей пора было расстаться с вами, мой друг.**

— *Vous êtes complètement ivre! Il est l'heure de rentrer, heureusement!* (F. Sagan. Bonjour, tristesse). — **Вы совершенно пьяны! К счастью, нам пора возвращаться!**

Le comtetira une montre fort élégante, à laquelle il regarda l'heure: — Il est temps que j'aïlle au club, dit-il (A. Dumas. La femme

aux collier de velours). — *Граф вытащил роскошные часы и посмотрел, сколько времени. — Мне пора в клуб.*

Другими указателями подобной проспективной ситуации являются конструкции: *c'est l'heure de* + инфинитив — «время, пора», *c'est le moment ideal* — «самое время», *c'est le (bon) moment (pour)* + инфинитив — «настало время для чего-либо» [Новикова 2007: 138], а также *l'heure (le temps, le moment) est venue de* + инфинитив — «пришло время...» [MR 2006: 1124], например:

Elle vaut le double, et c'est le moment pour nous de la vendre (G.Sand. François le Champi). — *Она стоит вдвое дороже, сейчас подходящий момент для того, чтобы ее продать.*

Проиллюстрируем ситуацию, которая мыслится как совершенно предсказуемая и ожидаемая, находится в определенных временных рамках, ведущих к непосредственному вступлению в действие:

— *Casimir! Casimir! Va dire à Monsieur Lacase qu'il serait temps de s'apprêter. La voiture sera là dans une demie-heure* (A.Gide. Isabelle). — *Казимир! Казимир! Пойди скажи господину Лаказу, что пришло время собираться. Экипаж будет здесь (готов) через полчаса.*

Привлекает внимание совмещение языковых средств с оттенком решимости, входящих в состав ситуации намерения совершения действия (*il faut* + инфинитив) и временного маркера в одном фрагменте:

Il faut y aller; c'est l'heure (S. de Beauvois. Les images charmantes). — *Нужно пойти туда; настало время.*

Схожей по значению является конструкция *à l'heure qu'il est* — «в данный момент; в настоящее время» [MR 2006: 524; ФРС 1977: 428]. В качестве иллюстрации приведем следующий пример:

A l'heure qu'il est, on ferait mieux de boire une bouteille de bouchée (G.Simenon. La première enquête de Maigret). — *Настал час, когда лучше распить бутылку.*

В этом случае внимание акцентировано на том, что приближение к моменту осуществления действия сведено к минимуму.

КАС — наименьшая временная удаленность от момента вступления в действие

Чтобы описать данную ситуацию, русский язык располагает такими временными указателями, как *сию минуту*, *тотчас*, *немедленно*.

Ситуация незамедлительности передается наречием *немедленно* — «вы делаете что-либо немедленно, если вы совершаете это действие сразу после другого действия, события, так что промежуток времени между ними очень мал» [Дмитриев 2003]. В свою очередь, наречие *немедленно* входит в ряд синонимов, среди которых — *немедля*, *безотлагательно*, *неотложно*, *неукоснительно*, *без замедления*, *без отлагательства*, *сейчас*, *сию минуту (секунду)*, *тотчас*, *в близком будущем*, *в скором (непродолжительном) времени*. Некоторые из перечисленных языковых единиц могут служить временными указателями неизбежности или незамедлительности вступления в новую ситуацию, что подтверждается следующими примерами:

*Мне казалось, что мы **тотчас же станем** богаты; я не буду ходить на посылках в лавочку, что было очень тяжело для меня, потому что меня всегда обижали дети соседнего дома, когда я выходила из дому, и этого я ужасно боялась, особенно когда несла молоко или масло, зная, что если пролью, то с меня строго взывется; потом я порешила, мечтая, что батюшка **тотчас сошьет** себе хорошее платье, что мы поселимся в блестящем доме, и вот теперь — этот богатый дом с красными занавесами и встреча возле него с батюшкою, который хотел мне что-то показать в нем, пришли на помощь моему воображению (Ф.М.Достоевский. Неточка Незванова).*

*Ей казалось, что в деревне Швейцер **тотчас же простудится и умрет** (К.Паустовский. Дым отечества).*

В английском языке к временным указателям неизбежного перспективного действия можно отнести наречие *at once* — «тотчас, сразу, немедленно» и *immediately* — «немедленно, непосредственно». Среди временных маркеров, используемых для передачи ближайшего будущего, указывается также

словосочетание *right away* [Вилкоккс 1994: 128], имеющее значение «сразу, немедленно», например:

I must attend to this at once, Lydia, he said. Kindly get me my umbrella and I will go downtown immediately (О.Henry. Selected Stories. The Duplicity of Hargreaves). — *Я должен обратиться к этому немедленно, Лидия, — сказал он. — Поддай мне мой зонтик, и я сразу же отправлюсь в город.*

Quick! I must see it at once (O.Wilde. The Picture of Dorian Gray). — *Быстрей! Я должен видеть это немедленно.*

В следующем предложении конструкция *will take it at once* имеет оттенок спонтанного желания, готовности говорящего произвести действие немедленно:

Well, the box is charming, Arthur. Is it really a present? That is very sweet of you. And is this the wonderful medicine? It looks like a bonbon. I'll take it at once (O.Wilde. Lord Arthur Savile's Crime). — *Гм, коробочка прелестная. Это, в самом деле, подарок, Артур? Очень мило. А вот и чудесное лекарство? Похоже на драже. Я приму его сейчас же.*

Во французском языке к временным маркерам с оттенком неизбежности (наименьшей временной удаленности от момента вступления в действие) относят: *tout à l'heure* — «через мгновение, сейчас», *à l'instant* — «немедленно», *au bout de quelques instants, pour le moment/en ce moment* (датирующее/временное наречие) — «сейчас, теперь», *dans quelques instants/minutes, immédiatement* — «немедленно», *tout de suite* — «сразу; немедленно»:

J'allais immédiatement en juger (H.Bazin. Vipère au poing). — *Я собирался немедленно это обсудить.*

Le regard de ce jeune homme était bon et doux; je fus au moment de l'embrasser (A.Dumas-fils. La dame aux camellias). — *Взгляд этого молодого человека был так хорош и приятен, что я тут же бы его обнял.*

Voilà onze nuits que je ne dors pas, que j'étouffe et que je crois a chaque instant que je vais mourir (A.Dumas-fils. La dame aux camellias). — *Вот уже одиннадцать ночей я не сплю, задыхаюсь и каждую минуту жду, что вот-вот умру.*

Elle pourrait m'ordonner, par exemple, de partir avant une minute (A. de Saint-Exupéry. Le petit prince). — *Она могла бы мне приказывать, например, уехать через минуту.*

Dans un moment, mon ami qui vous a attenée viendra vous tenir compagnie (G.Simenon. La première enquête de Maigret). — **Через мгновение** мой друг, который вас привел, **придет** составить вам компанию.

Ряд временных указателей сформирован на основе количественных маркеров, например, рус. *еще чуть-чуть и.., еще немного и..*; фр. *un peu plus et...* — «еще чуть-чуть и...»; англ. *a bit* — «небольшое количество, немного, чуть-чуть».

Наречие *вот-вот* в русском языке, смысловая основа которого свидетельствует об отражении пространственного восприятия времени, обозначает «в ближайшем времени, сейчас, совсем скоро» [Свинцов 2010], например:

Вот-вот должна была показаться опушка, с которой он увидит поле и свою осиротевшую усадьбу (В.Быков. Облава).

В Толковом словаре Д.Н.Ушакова *вот-вот* определяется как «еще немного и.., один момент и.., сию минуту»: *Так плохо держится, что вот-вот упадет. Подождите, он вот-вот придет* [<http://dic.academic.ru/>]. В толковом словаре русского языка С.И.Ожегова, Н.Ю.Шведовой для наречия *вот-вот* отмечено значение «в самом скором времени, сейчас», например: *Он вот-вот придет. Слабеет, вот-вот умрет* [Ожегов, Шведова 1994: 97]. Согласно данным Современного толкового словаря русского языка под редакцией Т.Ф.Ефремовой, наречие *вот-вот* означает «в самое ближайшее время, в самом ближайшем будущем» [Ефремова 2006: 111].

Таким образом, данные толковых словарей свидетельствуют о том, что наречие *вот-вот* является указателем финальной фазы проспективности и наиболее близкого момента, граничащего со вступлением в действие или процесс. Приведем несколько иллюстраций из произведений известных русских писателей, в которых указатель временного порядка *вот-вот* свидетельствует, прежде всего, об ожидаемости ближайшего вступления в новую ситуацию:

Она была в прозрачной кофточке, высока и так хрупка станом, что, казалось, **вот-вот он переломится** (И.А.Бунин. Лирник Родион).

Поезд идет, натягивает ее, полоска становится все тоньше, **вот-вот лопнет** и изо всей силы ударит его по больному плечу (К.Паустовский. Дым Отечества).

На этих вечерах он испытывал чувство, подобное тому, которое должен испытывать фокусник, ожидая всякий раз, что **вот-вот** обман его **откроется** (Л.Н.Толстой. Война и мир).

В общем, никакого секрета в том, что в доме **вот-вот** появится новый человек, для меня не было (Ф.А.Абрамов. Деревянные кони).

КАС — пограничное состояние вступления в новую ситуацию

В русском языке данная понятийная ситуация передается с помощью конструкции *быть (находиться) на грани* осуществления чего-либо. Согласно Толковому словарю живого великорусского языка В.И.Даля, *грань, граница* означает «рубез, предел, межа, конт, край, кромка, конец и начало, стык, черта раздела» [Даль 2002]. Выражение *находиться на грани* имеет значение «доходить, быть близким, быть на грани, граничить» [<http://dic.academic.ru>]. Малый академический словарь под редакцией А.П.Евгеньевой толкует глагол *граничить* как «быть близким к чему-либо, доходить до чего-либо», например: *Испуг, граничащий с ужасом, выразился на лице бедной женщины* (М.Горький. Ярмарка в Голтве); *У нас были нежные слова, почти граничившие с признанием* (А.С.Куприн. Молох).

Синонимами *находиться на грани* выступают следующие выражения: *быть на краю чего-либо, на пороге чего-либо*, переносное значение которых «находиться в преддверии или на передней границе, начало чего-либо» [<http://ru.wiktionary.org>], «о чем-то, что должно скоро наступить, говорят, что оно на пороге» [<http://dic.academic.ru/dic.nsf/dmitriev/3922>], например: *На пороге Новый год* [Дмитриев 2003]; *Мы стоим на пороге великих изменений* [<http://ru.wiktionary.org>].

К перспективным конструкциям в английском языке, описывающим неизбежность совершения действия, можно

отнести: *to be on the point of*, *to be on the brink of*, *to be on the verge of*, которые используются совместно с длительной формой смыслового глагола. Рассмотрим подробно каждую из перечисленных конструкций.

Конструкция *to be on the point of* (буквально на русский язык переводится как «находиться, быть на месте/в точке/в пункте/у цели») используется в значении «вот-вот», «почти», например: *He is just on the point of going.* — *Он вот-вот уйдет.* Сходной по значению с конструкцией *to be on the point of smth.* выступает конструкция *to be on the brink of smth* — «быть/находиться на грани чего-либо»:

There he paused for a moment, feeling that he was on the brink of a discovery that would either make or mar his life (O.Wilde. The Picture of Dorian Gray). — *Он сделал на мгновение паузу, чувствуя, что был на грани открытия, которое или устроит, или ломает его жизнь.*

Значение неизбежности присуще также конструкции *to be on the verge of smth.*, буквально означающей «находиться, быть на грани чего-либо, на краю чего-либо» благодаря компоненту *verge* — «край; грань» (*to verge* — «клониться, приближаться к чему-либо») [Мюллер 2010: 825]. Например:

His lips seemed on the verge of a smile, though his face and bearing were marked by a polite gravity [Амбражейчик 2003: 100] — *Казалось, что его губы были на грани улыбки, хотя лицо и манеры были отмечены вежливой степенностью.*

Something seemed to tell me that I was on the verge of a terrible crisis in my life. I had a strange feeling that fate had in store for me exquisite joys and exquisite sorrows (O.Wilde. The Picture of Dorian Gray). — *Внутренний голос говорил мне, что я накануне страшного перелома в жизни. Я смутно предчувствовал, что судьба готовит мне необычайные радости и столь же изощренные мучения.*

Эквивалентом конструкции *to be on the verge of smth* выступает конструкция *to be on the edge of smth* — «находиться, быть на грани чего-либо», например: *Let her stay alone for some time, she is on the edge of weeping again.* — *Оставим ее в покое на некоторое время, она снова на грани плача* [Амбражейчик 2003: 99].

Во французском языке для описания ситуации крайней близости к вступлению в действие, которого невозможно избежать или предотвратить, используются конструкции: *être sur le point de* + инфинитив — «готовиться к чему-либо; быть готовым» (буквально «быть в точке...»), *tout à fait au point de* + инфинитив — «совершенно готовый», например:

Je fus sur le point de l'envoyer au diable (F.Sagan. Bonjour, tristesse). — **Я был готов послать его к черту.**

Элемент *point* — «точка, пункт (момент в развитии чего-либо)», «грань» [MR 2006: 816] подчеркивает идею финального момента, после которого субъект начинает осуществлять действие, вступает в новое состояние или процесс:

Après le deuxième verre, il fut sur le point d'aller trouver son protecteur, le grand patron, Xavier Guichard, et de lui dire tout ce qu'il avait sur le cœur (G.Simenon. La première enquête de Maigret). — **После второго стакана он был готов пойти и отыскать своего защитника, большого начальника, Ксавье Гишара, и рассказать ему обо всем, что у него было на душе.**

S'il acceptait de vous le sacrifice que vous êtes sur le point de faire, il serait de son honneur et de sa dignité de vous faire en échange cet abandon qui vous mettrait toujours à l'abri d'une adversité complète (A.Dumas-fils. La dame aux camellias). — **Если он примет от вас жертву, которую вы готовы принести, справедливо и достойно было бы с его стороны сделать вам отказ, который навсегда укрыв бы вас от полного несчастья.**

Иногда перспективное значение может возникать на основе неожиданного временного образа. Так, грамматическая конструкция *être en train de* + инфинитив служит в основном для обозначения процессуального, длительного характера действия [Мурясов 2001: 96; Гак 2000: 641], но может отражать и ситуацию неизбежности: *Attention! Il y a ton mouchoir qui est en train de tomber*. — **Осторожно! У тебя платок вот-вот упадет** [Гак 2000: 641]. Использование данного способа выражения неизбежности вступления в действие встречается довольно редко.

Как уже было отмечено в разделе 2.3, образ движения является частью аспектуально-временных характеристик действия. Мы убедились в том, что конструкция *aller* + инфинитив обладает

возможностью выражать различные интервалы времени, отделяющие настоящий момент от совершения действия, в том числе и минимальный отрезок.

Сравним следующие фрагменты из произведения Ф.Сеган:

(1) *Vous allez être débarassée de moi, je pars en province, avec mon cher Maître, étudier un procès* (F.Sagan. Aimez-vous Brahms?).

(2) *Avant même de décrocher, elle savait ce qu'elle allait entendre* (F.Sagan. Aimez-vous Brahms?).

Первый фрагмент «Вы скоро освободитесь от меня, я уезжаю в провинцию...» свидетельствует о ближайшем, но неопределенном будущем событии. Второй — раскрывает ситуацию, в которой момент наступления действия очень близок: «Еще до того, как она сняла телефонную трубку, она знала, что она тотчас услышит».

О незамедлительности момента вступления в действие свидетельствует следующее словоупотребление:

Suppose que tu vas me parler de mon âge? (F.Sagan. Aimez-vous Brahms?). — *Я предполагаю, что теперь ты будешь говорить о моем возрасте?*

Момент, критическая точка, грань, за которой начинается новое действие (состояние, процесс), могут соответствовать также ситуации, которая должна была наступить, но не наступила. В русском языке в этом случае используется наречие *почти*, означающее «так, что немного недостает до чего-либо; чуть ли не, едва ли не» [Ефремова 2006; Ожегов, Шведова 2003]:

Буравчик, смеясь, поднял брови, сделал жалкое лицо: «Хочу сказать, — смеясь и почти плача, закричал он тонким голосом, — хочу сказать: солдатушка, а выходит: саатушка...» (И.А.Бунин. Сила).

В значении, близком «почти», используется ограничительная частица *чуть не*, которая употребляется обычно перед глаголом в прошедшем времени, а также перед другими словами с качественными или количественными значениями: *Прислужники принесли гири и бросили их на подмости. Доски чуть не проломились. Пыль и опилки взлетели столбом. Гул пошел по всему рынку. Силач начал показывать свое искусство* (Ю.Олеша. Три толстяка).

В отличие от *почти*, она не употребляется, если есть отрицание *не* или в предположении есть отрицательное местоимение. Вариантами *чуть не* являются: *чуть-чуть не* — разговорный и более экспрессивный, а также *чуть ли не*. Отметим, что вариант *чуть было не* (чаще при первом из однородных сказуемых, связанных союзами *но, да*) обозначает уже начавшееся, но прерванное действие [КРАФС 1995: 553].

В английском языке подобный оттенок может быть выражен с помощью наречий *almost* — «почти» и *nearly* — «почти; около, приблизительно; близко», «чуть не, едва не», которые могут использоваться в сочетании с формой прошедшего времени или длительной формой смыслового глагола, например: *I'm almost finished — this is the last but one box to empty* [CID 2001: 797]. Отметим также случаи использования наречия *nearly*, зафиксированные в словарях: *She was nearly crying*. — Она почти плакала [РА-АРС 2002: 232]; *It was nearly midnight*. — Была почти полночь [ОТИСА 2001: 314]. Наречие *almost* употребляется перед глаголами и перед словами с качественным и количественным значением. Что касается наречия (*very*) *nearly*, то оно не употребляется с отрицательной частицей *not* и местоимением *nobody* и т.п.:

George tried a pair of scissors, and the scissors flew up, and nearly put his eye out (К.Д.Джером. *Three Men in a Boat (To Say Nothing of the Dog)*). — Джордж взял ножницы, а они подлетели так, что почти поранили его глаз.

I'm almost giving it up (О.Денри. *Selected Stories*). — Я почти бросаю это.

She opened the second door they came to and went a step in, holding the handle, watching him, uncannily like the patronne at the hotel where he had stayed the previous night. He almost expected to hear a price (Д.Фоллес. *The Ebony Tower*). — Подойдя ко второй двери, она открыла ее, шагнула внутрь, держась за ручку, и посмотрела на Дэвида глазами хозяйки гостиницы, впускающей в номер постояльца, который провел здесь одну ночь. Он почти ожидал, сколько причитается с него за номер.

Согласно данным словарей, во французском языке для описания подобной ситуации могут использоваться наречия *à peu*

près — «почти что», *presque* — «почти»; конструкции *faillir* + инфинитив — «чуть не», *manquer de* + инфинитив — «чуть не», например: *Il a failli tomber.* — Он чуть не упал; *Il a manqué de tomber.* — Он чуть не упал [БРФС 2002: 115]; *Il est presque quéri.* — Он почти выздоровел [БРФС 2002: 363].

Итак, общими для аспектуальной ситуации *неизбежности вступления в действие* являются параметры, сводимые к минимальному временному отрезку («время», «час», «момент») и пространственному ориентиру, символизирующему предел, за которым начинается новая ситуация (рус. *грань*, англ. *край*, *точка*, фр. *точка*). Исключение составляет реализуемая во французском языке при определенных контекстуальных условиях ситуация наименьшей удаленности от момента вступления в действие, в основе которой лежит представление о движении.

Анализ возможностей реализации понятийной ситуации «неизбежности» совершения действия в рассматриваемых языках также показывает, что наблюдается частичная эквивалентность языковых средств по некоторым параметрам, в том числе и на понятийном уровне. Все три языка имеют один сходный способ выражения ситуации неизбежности путем использования специального указателя — наречия со значением «почти».

Подводя итог описанию понятийных ситуаций проспективности, представим общую структуру рассматриваемой категории в виде таблицы.

Таблица 2

Компоненты, формирующие понятийную категорию *проспективности*

Ситуации Компоненты	Намерение	Готовность	Движение	Близость	Неизбежность
Подготовка к последующей ситуации	+				
Цель	+				
Направленность сознания, воли, чувства	+				
Предположение сделать что-либо	+				

Желание	+	+			
Замысел	+				
Решимость	+				
Внутреннее состояние физической готовности	+	+			
Внутреннее состояние психологической готовности	+	+			
Согласие сделать что-нибудь		+			
Желание угодить, услужливость		+			
Состояние, при котором все сделано, все готово для чего-нибудь		+			
Установка, направленная на выполнение того или иного действия		+			
Интенциональное направление к цели		+	+		
Нахождение на пути к некоторой новой ситуации			+		
Приближение к цели, приближение чего-либо			+	+	
Недальность, неотдаленность				+	
Нахождение на небольшом расстоянии				+	
Незначительная отдаленность во времени от чего-либо				+	
Около, подле, возле				+	
Соседство, смежность				+	+
Ситуация, сложившаяся независимо от воли и желания человека					+

Таблица наглядно демонстрирует пересечение понятийных сфер обозначенных аспектуальных ситуаций. Так, компонент «желание» присутствует в ситуациях намерения и в готовности совершения действия. Внутреннее состояние физической и психологической готовности также наблюдается и в ситуации

намерения, и в готовности совершения действия. Интенциональное направление к цели обнаруживается в ситуациях готовности и движения к совершению действия. Приближение к цели проявляется в ситуации движения к совершению действия и близости к вступлению в действие.

Таким образом, проверка на наличие выделенных компонентов в базе языковых данных позволила уточнить содержание каждого понятийного фрагмента проспективности. В современном русском, английском и французском языках наблюдается развернутая система вариативных средств выражения данной категории, что позволяет сделать более точный выбор языковых единиц в зависимости от описываемых ситуаций. Аспектуальные ситуации могут актуализироваться в языках с помощью подобных или разных языковых единиц, при этом несоответствие отдельных форм репрезентантов не нарушает эквивалентности передаваемого содержания.

Анализ языковой репрезентации проспективности позволяет также детализировать базовые когнитивные основы категории, выделив следующие комплексные блоки ее структуры:

целенаправленность (намеренность)

- *внутренние психологические процессы*: ожидание, намерение, настрой, обдумывание, предположение, затея, постановка цели, подготовка;

- *эмоционально-чувственные состояния*: надежда, желание, воля, воображение, долг, обязательство, личный мотив, расположение, склонность, решимость;

- *внешние условия*: физическое состояние, сложившиеся обстоятельства и др.;

динамичность

- *визуальная проекция*: движение, пространственные ориентиры;

- *временные ориентиры*;

поэтапность

- *последовательность смен ситуаций*: возникновение намерения → подготовка/готовность → направленность, движение к новой ситуации → приближение/близость → неизбежность, достижение точки вступления в действие.

В целом языковой материал, привлеченный к анализу аспектуальных ситуаций проспективности, позволяет сделать ряд выводов относительно полноты представленности выявленных параметров в рассматриваемых языках и специфики их языковой репрезентации, отражающей способы категоризации этапов предшествования совершаемости действия.

Наибольшее разнообразие представлений о проспективности демонстрирует ситуация «намерение совершения действия». Компонент «направленность на достижение новой ситуации», имеющий общие параметры «ожидания», «намерения», «настроения», «надежды», обнаруживает во французском языке признаки «осознанного желания реализовать действие», «обдумывания», «воображения», «долга, обязательства», обусловленных личным мотивом или внешними обстоятельствами; в английском языке — «мечтания», «ожидания как предвкушения», «неожиданности желания или решения совершить действие», «чувства быть расположенным», в первую очередь психологически. В русскоязычном материале доминируют параметры «предполагать», «затевать», представления о «сосредоточении мыслей, сил, памяти». Языковые данные позволяют заключить, что ситуация «готовности к совершению действия», имеющая также набор универсальных параметров, может характеризоваться в английском языке как «склонность», «решимость охотно, без проблем, добровольно осуществить действие» и как результат «созревания» ситуации, а в русском языке содержать оттенок «добровольности».

Сравнение компонентов аспектуальных ситуаций «намерение совершения действия» и «готовность совершения действия» позволяет судить о пересечении отдельных составляющих, таких как: готовность, мобилизация сознания (решимость и установка на выполнение действия) и эмоционально-чувственной сферы (воли и желания), физические и психологические условия реализации действия. С другой стороны, очевидно, что это две последовательные фазы проспективности. Первая отражает этап подготовки как зарождение замысла, поэтому присутствует такой компонент, как «цель», и в намерении совершить действие

психофизическое состояние — это формирование внутренней готовности, решимости. Последующая фаза характеризует ситуацию готовности, при которой имеются все условия для осуществления действия, в том числе принятие решения и наличие установки на его выполнение.

Действие может структурироваться в языке также на основе сложившихся стратегий восприятия движения. Особенности языковой объективации аспектуальной ситуации «движение к вступлению в действие» отражают представления о трех фазах: направленность к действию, нахождение на пути и приближение к новой ситуации. Во всех языках в этом случае участвуют глаголы движения, широкий смысловой диапазон которых, в первую очередь в русском языке, позволяет выразить разнообразные оттенки направленности на осуществление действия.

Рассматриваемые языки имеют сходные (по некоторым параметрам наблюдается полная или частичная эквивалентность) способы выражения аспектуальной ситуации «близости» с помощью пространственных предложных сочетаний или наречий и устойчивых выражений. Специальных доминантных признаков ситуации «близости к вступлению в действие» не выявлено. Конкретизация действий (состояний) с точки зрения степени «близости» проявляется на уровне национальной языковой картины мира. В данном случае предлоги и наречия участвуют в «опространствлении» времени, выступая средством образной передачи фазы совершаемого действия. Выясняется, что пространственное представление может служить исходной базой для временных, аспектуальных и даже модальных оттенков, составляющих понятийную основу проспективности.

Общими для аспектуальной ситуации «неизбежности вступления в действие» являются параметры, сводимые к минимальному временному отрезку («время», «час», «момент») и пространственному ориентиру, символизирующему предел, за которым начинается новая ситуация (*грань, край, точка*). Исключение составляет реализуемая во французском языке при определенных контекстуальных условиях ситуация наименьшей

удаленности от момента вступления в действие, в основе которой лежит представление о движении.

Изучение языковых форм выражения категории проспективности демонстрирует пересечение понятийных сфер обозначенных ситуаций. Так, компонент «желание» присутствует в ситуациях намерения и в готовности совершения действия. Внутреннее состояние физической и психологической готовности также наблюдается и в ситуации намерения, и в готовности совершения действия. Интенциональное направление к цели обнаруживается в ситуациях готовности и движения к совершению действия. Приближение к цели проявляется в ситуации движения к совершению действия и близости к вступлению в действие.

Обобщение языковых данных позволило осуществить проверку на наличие предварительно выделенных компонентов категории и путем детализации уточнить содержание каждого понятийного компонента проспективности. В целом категория проспективности структурно объединяет следующие блоки формирующих ее параметров: внутренние психологические процессы (ожидание, намерение, настрой, обдумывание, предположение, затея, постановка цели, подготовка); эмоционально-чувственные состояния (надежда, желание, воля, воображение, долг, обязательство, личный мотив, расположение, склонность, решимость); внешние условия (физическое состояние, сложившиеся обстоятельства); визуальная проекция (движение, пространственные ориентиры); временные ориентиры.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследование категории проспективности выполнено с позиций когнитивной лингвистики и функционального анализа с привлечением междисциплинарных научных знаний. Предпринятое изучение возможностей языкового выражения категории проспективности позволило сделать выводы, касающиеся целого ряда проблем, связанных с особенностями концептуализации совершаемости действия.

Комплексный анализ проспективности позволяет отнести данную категорию к соответствующей, с точки зрения когнитивных позиций, представлению о «совершаемости» «стадии реализации процесса», в традиционной терминологии — к способам действия, обладающим статусом «свободных несистемных образований» и такой характеристикой, как принадлежность к лексико-грамматической сфере как межуровневому явлению.

Необходимость нахождения универсально-константной структуры категории с опорой на анализ разноуровневых средств языковой репрезентации обусловило использование ономаσιологического подхода, позволившего определить круг аспектуальных понятийных ситуаций и затем сопоставить языковые возможности их выражения в русском, французском и английском языках. Категория проспективности характеризуется неоднородностью своей структуры. Размытость временного периода, соответствующего проспекции, обусловлена субъективными представлениями о совершаемости действия, о векторной последовательности событий и причинно-следственных связях между ними. Базовыми когнитивными параметрами, характеризующими данную категорию, являются: целенаправленность (намеренность, мотив), динамичность и поэтапность совершаемости действия. В качестве аспектуальных ситуаций, рассмотренных с точки зрения их языковой объективации, выступают: «намерение совершения действия», «готовность к совершению действия», «движение к совершению

действия», «близость к вступлению в действие», «неизбежность совершения действия».

Проанализированный языковой материал подтверждает идею об универсальности способов восприятия проспективной фазы действия, которые делятся на субъективные, основанные на оценке проекции в будущее, и объективные, опирающиеся на реально существующие пространственно-временные ориентиры. Это позволило интерпретировать категорию проспективности как под углом пространственно-временных представлений, так и с учетом психологического аспекта — проявления направленности сознания, воли, чувств субъекта к совершению последующего действия. Временные этапы подготовки к вступлению в новую ситуацию связаны с намерением или желанием, воспринимаются как направленность к будущему, как целеполагание, являющееся движением в будущее, как временное местоположение приближения к конечной точке, цели. Нашла подтверждение теоретическая посылка о взаимосвязи категорий аспектуальности, модальности и темпоральности, основанной на функциональной многозначности языковых форм, семантическом потенциале слов, их способности к развитию лексико-семантических вариантов значения. Выявляется ряд базовых смыслов, определяющих способность языковых единиц выражать отдельные оттенки, развившиеся из значений модальных глаголов и глаголов движения. Исторические связи категорий подтверждаются фактами их взаимодействия, остаточные элементы которого сохраняются в современных языках и позволяют судить об определенных истоках языкового оформления проспективности.

Проверка на наличие выделенных компонентов в базе языковых данных позволила уточнить содержание исследуемой категории. В современном русском, английском и французском языках наблюдается развернутая система вариативных средств выражения проспективности, при этом каждый из них использует свой собственный языковой ресурс. Привлеченный к анализу выявленных аспектуальных ситуаций языковой материал свидетельствует об определенных тенденциях в параметризации проспективности. С одной стороны, формируется совокупность

универсальных параметров, свидетельствующих о базовой составляющей понятийной основы категории. К ним относятся «готовность», «мобилизация сознания (решимость и установка на выполнение действия) и эмоционально-чувственной сферы (воли и желания)», «физические и психологические условия реализации действия», «направленность к действию», «нахождение на пути и приближение к новой ситуации», «близость к вступлению в действие», «наименьшая удаленность от момента вступления в действие». С другой стороны, при сопоставлении трех языков становится очевидным, что конкретизация и детализация представлений о подготовительной фазе проявляется на уровне национальной языковой картины мира. Подобные расхождения более всего характерны для репрезентации и ситуаций намерения и подготовки предполагаемого действия: для русского языкового сознания отмечен «замысел, настрой на осуществление действия», для французского — «осознанность, долг», в англоязычном материале отражено преобладание эмоциональной окрашенности ожидаемого действия («предвкушение», «расположенность» и т.д.). В целом во французском и английском языках выявляется более тесная связь проспективных образов с пространственно-временными представлениями (движение, «опространствление» времени), в русском языке — временными координатами и модальными установками.

Изучение языковых форм выражения категории проспективности демонстрирует пересечение понятийных сфер формирующих ее ситуаций, отражающих последовательные фазы смежных гипотетических и реальных проекций в предстоящее действие. К ним относятся такие компоненты, как «желание», «принятие решения», «внутреннее состояние физической и психологической готовности», а также «движение», природа которого предполагает различные фазы совершаемости — от интенциональной направленности до приближения к цели. Целостно модель категории проспективности представлена следующими блоками формирующих ее параметров: 1) внутренние психологические процессы, 2) эмоционально-чувственные состояния, 3) внешние условия (физическое состояние, сложившиеся обстоятельства), 4) визуальная проекция

(движение, пространственные ориентиры), 5) временные ориентиры, 6) последовательность смен ситуаций.

Предпринятое исследование вписывается в проблематику исследований, направленных на изучение процессов концептуализации и языковой объективации действительности. Теоретическое осмысление особенностей языковой репрезентации категории перспективности дает возможность дальнейшей разработки проблемы взаимодействия категорий. Данная работа является шагом на пути дальнейших исследований с привлечением данных других языков для расширения представлений о содержании категории.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Литература

1. Авилова Н.С. «Способ глагольного действия» и возможность видовой соотносительности глагола // Филологические науки. 1985. № 2. С. 13—21.
2. Апресян Ю.Д. Хотеть и его синонимы: заметки о словах // Филологический сборник (к 100-летию со дня рождения академика В.В.Виноградова) / Отв. ред. д-р филол. наук М.В.Ляпон. М.: Ин-т рус. яз. им. В.В.Виноградова РАН, 1995. С. 16—33.
3. Апресян Ю.Д. Исследования по семантике и лексикографии. Парадигматика. М.: Языки славянских культур, 2009. Т. 1. 568 с.
4. Арсеньева М.Г. Введение в германскую филологию / М.Г.Арсеньева, С.П.Балашова, В.П.Берков, Л.Н.Соловьева. М.: ГИС, 2000. 314 с.
5. Арутюнова Н.Д. Время: модели и метафоры // Язык и время. Логический анализ языка. М.: Индрик, 1997 а. С. 51—61.
6. Арутюнова Н.Д. От редактора // Язык и время. Логический анализ языка. М.: Индрик, 1997 б. С. 5—15.
7. Ахмерова А.В. Базовые понятия как фактор формирования полифункциональных свойств языковых единиц / А.В.Ахмерова, Э.М.Рянская, Р.В.Федорова // Французский язык и культура Франции в России XXI века: Материалы XV Международной научно-практической конференции Школы-семинара им. Л.М.Скредлиной. Н.Новгород: Нижегород. гос. лингв. ун-т им. Н.А.Добролюбова, 2011. С. 104—106.
8. Базылев В.Н. Российская лингвистика XXI века: традиции и новации. М.: Изд-во СГУ, 2009. 380 с.
9. Бархударов Л.С. Английский язык / Л.С. Бархударов и др. // Языки мира: Германские языки. Кельтские языки. М.: Academia, 2000. С. 43—80.
10. Бацевич Ф.С. Очерки по функциональной лексикологии / Ф.С. Бацевич, Т.А. Космеда. Львов: Свит, 1997. 392 с.

11. Белошاپкова Т.В. Когнитивно-дискурсивное описание категории аспектуальности в современном русском языке. М.: КомКнига, 2007. 336 с.
12. Белоног О.В. Темпорально-аспектуальная характеристика пассивных конструкций в современных немецких научных текстах: Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. СПб., 2011. 165 с.
13. Березина Т.Н. Пространственно-временные особенности внутреннего мира личности: Автореф. дис. ... д-ра психол. наук: 19.00.01. М., 2003. 43 с.
14. Березина Т.Н. Транспектива как модель личностной организации времени // Индивидуальность как субъект и объект современной жизни: Материалы научно-практической конференции. Смоленск, 1996. С. 85—90.
15. Бондарко А.В. Содержание и типы аспектуальных значений // Теория функциональной грамматики: Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. Л.: Наука, 1987. 348 с.
16. Бондарко А.В. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 208 с.
17. Бондарко А.В. Теория морфологических категорий и аспектологические исследования. М.: Языки славянской культуры, 2005. 624 с.
18. Бондарук Е.В. Конкуренция футура и футурального презенса в немецкой диалогической речи (на материале художественной литературы): Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. Тамбов, 2001. 20 с.
19. Борискина О.О. Теория, методология и опыт познания скрытой категориальности языка: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19, 10.02.04. Воронеж, 2011. 41 с.
20. Бочарова М.Н. Функционально-семантические категории темпоральности и аспектуальности в русском и французском языках. На материале претеритальных форм глагола: Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01, 10.02.05. Волгоград, 2004. 198 с.
21. Бочарова М.Н. Функционально-семантические категории темпоральности и аспектуальности в русском и французском языках. На материале претеритальных форм глагола: Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01, 10.02.05. Волгоград, 2004. 25 с.

22. Браше О. Историческая грамматика французского языка / Пер. с фр. М.: Едиториал УРСС, 2005. 184 с.
23. Бруннер К. История английского языка: В 2 т. / Пер. с нем.; под ред. и с предисл. Б.А.Ильиша. 3-е изд. М.: Едиториал УРСС, 2008. 720 с.
24. Булыгина Т.В. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики) / Т.В.Булыгина, А.Д.Шмелев. М.: Языки русской культуры, 1997. 576 с.
25. Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков: Грамматическая семантика. Ключевые концепты культур. Сценарии поведения. М.: Языки русской культуры, 1999. 776 с.
26. Вейхман Г.А. Новое в английской грамматике. М.: Астрель: АСТ, 2001. 128 с.
27. Вилкок П.П. Употребление времен в английском языке. М.: АО «Буклет», 1994. 160 с.
28. Воробьева Е.В. Время как семантический компонент субстантивной лексики в норвежском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. СПб., 2011. 15 с.
29. Гак В.Г. Сравнительная типология французского и русского языков. М.: Наука, 1983. 345 с.
30. Гак В.Г. Теоретическая грамматика французского языка. М.: Добросвет, 2000. 832 с.
31. Гапонова Ю.В. Особенности функционирования лексики с модальным значением возможности в текстах печатной рекламы // Семантические процессы в языке и речи: Материалы ежегодного научного семинара аспирантов. Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2005. С. 15—22.
32. Гапонова Ю.В. Средства выражения модальных значений возможности и необходимости в текстах печатной рекламы: Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Калининград, 2007. 21 с.
33. Гиро-Вебер М. Проблемы терминологии в описании категории вида в русском языке // Труды аспектологического семинара филологического факультета МГУ им. М.В.Ломоносова. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1997. Т. 2. С. 36—43.
34. Гийом Г. Принципы теоретической лингвистики. М.: Прогресс, 1992. 224 с.

35. Гловинская М.Я. Семантические типы видовых противопоставлений русского глагола. М.: Наука, 1982. 155 с.
36. Горбова Е.В. Грамматическая категория аспекта и контекст (на материале испанского и русского языков): Автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19. СПб., 2011. 44 с.
37. Гордон Е.М. Грамматика современного английского языка / Е.М. Гордон, И.П. Крылова. 2-е изд., испр. и доп. М.: Высшая школа, 1980. 335 с.
38. Грекова О.К. О собственно аспектуальной, модально-аспектуальной и модальной семантике видового противопоставления // Типология вида: проблемы, поиски, решения: Материалы Международной научной конференции (МГУ им. М.В.Ломоносова, 16—19 сентября 1997 г.). М.: Изд-во МГУ, 1998. С. 134—145.
39. Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1984. 400 с.
40. Доза А. История французского языка / Пер. с фр.; под ред. и с предисл. М.С. Гурычевой. М.: КомКнига, 2006. 472 с.
41. Есперсен О. Философия грамматики / Пер. с англ. В.В.Пассека, С.П.Сафроновой. М.: Иностран. лит., 1988. 404 с.
42. Жирмунский В.М. История немецкого языка. М.: Изд-во лит. на иностр. языках, 1986. 387 с.
43. Жукова С.А. Особенности темпоральной организации художественного текста (на материале современных немецкоязычных коротких рассказов): Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. Калининград, 2010. 23 с.
44. Зализняк Анна А., Шмелев А.Д. Введение в русскую аспектологию. М.: Языки русской культуры, 2000. 226 с.
45. Зеленецкий А.Л. Сравнительная типология основных европейских языков. М.: Издательский центр «Академия», 2004. 252 с.
46. Иванов В.В. Лингвистика третьего тысячелетия: Вопросы к будущему. М.: Языки славянской культуры, 2004. 208 с.
47. Иванова И.П. История английского языка / И.П.Иванова, Л.П.Чахоян, Т.М.Беляева. СПб.: Лань, 1999. 512 с.
48. Ипатова Л.В. Семантико-грамматическая связь аналитических средств выражения модальности и будущности в

английском, французском и русском языках. Сравнительный анализ: Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20. М., 2003. 234 с.

49. Исаченко А.В. О грамматическом значении // Вопросы языкознания. 1981. № 1. С. 28—43.

50. Исаченко А.В. Бинарность, привативные оппозиции и грамматические значения // Вопросы языкознания. 1983. № 2. С. 39—56.

51. Кадоло Т.А. Русские ментальные глаголы в аспекте полиситуативности: Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Кемерово, 2004. 189 с.

52. Казарян В.П. Темпоральность и естественные науки. URL: www.chronos.msu.ru.

53. Кацнельсон С.Д. Типология языка и речевое мышление. Л.: Наука, Лен. отд-ние, 1992. 216 с.

54. Кацнельсон С.Д. Категории языка и мышления. Из научного наследия. М.: Языки славянской культуры, 2001. 248 с.

55. Кибрик А.Е. Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания (универсальное, типовое и специфическое в языке). М.: Едиториал УРСС, 2002. 336 с.

56. Ковалев В.И. Категория времени в психологии (личный аспект) // Категории материальной диалектики в психологии / Под ред. Л.И.Анцыферовой. М.: Наука, 1988. С. 216—230.

57. Козинцева Н.А. Временная локализованность действия и ее связи с аспектными, модальными и таксисными значениями. — Л.: Наука, 1991. 142 с.

58. Кокарева Е.А. Аспектуальность и способы ее выражения в именных связочных предложениях: Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. М., 2003. 212 с.

59. Колесов В.В. История русского языка: Учеб. пособие для студ. филол. фак-тов высш. учеб. заведений. СПб.: Филологический факультет СПбГУ; М.: Издательский центр «Академия», 2005. 672 с.

60. Кочергина В.А. Введение в языковедение. Основы фонетики-фонологии. Грамматика. М.: Изд-во МГУ, 1991. 205 с.

61. Кошмидер Э. Очерк о видах польского глагола. Опыт синтеза // Вопросы глагольного вида. М.: Изд-во иностр. лит., 1962. С. 105—167.

62. Крылова И.П. Модальность в современном английском языке / И.П. Крылова, Е.М. Гордон. Уфа: Изд-во Башкирского унта, 1999. 160 с.

63. Кубрякова Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке. Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры, 2004. 560 с.

64. Кузнецов П.Г. Тождество, единство и противоположность грамматических и логических форм // Труд, капитал, энергия. 2004. № 2(14). С. 42—50.

65. Лакофф Дж. Когнитивное моделирование // Язык и интеллект: Сб. ст. / Сост. В.В.Петров. М.: Издательская группа «Прогресс», 1995. С. 143—184.

66. Логунов Т.А. Аналитические формы будущего времени как лингвистический феномен: на материале английского и русского языков: Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. Кемерово, 2007. 231 с.

67. Майсак Т.А., Мерданова С.Р. Глагольная система хпюкского говора агульского языка / Т.А.Майсак, С.Р.Мерданова. М.: Академический Проект, 2002. 96 с.

68. Майсак Т.А. Грамматикализация глаголов движения: опыт типологии // Вопросы языкознания. 2000. № 1. С. 10—29.

69. Майсак Т.А. Типология грамматикализации конструкций с глаголами движения и глаголами позиции: Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20. М., 2002. 25 с.

70. Майсак Т.А., Мерданова С.Р. Будущее время в агульском языке в типологической перспективе / Т.А.Майсак, С.Р.Мерданова // Вопросы языкознания. 2003. № 6. С. 76—107.

71. Макаровская Е.В. Языковые средства выражения времени в поэзии Бориса Пастернака: Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. М., 2009. 23 с.

72. Маслов Ю.С. Очерки по аспектологии. Л.: Изд-во ЛГУ, 1994. 263 с.

73. Маслов Ю.С. Избранные труды: Аспектология. Общее языкознание. М.: Языки славянской культуры, 2004. 840 с.

74. Мельникова А.А. Язык и национальный характер. Взаимосвязь структуры языка и ментальности. СПб.: Речь, 2003. 320 с.

75. Мещанинов И.И. Понятийные категории в языке // Труды Военного ин-та иностр. яз. 1985. № 1. С. 5—17.

76. Мещанинов И.И. Члены предложения и части речи. Л.: Наука, 1988. 387 с.

77. Миколайчик В.И. Функционально-семантические категории аспектуальности и темпоральности: на материале языка дари: Автореф. ... д-ра филол. наук: 10.02.19. М., 2002. 43 с.

78. Михеева Л.Н. Время как лингвокультурологическая категория: Учеб. пособие. М.: Флинта: Наука, 2006. 96 с.

79. Морозов В.Э. Грамматическая категория вида русского глагола и ее функционирование в коммуникативном акте: Дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01. М., 2003. 461 с.

80. Москвин В.А. Межполушарные асимметрии и индивидуальные различия человека / В.А.Москвин, Н.В.Москвица. М.: Смысл, 2011. 367 с.

81. Москальская О.И. История немецкого языка. М.: Издательский центр «Академия», 2003. 288 с.

82. Мурясов Р.З. Некоторые проблемы контрастивной аспектологии // Вопросы языкознания. 2001. № 5. С. 86—111.

83. Никуличева Д.Б. Когнитивный смысл темпоральных оппозиций в английском и датском языках в связи с особенностями перцептивного представления времени их носителями // Язык. Закономерности развития и функционирования: Сборник научных трудов к юбилею Н.Н.Семенюк. М.: Ин-т языкознания РАН, 2010. С. 296—319.

84. Недялков В.П. Начинательность и средства ее выражения в языках разных типов // Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис / Отв. ред. А.В. Бондарко. Л.: Наука, 1987. С. 180—195.

85. Новикова М.О. О динамике системного значения простого будущего времени (futur simple) во французском языке // Язык и мысль: традиции и новые парадигмы в лингвистике и лингводидактике: Сборник научных трудов Международной конференции (18—20 сентября 2007 г.) / Отв. ред. О.С.Егорова, Л.А.Становая. Ярославль: Изд-во ЯГПУ им. К.Д.Ушинского, 2007. С. 136—140.

86. Опахина Е.В. Субдуктивность глагола как критерий разграничения глагольных конструкций (на материале старофранцузского языка) // Язык и мысль: традиции и новые парадигмы в лингвистике и лингводидактике: Сборник научных трудов Международной конференции (18—20 сентября 2007 г.) / Отв. ред. О.С.Егорова, Л.А.Становая. Ярославль: Изд-во ЯГПУ им. К.Д.Ушинского, 2007. С. 144—147.

87. Падучева Е.В. К сочетаемости обстоятельства времени с видом и временем глагола: точка отсчета // Научно-техническая информация. 1992. Сер. 2. № 3. С. 34—40.

88. Падучева Е.В. Семантические исследования. Семантика времени и вида в русском языке; семантика нарратива. М.: Языки русской культуры, 1996. 464 с.

89. Пайар Д. Формальное представление приставки *от-* / Пер. с фр. А.Андреевской // Глагольная префиксация в русском языке. Сб. статей. М.: Русские словари, 1997. С. 87—112.

90. Парсонс Т. О структуре социального действия. М.: Академический Проект, 2000. 880 с.

91. Пауль Г. Принципы истории языка. М.: Изд-во иностр. лит., 1980. 500 с.

92. Петрова М.А. Типы немодальных значений модальных предикатов (на материале славянских и германских языков: Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. М., 2007. 22 с.

93. Петрухина Е.В. Когнитивные модели времени в русской грамматике // Концептуальное пространство языка. Тамбов: Изд-во Тамбовск. ун-та, 2005. С. 111—128.

94. Пицкова Л.П. Системное значение морфологической формы в аспекте синтагматики и парадигматики (на материале вида и перфектности французского языка). М.: Изд-во МПУ «Народный учитель», 2002. 298 с.

95. Плунгян В.А. Общая морфология: Введение в проблематику. М.: Едиториал УРСС, 2000. 384 с.

96. Поленова Г.Т. Происхождение грамматических категорий глагола: На материале енисейских языков: Дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19. Таганрог, 2003. 278 с.

97. Рахилина Е.В. Когнитивная семантика: история, персоналии, идеи, результаты // Семиотика и информатика. М.:

Гос. ком. Совета министров СССР по науке и технике; АН СССР; ВИНТИ, 1998. Вып. 36. С. 274—323.

98. Рахилина Е.В. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. М.: Русские словари, 2000. 416 с.

99. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. СПб.: Питер, 2000. 712 с.

100. Рянская Э.М. Проспекция как часть аспектуальности // Филологические науки. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2002 а. № 4. С. 86—92.

101. Рянская Э.М. Способы действия в когнитивном аспекте: Монография. СПб.: РГПУ им. А.И.Герцена, 2002 б. 191 с.

102. Рянская Э.М. К вопросу о соотношении лексики и грамматики в языке // Вестник Нижневарт. гуманит. ун-та. 2008. Вып. 4. Филологические науки. С. 42—47.

103. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии / Пер. с англ.; общ. ред. и вступ. ст. А.Е.Кибрика. М.: Издательская группа «Прогресс», «Универс», 1993. 656 с.

104. Сичинава Д.В. К типологии глагольных систем с несколькими формами плюсквамперфекта: casus latinus // Вопросы языкознания. 2003. № 5. С. 40—51.

105. Смирницкий А.И. Лекции по истории английского языка (средний и новый период). М.: Добросвет, 2000. 238 с.

106. Смирнов И.Н. Конкретность/обобщенность ситуации в семантике аспектуально-темпоральных категорий (на материале современного русского языка): Автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01. СПб., 2011. 39 с.

107. Соколова Е.Е. Аспектуальность как прагматическая категория / Е.Е.Соколова, Н.В.Гридина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2008. № 2(2). С. 120—121.

108. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. 2-е изд., испр. и доп. М.: Академический Проект, 2001. 990 с.

109. Стернин И.А. Психолингвистическое значение слова как тип значения // Жизнь языка в культуре и социуме — 3: Материалы конференции (Москва, 20—21 апреля 2012 г.) / Ред. кол.: Е.Ф.Тарасов, Н.В.Уфимцева, В.П.Синячкин. М.: Эйдос, 2012. С. 14—17.

110. Сухомлина Т.А. Категория футуральности и средства ее языковой манифестации (на материале английского языка): Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. Самара, 2007. 22 с.
111. Талми Л. Отношение грамматики к познанию // Вестник Моск. ун-та. 1999. Сер. 9. Филология. № 6. С. 88—119.
112. Телин Н.Б. Вид и способ действия в русском языке / Пер. с нем. // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1985. Вып. XV. Современная зарубежная русистика. С. 250—260.
113. Телецкая Т.В. Предметная модальность и модальность достоверности в языке и речи (на материале украинского, русского, французского и английского языков): Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.15. Одесса, 2005. 184 с.
114. Теньер Л. Основы структурного синтаксиса / Пер. с фр.; ред. кол.: Г.В.Степанов (пред.) и др.; вступ. ст. и общ. ред. В.Г.Гака. М.: Прогресс, 1988. 654 с.
115. Титаренко Е.Я. Актуальные вопросы современной аспектологической терминологии // Русский язык: исторические судьбы и современность: III Международный конгресс исследователей русского языка: труды и материалы. М.: МАКС Пресс, 2007. С. 201.
116. Титаренко Е.Я. Аспектуальная категория фазовости и грамматическая семантика вида глагола в современном русском языке: Дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.02. Киев, 2013. 418 с.
117. Топорова Т.В. Проблемы лингвистической реконструкции германской космогонии: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.04. М., 2000. 53 с.
118. Федорова И.Р. Модальность возможности в современном русском языке (на материале газет). Калининград: Изд-во Калининград. гос. ун-та, 2000. 85 с.
119. Федяева Н.Д. Семантика нормы в русском языке: функциональный, категориальный, лингвокультурологический аспект: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01. Омск, 2010. 33 с.
120. Филичева Н.И. История немецкого языка. М.: Издательский центр «Академия», 2003. 304 с.

121. Флайер М.С. Делимитативные приставки в русском языке / Пер. с англ. М.А.Даниэля // Глагольная префиксация в русском языке: Сб. статей. М.: Русские словари, 1997. С. 29—48.

122. Фрумкина Р.М. Психолингвистика. М.: Издательский центр «Академия», 2007. 320 с.

123. Фурашова Н.В. Репрезентация знаний в глаголах физического действия // Проблемы представления (репрезентации) в языке. Типы и форматы знаний: Сборник научных трудов / РАН. Ин-т языкознания; Мин-во образ. и науки РФ. ТГУ им. Г.Р.Державина; ред. кол.: Е.С.Кубрякова, Е.М.Позднякова и др. М.; Калуга: Эйдос, 2007. С. 233—247.

124. Хандамова Э.Ф. Категория вида и понятие аспектуальности // Семантические и прагматические особенности языковых единиц в сопоставительной лингвистике. Краснодар, 1994. С. 98—105.

125. Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления / Сост., пер. с нем. В.В.Бибихина. М.: Республика, 1993. 447 с.

126. Храковский В.С. Некоторые проблемы универсально-типологической характеристики аспектуальных значений // Вопросы русской аспектологии: Ученые записки Тартуского государственного университета. Тарту, 1980. С. 3—38.

127. Храковский В.С. Типология вида: проблемы, поиски, решения // Материалы Международной научной конференции (МГУ им. М.В.Ломоносова, 16—19 сентября 1997 г.) / Отв. ред. М.Ю.Черткова. М.: Языки русской культуры, 1998. С. 485—490.

128. Чугунова С.А. Концептуализация времени в разных культурах: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19. Тверь, 2009. 38 с.

129. Шатуновский И.Б. Семантика предложения и нереферентные слова (значение, коммуникативная перспектива, прагматика). М.: Языки русской культуры, 1996. 400 с.

130. Шелякин М.А. Категория вида и способы действия русского глагола. Теоретические основы. Таллин: Валгус, 1983. 216 с.

131. Шелякин М.А. Функциональная грамматика русского языка. М.: Русский язык, 2001. 288 с.

132. Шишмарев В.Ф. Историческая морфология французского языка. М.: Либроком, ЛКИ, КомКнига, 2011. 272 с.

133. Штелинг Д.А. Грамматическая семантика английского языка. Фактор человека в языке. М.: МГИМО, ЧеРо, 1996. 254 с.
134. Штернеманн Р. и др. Введение в контрастивную лингвистику // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Просвещение, 1989. С. 144—145.
135. Шустова С.В. Потенциал каузативных глаголов в динамико-функциональном аспекте: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19. Пермь, 2011. 30 с.
136. Шустова С.В. Типы и функции понятийных категорий // Pazhuhesh-e Zabanha-ye Khareji. (Special Issue, Russian). № 47. P. 59—70. URL: http://ijsp.ut.ac.ir/page/download-U-7iXC_BEVo.artdl; свободный.
137. Álvarez-Castro C. Interprétation du futur de l'indicatif et représentation d'événements futurs // Etudes sémantiques et pragmatiques sur le temps, l'aspect et la modalité / Textes réunis par L. de Saussure, J.Moeschler et G.Puskas. Amsterdam; N.Y.: John Benjamins Publishing, 2007. P. 7—24.
138. Barbet C. Les verbes modaux *devoir* et *pouvoir* en ancien et moyen français: éléments pour une étude diachronique // Diachro-IV. Le français en diachronie. Madrid, 2008.
139. Binnick R.I. Time and the Verb: A Guide to Tense and Aspect. Oxford: Oxford University Press, 1991. 584 p.
140. Bybee J.L. The Evolution of Grammar: Tense, Aspect and Modality in the Languages of the World / J.L.Bybee, R.Perkins, W.Pagliuca. Chicago; L.: The University of Chicago Press, (1994) 2004. P. 1—22.
141. Charaudeau P. Grammaire du sens et de l'expression. Paris: Hachette, 1992. 927 p.
142. Chesterman A. Contrastive Functional Analysis // Pragmatics & Beyond. New Series 47. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publ. Comp., 1998. 230 p.
143. Chvany C.V. Verbal aspect, discourse saliency, and so-called «perfect of result» in modern Russian // Verbal Aspect in Discourse (Pragmatics and Beyond. New Series 5) / Ed. by N.B.Thelin. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publ. Comp., 1990. P. 213—235.

144. Comrie B. Aspect. An Introduction to the Study of Verbal Aspect and Related Problem. Cambridge: Cambridge University Press, 1996. 142 p.

145. Comrie B. Tense and Time Reference: From Meaning to Interpretation in the Chronological Structure of a Text // Journal of Literary Semantics. An International Review. 15. N.Y.: Heidelberg, 1986. № 1. P. 12—23.

146. Dahl O. The Grammar of Future Time Reference in European Languages // Tense and Aspect in the Languages of Europe: Empirical Approaches to Language Typology. Berlin; Mouton: De Gruyter, 2000. P. 23—27.

147. Dietrich N. An analysis of «verbal aspect» as a cross-linguistic category — implications for language teaching // International Review of Applied Linguistics in Language Teaching. Vol. 30 / Ed. by P.Jordens, L.Roberts / Walter de Gruyter GmbH & Co. KG., 1992. № 4. P. 255—280.

148. Emanatian M. Chagga «COME» and «GO»: metaphor and the development of the tense-aspect // Studies in Language. 16.1. 1992. P. 86—94.

149. Fleischman S. The Future in Thought and Language: Diachronic Evidence from Romance. Cambridge: Cambridge University Press, 1982. 109 p.

150. Guillaume G. Temps et Verbe. P.: Librairie Champion Honoré, 1980. 154 p.

151. Gwiazdeca E. Quelle description pour le préverbe polonais? // Cognitive studies. 9. Warsaw: SOW Publishing House, 2009. P. 243—254.

152. Heine B. On the genesis of aspect in African languages: the proximative // Proceedings of the 20th Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society: Special session historical issues in African Linguistics. Berkeley, 1994. P. 36—43.

153. Hopper P.J. Tense-Aspect: Between Semantics & Pragmatics // Containing the Contributions to a Symposium on Tense and Aspect (Held at UCLA, May 1979). Typological Studies in Language. Vol. 1 / Ed. by Paul J.Hopper. Amsterdam: John Benjamins Publishing, 1982. 350 p.

154. Huot H. *Morphologie. Formes et sens des mots du français*. Paris: Armand Colin, 2001. 191 p.
155. Kangasmaa-Minn E. Tense, Aspect and Aktionsarten in Finno-Ugrian // *Aspect Bound: a Voyage into the Realm of Germanic, Slavonic and Finno-Ugrian Aspektology* / Ed. by C. De Groot and H. Tommola. Dordrecht: Foris Publ., 1984. P. 77—93.
156. Klum A. *Verbe et Adverbe*. Stockholm: Goteborg, Uppsala, 1991. 313 p.
157. Landman F. *The Progressive* // *Natural Language Semantics*. 1992. № 1. P. 1—32.
158. Leech G. *Principles of Pragmatics*. L.: Longman, 1986. 250 p.
159. Leech J. *Explorations in Semantics and Pragmatics*. Amsterdam: Benjamins, 1980. 114 p.
160. Leith M., Cunningham J. *Aspect and Interval Tense Logic* // *Linguistics and Philosophy*. Vol. 24 / Springer Science & Business Media B.V., Formerly Kluwer Academic Publishers B.V., 2001. № 3. P. 331—381.
161. Lindstedt J. *On the Semantics of Tense and Aspect in Bulgarian* // *Slavica Helsingensia*. Helsinki: Department of Slavonic Languages, 1985. 319 p.
162. Lyons J. *Semantics* // Cambridge UP. Vol. 1—2. 1987. P. 690—695.
163. Moignet G. *Grammaire de l'ancien français. Morphologie. Syntaxe*. P.: Ed. Klincksieck, 1983. 445 p.
164. Noyau C. *Processus cognitifs de la construction du lexique verbal dans l'acquisition (L1 et L2)* // *Revue d'intelligence Artificielle (RIA)*. Vol. 17. 2003. № 5—6. P. 799—812.
165. Palmer F.R. *Modality and the English Modals*. L.: Longman, 1979. 196 p.
166. Petrova M. *Some of the Secondary Meanings of the Russian, English and German Modal Verbs* // *XVII International Congress of Linguists (Prague, Czech Republic. Abstracts)*. 2003. 285 p.
167. Portner P. *The Progressive in Modal Semantics* // *Language*. 1998. Vol. 74. P. 760—784.
168. Pottier B. *Sémantique Générale*. P.: PUF, 1992. 232 p.
169. Sarda L. *Contribution à l'étude de la sémantique de l'espace et du temps: analyse des verbes de déplacements transitifs directs du*

français. URL: http://www.youscribe.com/sciences_de_l-homme_et_societe; свободный.

170. Saussure F. de. Cours de linuistique générale. P.: Payot, 1985. 509 p.

171. Searle I. A Classification of Illocutionary Acts // Language in Society. 1987. № 5. P. 1—23.

172. Sémon J.-P. Postojat' ou la perfectivité de congruence // Revue des études slaves. Vol. 58.4. 1986. P. 609—635.

173. Verkuyl H.J. A Theory of Aspectuality: the interaction between temporal and atemporal structure // Cambridge Studies in Linguistics. 64. Cambridge: Cambridge University Press, 1996. 412 p.

174. Vet C. Tense and Aspect in Discourse. N.Y.: de Gruyter, 1994. 295 p.

175. Wallace S. Figure and Ground: the interrelationships of linguistic categories // Tense and Aspect between semantic and pragmatics / Ed. by D.J.Hopper. Amsterdam: Benjamins, 1982. 350 p.

176. Werner H. Das Jugische (Sym-Ketische). Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 1997. 272 p.

177. Werner H. Zur Typologie der Jenissej-Sprachen. Veröffentlichungen der Sosietas Uralo-Altaica. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 1995. 212 p.

Словари и справочные издания

1. Абрамов Н. Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений. М.: Русские словари, 1999. 638 с.

2. Аллен Р. The Oxford Illustrated English Dictionary. Оксфордский толковый иллюстрированный словарь английского языка (ОТИСА). М.: Астрель: АСТ, 2001. 560 с.

3. Амбражейчик А. 2000 русских и 2000 английских идиом, фразеологизмов и устойчивых словосочетаний. Минск: ООО «Попурри», 2003. 304 с.

4. Баранов О.С. Идеографический словарь русского языка. М.: Изд-во ЭТС, 1995. 820 с.

5. Большой англо-русский словарь (БАРС) / Авт.-сост. Н.В.Адамчик. Минск: Литература, 1998. 1168 с.

6. Большой психологический словарь (БПС) / Сост. Б.Г.Мещеряков, В.П.Зинченко. М.: Олма-пресс, 2004. URL: <http://notions.ru/catalog/30>; свободный.
7. Большой русско-французский словарь (БРФС) / Л.В.Щерба, М.И.Матусевич, С.А.Никитина и др. 3-е изд., стер. М.: Рус. яз., 2002. 561 с.
8. Большой толковый словарь русских глаголов: Идеографическое описание. Синонимы. Антонимы. Английские эквиваленты / Под ред. проф. Л.Г.Бабенко. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА (Фундаментальные словари). 2007. 576 с.
9. Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / Отв. ред. д-р филол. наук В.Н.Телия. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2006. 784 с.
10. Гак В.Г., Ганшина К.А. Новый французско-русский словарь / В.Г.Гак, К.А.Ганшина. М.: Русский язык — Медиа, 2008. 1160 с.
11. Гуревич В.В., Дозорец Ж.А. Краткий русско-английский фразеологический словарь (КРАФС). М.: ВЛАДОС, 1995. 291 с.
12. Даль В.И. Толковый словарь русского языка. Современная версия. М.: Эксмо, 2002. 736 с.
13. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. URL: <http://www.classes.ru/all-russian/russian-dictionary-Dal-term-5875.htm>; свободный.
14. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: Эксмо, 2002. 544 с.
15. Дубровин М.И. Англо-русский и русско-английский словарь для всех. 5-е изд., стер. М.: Цитадель, 2001. 704 с.
16. Евгеньева А.П. Малый академический словарь. М.: Ин-т рус. яз. АН СССР, 1984. 237 с.
17. Ефремова Т.Ф. Современный толковый словарь русского языка: В 3 т. М.: АСТ, 2006. 3500 с.
18. Иллюстрированный энциклопедический словарь (ИЭС) / Ред. кол.: В.И.Бородулин, А.П.Горкин, А.А.Гусев, Н.М.Ланда и др. М.: Большая Рос. энцикл., 1995. 894 с.
19. Кортни Р. Английские фразовые глаголы. Англо-русский словарь (АФГАРС). 2-е изд., стер. М.: Рус. яз., 2000. 767 с.

20. Кунин А.В. Англо-русский фразеологический словарь (АРФС). 4-е изд., стер. М.: Рус. яз., 2002. 512 с.
21. Лингвистический энциклопедический словарь (ЛЭС) / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Сов. энцикл., 1990. 303 с.
22. Матвеева Т.В. Полный словарь лингвистических терминов. Ростов на/Д: Феникс, 2010. 562 с.
23. Молотков А.И. Учебный русско-французский фразеологический словарь (УРФФС) / А.И.Молотков, М.-Л.Жост. М.: Астрель: АСТ, 2001. 336 с.
24. Мюллер В.К. Англо-русский словарь. Полная версия. Более 180 000 слов, выражений и значений. М.: Эксмо, 2010. 912 с.
25. Новейший французско-русский, русско-французский словарь (НФР-РФС). М.: ИКТЦ «ЛАДА», 2009. 832 с.
26. Новый большой англо-русский словарь (НБАРС): В 3 т. / Ю.Д.Апресян, Э.М.Медникова, А.В.Петрова и др.; под общ. рук. Ю.Д.Апресяна. 5-е изд., стер. М.: Рус. яз., 2000. 832 с.
27. Ожегов С.И. Словарь русского языка: ок. 57 000 слов. Екатеринбург: Урал-Советы (Весть), 1994. 800 с.
28. Ожегов С.И. Словарь русского языка / Под ред. Н.Ю.Шведовой. М.: Рус. яз., 1989. 797 с.
29. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. М: Азбуковник, 1997. 944 с.
30. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд., доп. М.: ИТИ ТЕХНОЛОГИИ, 2003. 827 с.
31. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка / Под ред. проф. Л.И.Скворцова. М.: Азбуковник, 2005. 1200 с.
32. Пархамович Т.В. 1000 русских и 1000 английских идиом: Словарь с пояснениями и примерами использования. 4-е изд. Минск: ООО «Попурри», 2003. 128 с.
33. Психологический словарь. URL: <http://www.anypsy.ru/glossary/gotovnost-k-deistviyu>; свободный.
34. Психологический толковый словарь. URL: <http://magazine.mospsy.ru/dictionary>; свободный.
35. Раевская О.В. Новый французско-русский и русско-французский словарь (НФР-РФ). М.: Астрель: АСТ, 2007. 639 с.

36. Раевская О.В. Французско-русский словарь: ок. 14 000 словарных статей. М.: РУССО, 2002. 368 с.
37. Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов. 3-е изд. М.: Просвещение, 1985. 400 с.
38. Русско-английский и англо-русский словарь (РА-АРС). М.: Астрель: АСТ, 2002. 1200 с.
39. Русско-английский словарь (РАС): ок. 160 тыс. слов и словосочетаний / Сост. О.С.Ахманова, З.С.Выгодская, Т.П.Горбунова и др.; под общ. рук. А.И.Смирницкого; под ред. О.С.Ахмановой. 20-е изд., стер. М.: Рус. яз., 1997. 768 с.
40. Толковый словарь Д.Н.Ушакова. URL: <http://www.slovopedia.com/>; свободный.
41. Толковый словарь русского языка Д.В.Дмитриева. 2003. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/dmitriev/2769/>; свободный.
42. Ушаков Д.Н. Большой толковый словарь современного русского языка: 180 тыс. слов и словосочетаний. М.: Альта-Принт: Дом. XXI век, 2009. 1239 с.
43. Ушаков Д.Н. Толковый словарь русского языка: 100 тыс. слов. М.: ЛадКом, 2010. 848 с.
44. Французско-русский и русско-французский словарь (ФР-РФС). Dictionnaire Français Russe, Russe Français par P. Pauliat. М.: Радуга, 1999. 846 с.
45. Худяков А.А. Понятийные категории как объект лингвистического исследования. URL: <http://www.lingvolab.chat.ru/library/hudyakov.htm>.
46. Шитова Л.Ф., Брускина Т.Л. English Idioms and Phrasal Verbs. Англо-русский словарь идиом и фразовых глаголов (АРСИФГ). СПб.: Антология, 2003. 256 с.
47. Cambridge International Dictionary of English (CID). Cambridge: Cambridge University Press, 2001. 1774 p.
48. Dictionnaire d'Analyse du Discours (DAD) / Sous la direction de P. Charaudeau, D. Maingueneau. P.: Ed. du Seuil, 2002. 662 p.
49. Dictionnaire de Linguistique et des sciences du langage (DL) / Sous la rédaction de J. Dubois / J. Dubois, M. Giacomo, L. Guespin, Ch. Marcellesi, J.-P. Marcellesi, J.-P. Mével. P.: Larousse, 1994. 376 p.
50. Dictionnaire historique de la langue française (DH) / Sous la direction de Alain Rey. P.: Le Robert, 2006. T. 1. 1382 p.

51. Dictionnaire historique de la langue française (DH) / Sous la direction de Alain Rey. P.: Le Robert, 2006. Т. 3. 4034 p.
52. Grand Robert. Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française / Grand Robert. P.: Nouvelle ed., 1992. 786 p.
53. Macmillan English Study Dictionary / Brian Heaton. Oxford: Macmillan ELT, 1994. 272 p.
54. Merriam-Webster's Dictionary of English Usage / Merriam Webster. Springfield: Merriam-Webster Edition, 1994. 989 p.
55. Micro Robert: Dictionnaire du français primordial (MR). Т. 1—2. P.: Dictionnaires le Robert, 2006. 1207 p.
56. Oxford Dictionary of English / Angus Stevenson. Oxford: Oxford University Press, 2010. 2112 p.
57. Petit Robert. Dictionnaire de la langue française. P.: Petit Robert, 1990. 830 p.
58. Rat M. Dictionnaire des locutions françaises. P.: Nouvelle ed., 1992. 736 p.
59. The Concise Oxford Dictionary of English Etymology / T.F.Hoad. Oxford: Oxford University Press, 1993. 576 p.

Источники

1. Ботвинник М.М. К достижению цели. М.: Молодая гвардия, 1978. 271 с.
2. Бунин И.А. Деревня. М.: Худож. лит., 1981. 319 с.
3. Бунин И.А. Суходол. Собрание сочинений: В 6 т. М.: Сантакс, 1994. Т. 2. 356 с.
4. Вересаев В.В. Записки врача. СПб.: Типография А.Е.Колинского, 1902. 312 с.
5. Гончаров И.А. Обломов. М.: Моск. рабочий, 1985. 447 с.
6. Горький М. Мать. Роман / Вступ. ст. Б.Бялика. М.: Худож. лит., 1987. 336 с.
7. Гранин Д.А. Искатели. М.: Лениздат, 1979. 336 с.
8. Данилова А.В. Плюшевый свидетель; Этюд в розовых тонах: повести. М.: Эксмо, 2014. 576 с.
9. Достоевский Ф.М. Бедные люди. Двойник; Петербургская поэма. М.: Сов. Россия, 1985. 272 с.
10. Достоевский Ф.М. Белые ночи. Нечочка Незванова / Вст. ст В.Акимовой. Л.: Худ. лит., Ленингр. отд-ние, 1968. 256 с.

11. Катаев В. Хуторок в степи. Роман. М.: Детгиз, 1956. 144 с.
12. Куприн А.И. Поединок. М.: Художеств. лит., 1966. 84 с.
13. Куприн А.И. Гранатовый браслет. Элиста: Калмыцкое книжное издательство «Элиста», 1978. 274 с.
14. Лесков Н.С. Левша. Повести и рассказы / Вступ. ст. и примеч. Б.Дыхановой. М.: Художеств. лит., 1981. 414 с.
15. Одоевский В.Ф. Повести и рассказы. М.: Художеств. лит., 1988. 384 с.
16. Одоевский В.Ф. Саламандра. Сочинения: В 2 т. М.: Художеств. лит., 1981. Т. 2. Повести. 319 с.
17. Островский А.Н. Сочинения. Киев: Изд-во ЦК ЛКСМУ «Молодь», 1954. 320 с.
18. Паустовский К.Г. Дым отечества. М.: Правда, 1985. 464 с.
19. Полевой Б.Н. Повесть о настоящем человеке. М.: Детск. лит., 2013. 96 с.
20. Пушкин А.С. Драматические произведения. Романы. Повести. М.: Олимп: АСТ, 2000. 704 с.
21. Распутин В.Г. Последний срок: Повесть. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1970. 248 с.
22. Распутин В.Г. Прощание с Матерой: Повесть. Иркутск: Издатель Сапронов, 2012. 203 с.
23. Симонов К.М. Живые и мертвые. М.: Терра-Книжный клуб, 2004. Кн. 2. Солдатами не рождаются. 176 с.
24. Толстой А.Н. Петр Первый: роман. М.: Сов. Россия, 1986. 718 с.
25. Толстой Л.Н. Воскресение: Роман. М.: ТЕРРА, 1993. 552 с.
26. Толстой Л.Н. Война и мир. М.: Лексика, 1996. Т. 3. 717 с.
27. Тургенев И.С. Дворянское гнездо; Отцы и дети. Повести. М.: Правда, 1983. 464 с.
28. Тургенев И.С. Накануне. Отцы и дети. М.: Химия, 1980. 333 с.
29. Чехов А.П. Рассказы и повести. Куйбышев: Куйбышевское кн. изд-во, 1969. 352 с.
30. Чехов А.П. Пассажир 1-го класса. М.: Наука, 1976. Т. 5. 376 с.
31. Чехов А.П. Степь. М.: Белый город, 2009. 462 с.
32. Шолохов М. Нахаленок. М.: Дет. лит., 1981. 74 с.

33. Шолохов М.А. Донские рассказы. М.: Молодая гвардия, 1978. 256 с.
34. Alain-Fournier H. Le grand Meaulnes. Milan: La Spiga Languages, 1998. 96 p.
35. Balzac H. Le Colonel Chabert. L'auberge Rouge. Бальзак О. Полковник Шабер. Красная гостиница / Книга для чтения на французском языке. СПб.: КАРО, 2007. 224 с.
36. Basin H. Le Matrimoine. P.: Seuil, 1967. 450 p.
37. Basin H. Vipère au poing. Cri de la chouette. La mort du petit cheval. Moscou: Progress, 1979. 240 p.
38. Baudelaire Ch. La Fanfarlo. Milan: La Spiga Languages, 1995. 80 p.
39. Beauvoir S. L'invitée. P.: Gallimard, 1965. 280 p.
40. Beauvoir S. Les belles images. Moscou: TSITADEI, 2000. 176 p.
41. Camus A. L'étranger. P.: Gallimard, 1986. 138 p.
42. Chateaubriand F.-R. Les Aventures du Dernier Abencerage. P.: Gallimard, 1971. 318 с.
43. Christie A. Murder on the Orient Express. N.Y.: Harper Collins Publishers, 2011. 336 p.
44. Clavel B. Le tonnerre de Dieu. Moscou: TSITADEI, 2001. 144 p.
45. Daudet A. Lettres de mon moulin. P.: L'Aventurine, 2000. 160 p.
46. Doyle A.C. The Red-Headed League. Colorado Springs: Balster Publishing, 2013. 80 p.
47. Dumas A. Les trois Mousquetaires. P.: Edition du groupe «Ebookslibres et gratuits», 2007. 700 p.
48. Dumas fils A. La Dame aux Camellias. Дюма-сын А. Дама с камелиями / На фр. яз. М.: Юпитер-Интер, 2007. 272 с.
49. Durrell G. A Zoo in My Luggage. L.: Penguin Books Ltd., 2012. 180 p.
50. Fowles J. The Ebony tower. L.: Vintage Books, 2006. 300 p.
51. Galsworthy J. The First and the Last. N.Y.: Kessinger Publishing, 2004. 48 p.
52. Gardner S. The Case of the Perjured Parrot. Гарднер Э.С. Дело о лжесвидетельствующем попугае / Предисл. и коммент. Е.В.Угаровой. На англ. яз. М.: Айрис-пресс, 2004. 384 с.

53. Gautier Th. *La Morteamoureuse*. Milan: La Spiga Languages, 1998. 80 p.
54. Gide A. Isabelle. P.: Editions Gallimard, 1972. 148 p.
55. Henry O. *Selected Stories*. Сборник рассказов / Сост. Н.А.Самуэльян. На англ. яз. 2-е изд. М.: Менеджер, 1999. 304 с.
56. Jerome J.K. *Three Men in a Boat (To say nothing of the Dog)*. Джером К.Д. Трое в лодке, не считая собаки / На англ. яз. М.: Юпитер-Интер, 2007. 240 с.
57. Lawrens D.H. *Lady's Chutterley's Lover*. Cambridge: Cambridge University Press, 1993. 184 p.
58. Mansfield K. *Taking the Veil*. N.Y.: Steele Roberts Publishers, 2004. 123 p.
59. Maugham W.S. *The Magician*. Мозм У.С. Маг. Роман / Коммент. В.А.Ильиной. На англ. яз. М.: Менеджер, 2005. 256 с.
60. Radiguet R. *Le Diable au Corps*. Радиге Р. Бес в крови / На фр. яз. М.: Юпитер-Интер, 2006. 144 с.
61. Sagan F. *Aimez-vous Brahms?* Moscou: TSITADEI, 2001. 112 p.
62. Sagan F. *Bonheur, impaire et passé*. P.: Juillard, 1964. 350 p.
63. Sagan F. *Un certain sourire*. P.: Juillard, 1965. 285 p.
64. Sagan F. *Bonjour, tristesse*. Саган Ф. Здравствуй, грусть / На фр. яз. М.: Юпитер-Интер, 2005. 116 с.
65. Sand G. *François le Champi*. Санд Ж. Франсуа-найденыш. Книга для чтения на фр. яз. СПб.: КАРО, 2005. 208 с.
66. Saint-Exupéry A. *Vol de nuit*. P.: Gallimard, 2007. 192 p.
67. Saint-Exupéry A. *Le petit prince // Contes littéraires française*. Moscou: Radouga, 1983. 544 p.
68. Sartre J.-P. *Le diable et le bon Dieu*. P.: Gallimard, 1976. 480 p.
69. Sartre J.-P. *Les Mots*. Сартр Ж.-П. Слова. Книга для чтения на фр. яз. СПб.: Корона принт: КАРО, 2004. 240 с.
70. Ségur S. *Les vacances*. P.: Hachette, 1901. 185 p.
71. Simenon G. *L'ainé des Ferchaux*. P.: Gallimard, 1979. 180 p.
72. Simenon G. *La première enquête de Maigret*. P.: Livre de Poche / LGF, 2002. 188 p.
73. Simenon G. *Maigret et la grande perche*. Moscou: TSITADEI, 2001. 224 p.

74. Stendhal. Chroniques sitaliennes. P.: Editions Gallimard et Librairie Générale Française, 1988. 448 p.
75. Stevenson R.L. The Strange Case of Dr. Jekyll and Mr. Hyde and Other Stories. P.: Barnes & Noble, 2004. 304 p.
76. Stevenson R.L. The Strange Case of Dr. Jekyll and Mr. Hyde. London: Published by the Penguin Group, 1994. 98 p.
77. Wilde O. Lord Arthur Savile's Crime and Other Stories. L.: Published by the Penguin Group, 1994. 194 p.
78. Wilde O. The Model Millionaire. N.Y.: Harper Collins Publishers, 2009. 224 p.
79. Wilde O. The Picture of Dorian Gray. L.: Penguin Classics, 2006. 304 p.
80. Wodehouse P.G. Love Among the Chickens. P.: Boomer Books, 2007. 186 p.
81. Zola E. Au Bonheur des Dames. P.: Pocket, 1998. 491 p.

Интернет-ресурсы

1. Британский национальный корпус (BNC). URL: <http://corpus.byu.edu/bnc/>
2. Корпус русского литературного языка (КРЛЯ). URL: <http://www.narusco.ru>.
3. Корпус французского языка (ABU). URL: <http://www.abu.cnam.fr>.
4. Национальный корпус русского языка (НКРЯ). URL: <http://www.ruscorpora.ru>
5. Фундаментальная электронная библиотека, русская литература и фольклор. URL: <http://feb-web.ru/feb/litenc/encyclp/le9/le9-7032.htm>

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
Глава 1. ПРОСПЕКТИВНОСТЬ В СФЕРЕ АСПЕКТУАЛЬНОСТИ.....	8
1.1. Место перспективности в аспектуальной характеристике действия	8
1.2. Перспективность в контексте взаимодействия категорий аспектуальности, модальности и темпоральности.....	18
1.3. Истоки формирования категории перспективности	25
1.4. Специфика категории перспективности и ее когнитивные основы	35
1.5. Структурно-понятийная характеристика категории перспективности	40
Глава 2. ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА ОБЪЕКТИВАЦИИ КАТЕГОРИИ ПРОСПЕКТИВНОСТИ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО, АНГЛИЙСКОГО И ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКОВ).....	59
2.1. Ситуация намерения совершения действия	59
2.2. Ситуация готовности к совершению действия.....	87
2.3. Ситуация движения к совершению действия	99
2.4. Ситуация близости к вступлению в действие	109
2.5. Ситуация неизбежности совершения действия.....	120
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	138
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК	142

Научное издание

**КАТЕГОРИЯ ПРОСПЕКТИВНОСТИ:
СПЕЦИФИКА, ВЕРБАЛИЗАЦИЯ**

Монография

Редактор *Н.В.Титова*
Компьютерная верстка *Н.В.Титовой*

Изд. лиц. ЛР № 020742. Подписано в печать 11.12.2015
Формат 60×84/16. Бумага для множительных аппаратов
Гарнитура Times. Усл. печ. листов 10,4
Тираж 300 экз. Заказ 1743

*Отпечатано в Издательстве
Нижевартовского государственного университета
628615, Тюменская область, г.Нижевартовск, ул.Дзержинского, 11
Тел./факс: (3466) 43-75-73, E-mail: izdatelstvo@nggu.ru*